

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИЗВЕСТИЯ
ЮЖНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2012

№ 3

Известия ЮФУ
Филологические науки
2012. № 3

Редакционная коллегия:

Н.В. Изотова главный редактор
С.Г. Агапова зам. главного редактора
Е.В. Григорьева зам. главного редактора

Е.В. Ахмадулин (раздел журналистики),
Н.Н. Маевский (раздел образования),
Н.В. Малычева (раздел языкознания),

Л.В. Табаченко (раздел рецензий и хроники),
В.Н. Чубарова (раздел литературоведения),
И.В. Нефёдов (ответственный секретарь)

Редакционный совет:

А.И. Акопов (ЮФУ),
О.В. Александрова (МГУ),
Е.Л. Варганова (МГУ),
Л.А. Введенская (ЮФУ),
Г.Ф. Гаврилова (ПИ ЮФУ),
Л.П. Громова (СПбГУ),
В.И. Дегтярев (ЮФУ),
Н.В. Забабурова (ЮФУ),
С.Н. Зотов (ТГПИ),

В.И. Карасик (ВГПУ),
В.В. Курилов (ЮФУ),
Н.В. Логунова (ПИ ЮФУ),
В.П. Малащенко (ПИ ЮФУ),
В.Ю. Меликян (ПИ ЮФУ),
С.Г. Николаев (ЮФУ),
А.И. Норанович (ЮФУ),
А.И. Станько (ЮФУ)

Номер подготовил редактор В.И. Литвиненко

Адрес редакции:

*344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33
тел. (863) 264-47-88*

Св. о рег. ПИ № ФС77-28745 от 05.07.2007 г.

© Редакционная коллегия журнала
«Известия Южного федерального
университета. Филологические науки»,
2012 г.

СОДЕРЖАНИЕ**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

Воронина Е.Б. Творчество Н. Саррот: выражение «невыразимого»	8
Луценко К.В. Проза русского символизма и особенности развития литературного процесса	15
Черюкина Г.Л. Когда и почему молчит герой-идеолог Достоевского?	22
Дмитрова А.В. Мотив утраченной Родины в романе Бориса Поплавского «Аполлон Безобразов»	28
Жак Е.С. Люди и вещи. Образ поколения в современной мемуаристике	34

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Гайбарян О.Е. Принципы составления авторского словаря Г. Газданова	42
Смирнова М.С. Основные изменения в области безударного вокализма в процессе ассимиляции русских заимствований в английском языке	50
Окс М.В. Перифраз: между синонимией и плеоназмом	56
Миргородская В.В. Об основаниях сопоставления и его соотношении со сравнением	63
Бобрышева И.А. Связь семантических полей «пустота» и «творчество» в идиолекте М.И. Цветаевой	69
Бульбенко Е.С. Объективация эмоциональных концептов «коварство» и «хитрость» в художественной коммуникации (на материале произведения Фридриха Шиллера «Коварство и любовь»)	75

Земляная А.С.	
Имплицитность как компонент идиостиля и формы её выражения в творчестве Джейн Остен	82
Козлова А.Г.	
Персонификация в поэзии Джона Апдайка	90
Котельникова И.В.	
Несобственно-прямая речь как форма коммуникативного взаимодействия автора, персонажа и читателя	98
Кравцов С.М.	
Межъязыковые фразеологические квазиэквиваленты (на материале русского и французского языков)	104
Радченко И.И.	
Прагматические потенции отрицательных конструкций и их реализация в текстах СМИ	108
Ярцев С.А.	
Влияние ролевых характеристик автора резюме на успешность решения коммуникативной задачи (на примере информации об образовании автора)	115
Поленова Г.Т.	
Категория времени – исторически бинарная оппозиция	122
Скнар Г.Д.	
Принцип концептуального включения тематических компонентов как авторская стратегия в художественном тексте	131
Румянцева А.С.	
Методика определения содержательного ядра многозначного прилагательного «hard» и его функционирование	136
Руденко О.Ю.	
Понятие иноязычности	143
Брусенская Л.А.	
В чём состоит экологический подход к языку?	149
Кравченко И.Л.	
К проблеме эквивалентности перевода художественного текста	157
Трошкина Т.П.	
Лексические темы пространства и времени (на примере романа В. Аксёнова «В поисках грустного беби»)	163

<i>Сергеева А.Д.</i>	
Роль колоративной лексики в объективации мотива утраченной Родины (на материале произведений И.А. Бунина)	170
<i>Насилевич К.А.</i>	
Прагматическая и грамматическая обусловленность структуры контекстно-связанных косвенных реквестивных актов	177
ЖУРНАЛИСТИКА	
<i>Станько А.И.</i>	
Неизвестные страницы истории донской прессы	186
ОБРАЗОВАНИЕ	
<i>Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю.</i>	
Учебник «Русский язык. Культура речи. Деловое общение»: модульно-компетентностный подход	194
РЕЦЕНЗИИ	
Малычева Н.В.	
<i>Милевская Т.В., Малащенко В.П.</i> Русский синтаксис в системном описании. LAP LAMBERT Academic Publishing. 2011. 24 п.л.	204
ХРОНИКА	
Григорьян Е.Л., Карпун М.А.	
III Международная научно-практическая конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода» (Салоники, Греция)	208
Маевский Н.Н.	
XXIII Пленум Совета по филологии УМО по классическому университетскому образованию (Орёл, 3-4 мая 2012 г.)	210
Григорьян Е.Л., Карпун М.А.	
XLI Международная филологическая конференция (Санкт-Петербург)	216
Малычева Наталья Владимировна	220
ABSTRACTS	222
Требования к материалам, публикуемым в журнале	230

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.133.1.0
ББК 83.3(4Фр)-8 Саррот Н.

Е.Б. Воронина

**ТВОРЧЕСТВО Н. САРРОТ:
ВЫРАЖЕНИЕ
«НЕВЫРАЗИМОГО»**

Рассматриваются ключевые аспекты эстетики Натали Саррот, одним из которых является ее концепция тропизмов. Особое внимание уделено способам изображения этих «невыразимых движений» в позднем творчестве писательницы.

Ключевые слова: тропизм, ощущение, речь, слово, метафора, образ.

Воронина Евгения Борисовна – аспирант кафедры зарубежной литературы Ивановского государственного университета
Тел.: 8-910-691-04-38
E-mail: ivabelle@list.ru

© Воронина Е.Б., 2012.

Писательница и драматург Натали Саррот (1900–1999) приобрела известность как теоретик и практик французского «Нового романа». Ее сборник статей «Эра подозрения» (*Ère du soupçon*, 1956) обозначила новый этап в становлении романного жанра, когда автор и читатель испытывают недоверие к застывшим в прошлом формам. Яркие, незабываемые характеры, фабула, развивающаяся по всем законам интриги, и автор, обладающий всеведением, – основные категории романа времен Стендаля, Бальзака. От этих категорий новороманисты стремятся отказаться. Современный мир слишком изменился, чтобы во всем следовать классическим образцам, считает Саррот: «...ils [*les critiques*. – Вставлено нами. – Е.В.] *ont beau distribuer sans compter les éloges à ceux qui savent encore, comme Balzac ou Flaubert, "camper" un héros de roman et ajouter une "inoubliable figure" aux figures inoubliables dont ont peuplé notre univers tant de maîtres illustres...* » [Sarraute, p. 1577] («... тщетно они [критики] расточают безудержные хвалы тем, кто еще владеет искусством "создать" героя романа, подобно Бальзаку или Флоберу, добавив тем самым еще одну "незабываемую фигуру" к сонму незабываемых фигур, которыми населили наш мир прославленные мастера...» [Саррот, 2000, с. 195]).

Эстетической основой творчества писательницы становится изображение тропизмов: «*Ce sont des mouvements indéfinissables, qui glissent très rapidement aux limites de notre conscience; ils sont à l'origine de nos gestes, de nos paroles, des sentiments que nous manifestons,*

que nous croyons éprouver et qu'il est possible de définir» [Sarraute, p. 1553] («Эти необъяснимые, невыразимые душевные движения и действия очень быстро скользят к границам нашего сознания; они лежат в основе наших жестов, нашей речи, в основе выказываемых нами чувств, чувств, которые мы, как мы полагаем, испытываем и которым можно дать определение, можно описать» [Саррот, 2000, с. 136]). Такого рода «пред-эмоции» Саррот в своих критических работах обозначает как «неназванное» («non-nommé» или «innommé»). Лишь только из областей предсознания тропизм переходит в речь, он тотчас искажается, приобретает иное значение, поскольку слово – несовершенный инструмент. Она рассматривает речь как «чрезвычайно упрощенную систему условностей, грубо установленный код для удобства общения» («un système de conventions, extrêmement simplifié, un code grossièrement établi pour la commodité de la communication»), которому необходим очень тесный контакт, слияние с «неназванным», чтобы создать текст [Sarraute, p. 1700]. Ее мнение находится в русле философских поисков этого времени, спровоцировавших постструктурализм и постмодернистскую эстетику. Например, М. Фуко всего на несколько лет ранее пишет в книге «Слова и вещи» (*Les Mots et les Choses*, 1966) о несоответствии между мыслью и словом, по причине того, что язык не идеальная система и не «ладно скроен» [Фуко, с. 149 – 151].

Саррот художественно интерпретирует взаимосвязь слова и ощущения в своем произведении «Дар слова» (*Usage de la parole*, 1980). В последнем эссе сборника с говорящим названием «Je ne comprends pas» («Я не понимаю») собеседники поначалу, казалось бы, приходят к полному взаимопониманию, и романистка рисует счастливую картину: «*Au milieu des océans d'obscurantisme, de charlatanisme, de terrorisme, de conformisme, de lâcheté qui l'entourent, il est un lieu où la parole est en sécurité. Où elle est entourée du respect, des honneurs qu'elle mérite» [Sarraute, p. 985] («Среди обступающих его океанов мракобесия, шарлатанства, терроризма, конформизма, трусости речь здесь в безопасности. Она окружена уважением, заслуженными почестями» [Саррот, 1992, с. 166]).* Но идиллия тотчас разрушается самой писательницей, не верящей столь оптимистичному прогнозу: «*Mais vraiment c'est à croire que toute cette belle, trop belle histoire n'était finalement rien d'autre qu'un conte de fées» [Sarraute, p. 985] («Можно, право, подумать, что вся эта прекрасная, слишком прекрасная история, в сущности, не что иное, как волшебная сказка» [Саррот, 1992, с. 166]).* Слово неспособно выразить смысл, чувство, в этом состоит драма автора и читателя его произведений. Каждый из нас оказывается перед хаосом мира, где не за что зацепиться, поскольку всякая надежда на понимание разрушена. А.Н. Таганов называет это драмой «слова, не узнанного и не познанного» [Таганов, с. 49].

Констатируя невозможность полноценно передать с помощью языка эти внутренние движения, писательница не обнаруживает другого способа их выразить. Все поиски писательницы направлены на то, чтобы, используя язык, дать возможность читателю ощутить те же эмоции, что

испытывает автор: *«Parce qu'il s'agit ici de communiquer aux autres et de vivre sous leurs yeux, avec eux, ces mouvements intérieurs, de les convaincre, de les appeler à l'aide, et pour cela il faut se servir du seul langage qu'ils puissent aussitôt comprendre, le langage quotidien»* [Sarraute, p. 1709] (*«Поскольку речь идет о том, чтобы сообщить другим и прожить под их наблюдением, вместе с ними, эти внутренние движения, их убедить, позвать их на помощь, для этого нужно пользоваться единственной речью, которую они бы смогли тотчас понять – повседневной речью»*. – Перевод наш. – Е.В.). Абсолютная передача смысла невозможна, но можно попробовать пробудить у читателя те же тропизмы. Для их изображения Саррот прибегает к развернутой метафоре, что отмечают многие исследователи¹. Как пишет исследователь О.В. Пигулевский по поводу романов М. Пруста, Дж. Джойса, В. Вульф и Н. Саррот, «поток мгновений жизни в романе передается посредством перехода метафоры в метаболу, образуя новую орфическую чувственность» [Пигулевский]. Термин «метабола» подразумевает под собой троп, промежуточный между метафорой и метонимией, который при переносе смысла выводит в дискурс промежуточное понятие между исходным и результирующим словами [Эпштейн]. С мнением о том, что метабола используется в произведениях романистки, можно согласиться частично, поскольку троп у Саррот берет за основу ощущение автора и переводит его в ощущение читателя. Иными словами, здесь наличествуют три уровня смысла, и троп занимает переходное положение. Вместе с тем, если исключить экстралингвистическую реальность, то перенос внутри текста происходит один раз (ощущение > троп). К тому же, ощущение автора и ощущение читателя в идеале должны быть идентичны. Отсюда следует, что творчеству Саррот свойственна метафоричность. Термин «метабола», скорее, применим к творчеству сюрреалистов, а также П. Валери, Р.-М. Рильке, О. Мандельштама, о чем говорит в своей статье М. Эпштейн [Эпштейн].

Метафоры, используемые писательницей, обращаются к разным областям человеческого опыта. Опираясь на знания индивида, на коллективную память, Саррот создает образы, которые должны быть понятны каждому. Для нее при мысли о тропизмах речь идет о «безымянной материи, содержащейся во всех людях и во всех людских сообществах» [Саррот, 2000, с. 228] (*«une matière anonyme qui se trouve chez tous les hommes et dans toutes les sociétés»* [Sarraute, p. 1593]), и это описание может быть воспринято в русле юнгианства. Отсюда вполне уместной является попытка проинтерпретировать развернутые метафоры Саррот как архетипы, связанные с коллективным бессознательным. Данный подход применяется в работах отечественных (А.Ф. Строев) и, главным образом, зарубежных ученых (Г. Брюлотт, Д. Келлер, К. Вей). Поскольку образы черпаются из всеобщих источников, они должны, по мысли Саррот, вызывать у читающих идентичные тропизмы.

Можно выделить несколько больших групп образов для создания метафор, к которым обращается писательница:

1. Культурно-исторические образы;

2. Природные образы;
3. Экфрасисы;
4. Интертекстуальные приемы.

Наблюдается и смешение разных видов образов для описания одного тропизма.

Среди культурно-исторических образов можно привести в пример один из самых ярких. В романе «говорят дураки» («*disent les imbéciles*», 1979) речь идет об «интеллектуальном терроризме», т.е. возможности психологического уничтожения человека за счет одной фразы «*C'est ce que disent les imbéciles*» («*Так говорят дураки*»). Человек, которого назвали глупым, ощущает глубокое унижение, которое Саррот рисует с помощью метафорического образа плененного главнокомандующего: «... *il est projeté à terre, ses insignes arrachés, il est secoué, contraint à se relever et à marcher, poussé à coups de crosse, à coups de pied dans le troupeau grisâtre des captifs, tous portant la même tenue, classés dans la même catégorie? les imbéciles*» [Sarraute, p. 853] («... он отброшен наземь, его знаки отличия содраны, его толкают, заставляют подняться и шагать, подгоняют прикладом, пинками в сероватое стадо пленных, которые все одеты одинаково, отнесены к одному разряду – дураков». – Перевод наш. – Е.В.). Данная метафора позволяет почувствовать всю силу унижения оскорбленного человека: как человек, занимавший высокий пост, лишен привилегий, так и несправедливо названный глупым герой лишен того, благодаря чему он смог бы защищаться.

Обращение к произведениям изобразительных искусств для воссоздания ощущений имеет большое значение в книге «Здесь» (*Ici*, 1995). Собирательный образ картин Арчимбольдо, художника эпохи позднего Возрождения, известного оригинальными портретами из цветов и плодов, становится лейтмотивом произведения. Его имя, позабытое и тщательно восстанавливаемое в памяти повествователем, распадается на свои составляющие, как и лица его героев: «boldo» ассоциируется со смелостью, отвагой (от англ. «bold»), «М» сравнивается с «mûre» – тутовой ягодой, ежевикой, «arci» связывается со сводом, с аркой. Образ его произведений символизирует природу, вечно умирающую и возрождающуюся, стареющую и юную, как сама жизнь: «... *chacune de ses syllabes s'inscrivait dans la chevelure en grappes de raisin, en feuilles de vigne, en cerises, en fraises, dans la courgette qui émerge entre les deux pommes des joues, dans la bouche, une grenade entrouverte...*» [Sarraute, p. 1299] («Каждый слог имени вписывался в шевелюру из виноградных листьев и гроздей, из клубники и вишен, в контуры кабачка, торчащего между яблоками щек, в гранатовые зерна губ...» [Саррот, 1999, с. 28]). К тому же, оно ассоциируется с живописью, искусством, творчеством и имеет глубинное значение для эстетики Саррот. В ее творчестве художественные средства живописи приобретают особое звучание, поэтому можно говорить в данном случае о синтезе искусств – живописи и литературы. Согласно исследовательнице С. Комацу, Арчимбольдо выражает собственный стиль письма Саррот: внутренние состояния изображаются с помощью

картинок так же, как портреты художника составлены из различных элементов [Komatsu, p. 79]. Но если Арчимбольдо рисует внешний облик, то Саррот изображает внутренний портрет личности. Тщательно подобранные и скомпонованные, своей формой природные элементы напоминают части лица и на картинах соединяются в цельные образы. Одновременно с тем каждый их них привлекает внимание сам по себе и является завершенным. Так и Саррот очень часто прибегает к такому изобразительно-выразительному средству, как развернутая метафора, для создания образов, которые самодостаточны и сами по себе, но вместе с тем эти яркие картинки воссоздают у читателя определенные внутренние состояния.

Встречаются в тексте писательницы интертекстуальные приемы, служащие воссозданию тропизмов. В частности, можно наблюдать прямые указания на используемые произведения, которые созвучны ощущениям героя или повествователя. Так, в пьесе «По поводу или без повода» (*Pour un oui ou pour un non*, 1982) возникает строчка из стихотворения П. Верлена «*La vie est là, simple et tranquille...*» («*Вот она жизнь, простая и спокойная...*»). – Перевод наш. – Е.В.). Она появляется случайно в реплике одного из персонажей (Н.1) как продолжение реплики его собеседника (Н.2). Эта строчка ассоциируется с областью поэтического, поэтому Н.1 обвиняет своего друга в лирическом складе ума, в излишней эмоциональности. «Поэтичность» и практичность показывают различие в восприятии жизни между персонажами, таким образом, поднимая вопрос о возможности дружбы между ними.

Иногда принадлежность использованных образов в тексте не обозначается, и автор, скорее, надеется на широкий кругозор своего читателя. В ее текстах есть обращения к образам из произведений Ф. Кафки, Ф.М. Достоевского, О. де Бальзака, а также к сказкам. Саррот органично вводит «чужое слово» в свой собственный текст, провоцируя у читателей реминисценции и ощущения, уже ранее испытанные ими при чтении упомянутых произведений. Французский исследователь О. Пижа обращает наше внимание на внушительное количество литературных ссылок в произведениях Саррот, в том числе среди них присутствуют упоминания творчества Кафки [Pigeat]. Так, отсылку к кафкианским образам можно обнаружить в романе «Говорят дураки», где состояние героя описывается с помощью следующей метафоры: «*Un seul petit mouvement chez lui et j'étais renversé, je tombais sur le dos, tiré en arrière et plaqué au sol par la lourde carapace des imbéciles... un imbécile s'efforçant pitoyablement de se retourner, de se relever, et ne pouvant que gigoter, brasser l'air de ses pattes minuscules...*» [Sarraute, p. 917] («*Одно его малейшее движение, и я был бы опрокинут, упал бы на спину, сваленный и пригвожденный к земле тяжелым панцирем дураков... дурака, отчаянно силящегося перевернуться и подняться, но способного лишь сотрясать воздух, дрыгать своими крошечными лапками...*»). – Перевод наш. – Е.В.). Данный тропизм отсылает нас к персонажу повести «Превращение» Грегору Замзе, который обернулся насекомым. Обращение к произведению Кафки позволяет по за-

конам интертекста мгновенно создать для читателя, знакомого с образом, необходимую атмосферу, а точнее, передать ему ощущения героя, которое хочет вызвать писательница, – униженность и абсолютную беспомощность. Если читатель не знаком с данным произведением, то сам по себе образ достаточно ярок, чтобы понять мысль автора.

Встречаются в произведениях Саррот метафоры, не связанные с фоновыми культурными или литературными реминисценциями, но от этого не менее выразительные. В книге «Детство» (*Enfance*, 1983) есть очень характерный для романистки прием: она изображает тропизм, который невозможно назвать, применяя обычные лексические средства. Речь идет об эпизоде, посвященном прогулке маленькой героини в Люксембургском саду. Описание начинается с пейзажной зарисовки, создающей светлую и приятную атмосферу: *«je regardais les espaliers en fleurs le long du petit mur de briques roses, les arbres fleuris, la pelouse d'un vert étincelant jonchée de pâquerettes, de pétales blancs et roses, le ciel, bien sûr, était bleu, et l'air semblait vibrer légèrement...»* [Sarraute, p. 1024] («Я глядела на цветущие шпалеры вдоль невысокой ограды из розового кирпича, на деревья в цвету, на ярко-зеленую лужайку, усеянную маргаритками, белыми и розовыми лепестками, небо, разумеется, было голубым, и воздух, казалось, слегка дрожал...») [Саррот, 1995, с. 61]). Ощущение, связанное с этим уголком природы, особого свойства: повествователь боится назвать его. Им поочередно отвергаются такие его определения, как «bonheur» (счастье), «félicité» (блаженство), «exaltation» (восторженность), «extase» (исступление) и «joie» (радость), неспособные вместить в себя суть тропизма. То, что переполняет героиню, метафорически названо волнами: *«des ondes de vie, de vie tout court, quel autre mot!... de vie à l'état pur, aucune menace sur elle, aucun mélange, elle atteint tout à coup l'intensité la plus grande qu'elle puisse jamais atteindre...»* [Sarraute, p. 1024-1025] («волны жизни, просто жизни, другого слова не подберешь... жизни как таковой, ничем не омраченной, ничем не замутненной, достигающей вдруг своей наивысшей полноты...») [Саррот 1995, с. 62]. Саррот в небольшом отрывке 2 раза возвращается к описанию цветущего сада, переплетенного с описанием внутреннего состояния. По всей видимости, описание природных объектов наилучшим образом отражает тропизм героини. Здесь четко прослеживается мысль о том, что, будучи названным, ощущение исчезает. Отсюда писательница использует иносказательный подход для создания той же эмоции у читателя.

Выражая «невыразимое», Саррот предлагает читателю тропизмы, пережитые ею как автором. Исходные внутренние состояния провоцируют метафорические образы, представляющие собой яркие и запоминающиеся картины, которые в свою очередь создают идентичные ощущения в предсознании воспринимающего субъекта. Метафоры создаются, в основном, за счет знакомых образов, связанных с коллективной памятью. Если же речь идет о более личном опыте автора, то эти образы носят достаточно универсальный характер и в большей степени доступны для воссоздания. Писательница на протяжении своего

творческого пути ставит своей целью особым образом воздействовать на читателя, «любой ценой завлечь его на территорию автора» [Саррот, 2000, с. 211] («l'attirer coûte que coûte sur le terrain de l'auteur» [Sarraute, p. 1585]), побудить его почувствовать то, что волнует саму романистку.

Примечания

¹ См., например: *Балашова Т. В.* Поток сознания // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. М., 2002. С. 158–193; *Вишняков А. Г.* Поэтика французского Нового Романа: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011; *Герасимова Н. И.* Образ персонажа как средство проявления авторской субъективности в литературе «Нового романа» (на материале произведений Натали Саррот) // Исследования в области французского языка и французской культуры: новое тысячелетие – новый этап: материалы Междунар. конф. Пятигорск, 2004. С. 63 – 70; *Keller D.* «Délicieusement imprécis»: le motif de l'enfance dans l'oeuvre de Nathalie Sarraute: thèse de doctorat. Zürich, 2011.

Литература

Пигулевский В. О. Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму. Ростов н/Д, 2002. URL: <http://www.urgi.info/urgiinfofiles/sites/pigulevsky-ironiya/index.htm> (дата обращения: 25.03.2012)

Саррот Н. Дар речи / пер. И. Кузнецовой // Новый мир. 1992. № 4. С. 138 – 166.

Саррот Н. Детство. Золотые плоды: пер. с франц. Иваново, 1995.

Саррот Н. Здесь. Откройте / пер. И. Кузнецовой. СПб, 1999.

Саррот Н. Эра подозрения. Предисловие // *Саррот Н.* Тропизмы. Эра подозрения: пер. с франц. М., 2000.

Таганов А. Н. Слово и его коммуникативные возможности в творчестве Натали Саррот // Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур: кол. монография. Ч. 2. Воронеж, 2004. С. 46 – 55.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

Эпштейн М. Что такое метаболо? // Стилистика и поэтика: тез. всесоюз. науч. конф. М., 1989. Вып. 2. С. 75 – 80. URL: http://www.emory.edu/INTELNET/pm_metabola.html (дата обращения: 25.03.2012).

Komatsu S. Ici de Nathalie Sarraute // Cahiers d'études françaises. 1997. № 2. P. 70–83.

Pigeat A. Lector in fine chez Nathalie Sarraute: du lecteur défini au lecteur définitif // Cahier du CERACC. № 3 (juin 2006). URL: <http://www.ecritures-modernite.cnrs.fr/lecteur2/Lecteur10Pigeat.pdf> (дата обращения: 15.02.2012).

Sarraute N. Œuvres complètes. Paris, 2001.

УДК 82.09

ББК 83.3 (2Рос=Рус)1

К.В. Луценко**ПРОЗА РУССКОГО
СИМВОЛИЗМА
И ОСОБЕННОСТИ
РАЗВИТИЯ
ЛИТЕРАТУРНОГО
ПРОЦЕССА**

Рассматриваются особенности прозы русского символизма. Литературный процесс рубежа XIX – XX вв. получает адекватное понимание при диалектическом различении классического и неклассического искусства в связи со сменой типов рациональности. Русский символизм оказывается пограничной между классическим искусством и модернизмом художественной практикой, носящей синтетический характер. Проза писателей-символистов фиксирует происходящие изменения в человеческом сознании, что находит своё выражение, с одной стороны, в новой концепции персонажа, а с другой – в особой литературной позиции художника.

Ключевые слова: *русский символизм, литературный процесс, экзистенциальный подход, система персонажей, литературная позиция.*

Луценко Ксения Валерьевна – аспирант кафедры отечественной литературы XX в. факультета филологии и журналистики Южного федерального университета

Тел.: 8 (928)109-62-65

E-mail: luzenkoksenia@yandex.ru

@Луценко К.В., 2012.

1.

Рубеж XIX и XX вв. для европейской цивилизации – это эпоха великой «переоценки всех ценностей». Литература чутко реагирует на изменения, происходящие в сознании современного человека, и поэтому проза русского символизма, основываясь на классических ценностях, одновременно несёт в себе зёрна нового, модернистского взгляда на мир. Слом классической картины мира, основанной на разумности, постижимости и естественной упорядоченности бытия, метафорически выражается в идее Ф. Ницше о смерти Бога. Ницше, по мысли Хайдеггера, – конец западноевропейской философии, провозвестник настоящих «скудных времен» [Дугин, с. 90]. Но, с другой стороны, «Смерть Бога, самой авторитетной из абстрактных истин, отрывает человека от потустороннего мира, открывая ему тем самым свободу созидания новых идеалов, даёт возможность действовать исходя из личной воли» [Синеокая, с. 45]. Экзистенциальный эксперимент Ницше, в ходе которого конструируется собственный жизненный опыт [Там же, с. 23], – заря торжества субъекта в веке XX, начало смены типа рациональности как общей ориентации мышления. Теперь «жизни суждено быть экспериментом познающего» [Ницше, т. 1, с. 647], «никакого абсолютного бытия нет: бытие – это становление» [Философский энциклопедический словарь, с. 304], поэтому в гносеологии с необходимостью происходит феноменологический поворот, в ходе которого фиксируется самонаправленность познающего сознания, что было позднее

осмыслено в работах Э. Гуссерля. Указанные характерные особенности эпохи позволяют говорить о том, что прозу русского символизма следует рассматривать на новых эпистемологических основаниях [о специальной гуманитарной эпистемологии см.: Зотов, 2011, с. 45 – 52].

Художник, как и любой мыслящий человек, всегда «осознает самого себя, свое место и последствия своего труда в мире, в языке, в культурной традиции» [Мамардашвили, с. 127], а со сменой типа рациональности неизбежно меняется этот внутренний образ и, соответственно, творческая интенция. Таким образом, очерчивается основное проблемное поле нашего рассмотрения прозы начала XX в.: художник и основа его творческой деятельности; и, как следствие, художник и его экзистенциальная позиция. В первом случае речь будет идти о миметических и немиметических подходах к изображению, во втором – о характере самоопределения художника.

Принцип миметизма господствовал, так или иначе видоизменяясь (Античность, Возрождение, романтизм, реализм), в искусстве вплоть до XX в., не исчез он и далее, но в эпоху смены рациональности претерпел существенную трансформацию. Определяющую роль начинает играть мимесис внутрипроизведенческий (термин В. Подороги), «указывающий на то, что литературное произведение самодостаточно и не сводимо к достоверности внешнего, якобы реального мира» [Подорога, с. 11]. Литература модернизма преодолевает традиционную эстетическую модель, она характеризуется особой креативностью, но не просто в известном ещё с Аристотеля смысле «пойэсиса» (т. е. создания нового), а в смысле «жизнетворчества»-демиургии: «Полнота своевольного самоопределения, которое в искусстве нередко называют "демонизмом", оборачивается для поэта новой эпохи свободой претворения мира...» [Зотов, 2006, с. 582]. Поэтому для искусства модернизма центральной проблемой, определяющей его онтологический статус, становится самоопределение художника, т.е. «экзистенциально значимый процесс выявления и утверждения человеком индивидуальной жизненной позиции, основанной на определенных идеологических взглядах и самопознании...» [Зотов, 2005, с. 167]. И в прозаических произведениях русского символизма фиксируется, по нашему мнению, процесс перехода к немиметическим модернистским моделям, реализующим полноту самоопределения художника.

2.

О пограничном характере символизма писал ещё А. Белый: «... мы смутно предчувствуем, что стоим на границе двух больших периодов развития человечества» [Белый, с. 255], но до последнего времени проблема символизма в литературоведческих исследованиях решалась преимущественно с точки зрения остающейся на классических основаниях познающей мысли. Однако большой шаг на пути к решению данной проблемы сделали современные исследователи, прежде всего в работах, посвященных выявлению закономерностей литературного процесса рубежа веков, динамике притяжений и отталкиваний. К таким работам можно отнести труды И.П. Смирнова, В.А. Келдыша, В.И. Тюпы, Е.В. Тырышкиной,

Л.А. Колобаевой, Л.П. Егоровой и др. Как связующее звено между XIX и XX вв. символизм понимается в работах О.А. Клинга, речь идет «о необходимости снять традиционное представление о символизме и постсимволизме как об оппозиции» [Клинг, с. 294]. Также показательной, на наш взгляд, оказывается трактовка символизма в концепции В.И. Тюпы. Он отмечает, что «эпоха символизма не только размежевала XIX и XX столетия, но явилась столь радикальным рубежом в истории русской (и европейской в целом) художественной культуры, после которого классическая парадигма художественности могла уже только имитироваться» [Тюпа, с. 111]. Соотнося символизм с парадигмой неклассической художественности, Тюпа определяет его место где-то перед модернизмом [Поэтика, с. 139, 157], фиксируя таким образом переходный характер направления. Концепцию Тюпы развивает и дополняет в своей монографии Е.В. Тырышкина, также рассматривающая символизм в качестве буферной зоны между классикой и модернизмом [Тырышкина]. Ю.Б. Борев также относит символизм к стадии предмодернизма [Борев, с. 235, 249 – 255]. Однако в связи с тем, что целью указанных исследователей являлось создание общей картины литературного процесса, то подробно символизм в их работах не рассматривается. Поэтому для раскрытия уникального характера символизма изнутри следует определиться с отношением символизма к категории мимесиса, что позволит в рамках специальной эпистемологии отмежевать данное направление от реализма и выступающего на литературную арену модернизма.

Особое внимание отношению художника-символиста к категории мимесиса и её значению для понимания литературного процесса уделяется в работах В.И. Тюпы, В.И. Смирнова, Е.В. Тырышкиной, В.В. Бычкова. Как отмечает В.В. Бычков, «отказавшись от изоморфизма, существенного для всей классической эстетики, художники и мыслители Серебряного века фактически не отказываются от самого миметического принципа в искусстве, но углубляют его до сущностного миметизма, т.е. до символического выражения...» [Бычков, с. 16]. То есть в связи с категорией мимесиса в фокус исследования неизбежно попадает центральная категория направления – символ, трактуемый как парадоксальный знак доверия к миру ноуменальному в условиях кризиса классической репрезентативности, сохраняющий связь с реальностью, но ведущий в феноменальные миры. Так, Д. Мережковский писал: «Символы должны естественно и невольно выливаться из глубины действительности» [Мережковский, 1914, с. 261]. Сходная концепция символа представлена в теоретических работах Ф. Сологуба (например, статья «Искусство наших дней») и А. Белого (например, в книге статей «Символизм»). Художнику-символисту уже недостаточно реализма, поддерживающего «сильную» референциальную иллюзию у читателя [Подорога, с. 11], он делает акцент на символическом выражении «метафизической, часто трансцендентальной, реальности» [Бычков, с. 13]. Эстетика романтизма опиралась на схожие принципы изображения, но там творение принципиально иного происходит с дозволения Бога (о романтической критике репрезентации см.: [Ямпольский]).

В символизме же в новой познавательной ситуации усиливается жизне-творческий аспект, постепенно перерастающий из мистико-религиозного действия в экзистенциально значимый процесс самоопределения личности, но при этом конечной целью для художника-символиста остаётся теургия: «Новое искусство – переходное по существу, оно – мост к иному творчеству» [Бердяев, с. 247], которое есть «Теургия – искусство, творящее иной мир, иное бытие, иную жизнь, красоту как сущее» [Там же, с. 252]. По сути, символист вновь находит Бога, но уже как сверхчеловек, как со-творец, ибо теургия – «совместное с Богом продолжение творения» [Там же, с. 254].

В связи со сменой творческой интенции художника предметом литературоведческого рассмотрения прозы символистов становится трансформированная по сравнению с классическим искусством антропология: с одной стороны, – это новая концепция персонажа, с другой – особая литературная позиция художника. Движение от классического искусства к модернизму можно проследить в тексте аналитически на уровне системы персонажей через рассмотрение сопряжения мотивов поведения и мотивов самоопределения. Самоопределение персонажа обнаруживает метафизическую реальность его существования, в противоположность реальности конкретно-практической, которую обнаруживают мотивы поведения [Зотов, Ефимов, с. 15 – 29]. Заострение в произведении экзистенциальной проблематики в противовес нравственно-психологической – знак смены приоритетов в художественной антропологии литературы рубежа веков. От социальной проблематики акцент смещается на постижение экзистенциально-метафизического смысла, обнаруживаемого посредством переживания личностью основных феноменов бытия (любовь, смерть, труд, стремление к господству) [Финк, с. 357 – 363], что свидетельствует о движении в сторону модернизма.

Проза русского символизма в своей внутренней эволюции позволяет проследить основные вехи отхода от классической художественности. Так, в трилогии Д. Мережковского «Христос и Антихрист» ещё сохраняется глубинная связь с наследием классиков-реалистов, нравственно-философская проблематика романов реализуется по преимуществу через мотивы поведения, что делает персонажей Мережковского классически достоверными. Но насколько Д. Мережковский литературен в своей публицистике, настолько же он публицистичен в художественных произведениях. По существу, вся трилогия доказывает одну концепцию, которую Мережковский потом обосновал в статьях сборника «Больная Россия»: смешение добра и зла, лжи и истины – не «вечная загадка жизни», а весть о пришествии Антихриста. «Весь мир губит – раздвоение, борьба между двумя правдами, земной и небесной, человеческой и божеской... А спасет весь мир, – соединение этих двух правд» [Мережковский, 2001, с. 490]. В «Юлиане Отступнике» и «Леонардо да Винчи» данная схема в строении системы персонажей реализуется очень четко, убивая всякую художественность: за спиной каждого персонажа словно видна главенствующая идея, определяющая его последующие поступки. В романе

«Петр и Алексей» система персонажей тоже выстраивается как система бинарных оппозиций, которая одновременно является и системой двойников. «В противоположностях подобье» – вот, пожалуй, ключевая фраза для её характеристики. И лишь в конце последней книги и в эпилоге появляется фигура, которая соединяет все возможные тезисы и антитезисы в едином синтезе – Иоанн, Сын Громов, старичок с юным, вечным лицом, держащий в руках чашу с Плотью и Кровью. Однако вследствие того, что Мережковский в 1905 г. вступает на новый этап интеллектуального самоопределения, в последнем томе трилогии меняется художественная антропология. Петр и Алексей оказываются более объемными и сложными фигурами, чем Юлиан или Леонардо, а потому их конечное вписывание в историсофскую схему оставляет впечатление искусственности. По нашему мнению, так происходит потому, что в духовном опыте Петра и Алексея феномены любви, смерти и труда переживаются как экзистенциальные, и хотя ещё не ведут к самоопределению, но возникающий как следствие новый субъективный смысл уже мешает однозначной реализации религиозно-философской концепции.

В творчестве же Федора Сологуба исследованию экзистенциальных феноменов уделяется более пристальное, чем в трилогии Мережковского, внимание, о чем свидетельствует роман «Мелкий бес» и ряд рассказов. Внутренний мир Передонова, Варвары, Володина, Грушиной и др. остаётся неизменным в своей сути, косный, мёртвый изначально, он лишь разворачивается в их поступках в трех основных сюжетных линиях. Единственные персонажи «Мелкого беса», которые имеют потенциальный выход за рамки страшной действительности к подлинному существованию через самоопределение на основе переживания феномена любви как экзистенциального, – Людмила Рутилова и Саша Пыльников, но подчеркнутая телесность взаимоотношений, проявляющаяся в дионисийской теме, односторонне-эротический характер их любви не дает реализоваться этой возможности. В результате мотив самоопределения в романе оказывается значимым в аспекте своей нереализованности. Через отказ персонажей от самоопределения в отрицательной динамике выявляется экзистенциально-метафизический смысл бытия. Проблема решается по-декадентски негативно: в мире Сологуба нет целостной сильной личности, способной прорваться к истинному бытию. Все персонажи через мотив отождествления символически сводятся сначала к фигуре Передонова, а затем к его мифологизированному двойнику недотыкомке, и в их мире царствует быт.

Творческая интенция Андрея Белого заключается в практически преобладающем обнаружении экзистенциальных феноменов, а потому он в своем миропонимании оказывается ближе художникам-модернистам, чем старшим символистам. Не зря ряд исследователей рассматривает роман «Петербург» в соотнесении с европейским модернистским романом (Л.А. Колобаева, В.В. Заманская, А. Цинк, М. Депперман и др.). Своеобразие литературной позиции Белого заключается в том, что в центре его внимания в «Петербурге» находятся уже не исторические события или

социальные отношения, как в историософской трилогии Мережковского, не жизнь как таковая, а те состояния, которые возникают у личности в ходе интеллектуального переживания основных экзистенциальных феноменов. Полнота существования современного человека выявляется Белым в перетекающих экзистенциальных состояниях, которые не связаны с определенным персонажем или группами персонажей, а являются всеобщими. Всеобщая, а не только семьи Аблоуховых, главная трагедия романа – в современном мире личность не целостна, она – носитель разорванного сознания. И её взаимоотношения с окружающим миром диалектичны. Как разорванное сознание моделирует ущербный мир, так и причина расщепления целостности сознания лежит в сущностных характеристиках мироустройства, основанного на насилии, заставляющего терять свою метафизическую глубину феномены любви, творчества и смерти. Символом ущербности жизни становится амбивалентный экзистенциальный мотив мозговой игры, являющийся сквозным в романе и имеющий ряд образных воплощений. Преодоление мозговой игры – условие выхода из экзистенциальной разорванности человеческой личности и открытия целостности бытия. Но в рамках романа этот выход не найден.

Проза русского символизма позволяет нам исследовать сам процесс становления нового сознания, проследить, каким образом данный процесс фиксируется в эталонных текстах. Три версии символизма – Д. Мережковского, Ф. Сологуба, А. Белого – позволяют наметить основные вехи динамики символизма в сторону неклассической художественности, учитывая обнаруживаемое каждым из художников особое отношение к жизни. Художественный мир Мережковского обнаруживает сильную связь с классическим реалистическим искусством в откровенно дидактическом варианте. В тексте трилогии выражаются историософские идеи автора, а персонажи трилогии выступают в качестве их наглядной иллюстрации. В произведениях Сологуба заостряется экзистенциальная проблематика, но отталкивается автор непосредственно от действительности, преобразая и мифологизируя её в своём критицизме. Художественная «заданность» Сологуба продуцируется не философией, не главенствующей идеей, а вытекает непосредственно из творчества. Наиболее четко смена приоритетов видна в близком модернистским тенденциям романе Белого. Хотя Белый также имеет некоторую идеологическую предопределенность, он старается её преодолеть переживанием экзистенциальных феноменов. Таким образом, в предлагаемом нами подходе учитывается способ освоения художником мира и самообнаружения в тексте, что позволяет выявить всё своеобразие художественной практики русского символизма.

Литература

Белый А. Символизм как миропонимание // *Белый А.* Символизм как миропонимание. М., 1994.

Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека // *Бердяев Н.А.* Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М., 2011.

Борев Ю.Б. Период предмодернизма: свобода и удовольствие // Теория. Т. IV. Литературный процесс. М., 2001.

Бычков В.В. Трансформация миметического сознания в эстетике Серебряного века // Античность и культура Серебряного века. М., 2010.

Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. М., 2010.

Зотов С.Н. К эпистемологии литературоведения: пространственность художественного смысла в теории М.М. Бахтина // Изв. ЮФУ. Филол. науки. 2011. №3.

Зотов С.Н. Классическое искусство и поэтическая практика модернизма (к пониманию экзистенциального смысла литературы) // Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературах: материалы Междунар. науч. конф. Волгоград, 2006.

Зотов С.Н. Эстетически-художественное пространство и антропологический смысл литературы // Литература в контексте современности: материалы II Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Челябинск, 2005.

Зотов С.Н., Ефимов А.А. Игровое начало и его особенности в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Изв. ЮФУ. Филол. науки. 2008. №4.

Клинг О.А. Влияние символизма на постсимволистскую поэзию в России 1910-х годов. М., 2010.

Мамардашвили М.К. «Дьявол играет с нами, когда мы не мыслим точно...» // *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. М., 1992.

Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // *Мережковский Д.С.* Полн. собр. соч. Т. 18. М., 1914.

Мережковский Д.С. Царство Антихриста: статьи периода эмиграции. СПб., 2001.

Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М., 1990.

Подорога В.А. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы: в 2 т. Т. 1. М., 2006.

Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008.

Синеокая Ю.В. Три образа Ницше в русской культуре. М., 2008.

Тыршикина Е.В. Русская литература 1890-х – начала 1920-х годов: от декаданса к авангарду. Новосибирск, 2002. Режим доступа: <http://avantgarde.narod.ru>

Тюпа В.И. Полифония русской эстетической мысли 20-х годов // Эстетическое самосознание русской культуры: 20-е годы XX века. М., 2003.

Философский энциклопедический словарь. М., 1997.

Финк Э. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. М., 1988.

Ямпольский М.Б. Ткач и визионер: очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М., 2007.

УДК: 882
ББК: 83

Г.Л. Черюкина

КОГДА И ПОЧЕМУ МОЛЧИТ ГЕРОЙ-ИДЕОЛОГ ДОСТОЕВСКОГО?

Статья посвящена одной из актуальных и востребованных в современном достоевковедении частных проблем, лежащих в русле общей проблемы художественной антропологии в творчестве писателя. Автор статьи использует новые подходы и методологии в анализе и осмыслении художественного текста на уровне поэтики и проблематики, тем самым расширяя и углубляя понимание специфики содержания произведений Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: *герой-идеолог, двойник, трикстер, психологический уровень, типологический ряд, диалог, диа-/монологовая активность/пассивность, речевой контакт.*

Черюкина Гузель Леонидовна – канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы Южного федерального университета

Тел.: 8-918-519-03-55
E-mail: kirli@sfned.ru

© Черюкина Г.Л., 2012.

Образ героя-идеолога, созданный и глубоко проанализированный в творчестве Достоевского, и на сегодняшний день остается одним из самых притягательных для исследователей. Это обусловлено не только сложностью самого типа, но и необходимостью поиска новых подходов в его освещении в литературоведении.

Нужно отметить, что в современной науке, обращенной к антропологическим аспектам творчества Достоевского, вопрос о роли диалогов и монологов получает новое освещение и носит дискуссионный характер. Так, в весьма солидном и глубоком труде В.А. Подороги о Достоевском подвергаются тщательному анализу и переосмыслению многие положения работ М.М. Бахтина, большинство из которых для филолога является если не догмой, то очень авторитетным источником. Автор книги вносит существенные коррективы по ряду позиций, в том числе и по определению Бахтина диалогичности сознания героя Достоевского: «Самосознание героя у Достоевского сплошь диалогизировано: в каждом своем моменте оно повернуто вовне, напряженно обращается к себе, к другому, к третьему. Вне этой живой обращенности к себе самому и к другим нет и для себя самого. В этом смысле можно сказать, что человек у Достоевского есть субъект обращения. О нем нельзя говорить, – можно лишь обращаться к нему» [Бахтин, с. 338]. Рассматривая диалог как особую форму общения и отношений, В.А. Подорога приходит к выводу, с которым трудно не согласиться: «Встреча – не диалог, персонажи

Достоевского именно *встречаются*, они не имеют никакого продолжительного времени общения, какой-либо предыстории (и даже если они ее имеют, она не сказывается на их поведении в данный момент). Встреча не переход к равноправному диалогу, а случайное пересечение героями путей друг друга» [Подорога, с. 516 – 517].

Небезынтересен сам механизм художественного воплощения некоторых поведенческих характеристик, объединяющих типологический ряд идеологов Достоевского. К таким частным характеристикам, выявляющим и определяющим конкретные закономерности в поведении героев-идеологов, можно отнести и феномен их речевой активности / пассивности.

Пожалуй, самый очевидный и общеизвестный факт поэтики Достоевского относительно героев-идеологов – это наличие их двойников. Будучи воплощенными образами и включенными в систему действующих персонажей, двойники находятся в постоянном буквальном контакте с самими идеологами. Непосредственное общение героев-идеологов со своими двойниками дает читателю исчерпывающую информацию об истинных причинах их поступков. Более того, сами идеологи узнают из этих разговоров много нового о себе. Получая информацию от своего двойника, герой Достоевского, изначально наделенный повышенной склонностью к интеллектуальному анализу, путем сложной рефлексии приходит к логическому умозаключению, которое, по сути, является антитезисом по отношению к первоначальной установке (тезису) на поступок.

Создается диалогическая ситуация на уровне сюжетно-персонажном, при этом она монологична на психологическом уровне. Это вполне закономерно, так как в настоящий разговор идеологи вступают не с двойниками, а со своими оппонентами. Но и в этих беседах превалирует монологическая форма с диалоговой установкой. Герой подробно освещает свои идеи, приводя убедительные доводы в пользу своих идей, в ожидании признания своей правоты в силу неопровержимости приводимых им аргументов и фактов. Встречные вопросы и реплики собеседника как правило оказываются лишь своеобразными указателями дальнейшего хода логического изложения идей. Предельно насыщенные по содержанию, разговоры идеологов с другими персонажами фактически не дают диалогического результата, так как ни сами герои-идеологи, ни их оппоненты не меняют собственных убеждений, а следовательно, само содержание этих бесед становится важным не столько для действующих персонажей, сколько для читателя, которому и адресуется необходимая информация о герое. Из этих разговоров он узнает о причинах, побудивших героя к тому или иному поступку.

Однако это лишь первый уровень выявления поведенческой мотивации. Истинные причины, ставшие толчком для мыслительной, а затем и физической деятельности героя, глубоко скрыты в «подполье» сознания самого героя-идеолога. Их-то и озвучивают двойники при встречах со своими сверхличностями. Показательны встречи Николая Ставро-

гина с Шатовым, Кирилловым, Петрушей Верховенским, капитаном Лебядкиным и даже Федькой Каторжным. В «Братьях Карамазовых» эта модель тоже работает: Иван почти все время говорит сам во время встречи с Алешей, но в основном молчит и позволяет себе лишь краткие реплики, возражения и вопросы во время встреч со Смердяковым и чертом. Если в этом свете рассмотреть монолог великого инквизитора, обращенный к Христу, но не требующий ответа, так как сам монолог является христианским антитезисом, то высвечиваются дополнительные грани образа Алеши, молча выслушивающего исповедь-протест Ивана. Еще раз подтверждается его хриstopодобие. Довольно любопытные результаты наблюдений над этой ситуацией предлагает в своей книге известный японский исследователь творчества Достоевского Т. Киносита: «По-видимому, Инквизитор готов поставить себя в диалогическое отношение с узником. Но ответ последнего оказался неожиданным для него» [Киносита, с. 88]. Т. Киносита расценивает эту сцену как внутренний диалог Ивана, при этом подчеркивая особую роль Алеши-слушателя, который так же, как и Христос в поэме, целует оратора. Так ждет ли Иван возражений Алеши или нет? И является ли поцелуй Алеши ответом Ивану? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо выяснить природу вербальных отношений героев-идеологов с их двойниками и оппонентами.

Показательны встречи Раскольникова с Сонечкой, где сам Раскольников говорит очень много в надежде получить оправдание своему преступлению. Знаменательно, что тайным свидетелем этих признаний становится Свидригайлов, что также симптоматично в связи с его особой художественной функцией в романе. Молчание Свидригайлова здесь вполне оправданно, впрочем, как и незримое присутствие. Ведь он не просто двойник Раскольникова – он его трикстер, каковым является Петруша Верховенский для Николая Ставрогина и черт для Ивана Карамазова.

Таким образом, рассматривая обусловленность диа-/монологовой активности / пассивности героев-идеологов Достоевского, можно выделить две основные группы речевых контактов (пожалуй, это самое адекватное обозначение бесед подобного типа, так как ни диалогами, ни монологами, как выясняется, эти беседы не являются).

Рассмотрим подробнее конкретные ситуации таких контактов в произведениях. Думается, вполне логично начать рассмотрение с «Записок из подполья», где Достоевскому удалось создать и воплотить уникальный тип героя, а точнее, если воспользоваться определением Бахтина, антигероя, который в дальнейшем будет развиваться и модифицироваться в самых различных персонажах в последующих произведениях. И жанр «Записок», и форма изложения, а также авторское деление записок на «вымышленные» и «настоящие» дают обильную пищу для размышления о природе образа самого Подпольного человека. Если предположить, что сюжетная функция главного героя вторична, а на первый план выдвигаются его психологические функции, то будет вполне

оправданным рассмотрение этого персонажа как воплощение двойника. Но чье? Чье подполье исследует Достоевский и выпускает наружу его обитателя?

Первая часть «Записок» представляет собой по форме монолог, обращенный к читателю. Именно с ним вступает в непосредственный контакт их автор. Он не предлагает никаких идей, он просто рассказывает о себе. Но он не повествует о своей жизни: событию нет места в его странной исповеди, наполненной желчью и мрачным пафосом. Однако уже в первой части «Записок» мы обнаруживаем невербальные контакты подпольного человека с внешним миром. Так, его случайные встречи с офицером, который попросту не замечает его и, даже столкнувшись нос к носу, не догадывается о его существовании, имеют определенный смысл. Этот смысл раскрывается во второй части, в «настоящих записках».

Случайная встреча с однокашниками и навязанное свое общество мало меняет ситуацию. Собравшаяся компания игнорирует присутствие Подпольного человека и лишь изредка реагирует на него одномоментным раздражением. А вот встреча с Лизой радикально меняет ситуацию. Вот он – речевой контакт, превращающийся в своеобразную драму в двух действиях. Однако цель, которую преследует оратор, не достигается. Лиза оказывается выше и чище своего морального мучителя. Она не падшая женщина, как пытается внушить ей собеседник, а личность, способная противостоять тлетворной и разрушительной силе подполья.

Эта ситуация модулируется Достоевским в «Преступлении и наказании» в разговорах Раскольникова с Сонечкой Мармеладовой. Вспомним, ведь уже во время первого посещения Сони на ее съемной квартире преступник пытается внушить ей мысль о необратимой загубленности ее собственной жизни и тем самым уравнивать ее с собой. Но разница между Раскольниковым и Подпольным человеком очевидна: Раскольников не из «мертворожденных», как определяет себя герой «Записок». Он – идеолог, и у него есть свой двойник, свое «подполье». Этим двойником является Свидригайлов, который и становится воплощенным кошмаром Раскольникова, способным отравить своим присутствием существование любого человека. Встречи-разговоры этих персонажей проходят в совершенно ином ключе. Здесь говорит не Раскольников. Говорить – прерогатива Свидригайлова. Раскольникову же остается лишь слушать, раздражаться и изредка задавать вопросы, уточнять и бросать реплики. И когда Свидригайлов заявляет, что они «одного поля ягоды», Раскольников не находит необходимых аргументов, чтобы оспорить утверждение Свидригайлова. Однако молчание Раскольникова не следует воспринимать как признание превосходства его двойника. Напротив, эти встречи-откровения необходимы как провокация внутреннего сопротивления героя через отторжение и преодоления в себе своего подполья.

При том, что встречи Раскольникова с Сонечкой и Свидригайловым выстраиваются автором относительно речевой активности / пассивности героя в противоположные модели, становится очевидным, что эти разговоры имеют свой результат. Фактически, в диалог вступает не сам идеолог, а противоборствующие силы. В итоге мы получаем речевые контакты героя независимо от его речевой активности / пассивности на уровне системы персонажей и сюжетного действия, а на уровне психологического анализа – бесконтактные диалоги метафизических явлений. Объектом же воздействия становится сознание героя-идеолога.

Схожие явления мы наблюдаем в «Братьях Карамазовых» в отношениях Ивана с его двойниками, в том числе с чертом (его метафизическим двойником), и с Алешей. А вот роман «Бесы» требует отдельного рассмотрения.

Дело в том, что система персонажей в «Бесах» построена таким образом, что ее можно характеризовать как «перевернутую». В.А. Подорога в своем исследовании определяет взаимоотношения Николая Ставрогина с двойниками следующим образом: «Ставрогин – чистая энергия насилия, почти без примесей какого-либо чувства раскаяния, страдания или боли, эмоциональная тупость и явная неспособность к признанию-исповеди. Двойники крайне активны, они конструируют единый, правда так и остающийся фрагментарным, незавершенным, образ центрального героя – Ставрогина, и каждый из них приписывает ему одну из своих фикс-идей» [Подорога, с. 506]. Такое объяснение внешней отстраненности Ставрогина вполне приемлемо, однако причины вербальной пассивности главного героя необходимо искать в генезисе самого типа. Если Раскольников и Иван Карамазов как представители типа очень близки по своей природе, то Ставрогин явно расширяет собой типологический ряд героев-идеологов Достоевского и тяготеет в своей сущности к герою «Записок из подполья», т.е. к «мертворожденным». Со всей очевидностью являясь героем-идеологом, Ставрогин не способен выносить ни одной идеи в собственном сознании и забрасывает семена противоположных идей в сознания своих двойников, в первую очередь Шатова и Кириллова. За счет этого усложняется связь идеолога с двойниками, которые берут на себя функции и двойников, и идеологов одновременно. Петр Верховенский же идеологом не является. Это трикстер в чистом виде, полностью замещающий Ставрогина в сюжетном пространстве произведения. В силу специфики художественной функции образа Ставрогина, этот герой оказывается самым молчаливым идеологом во всем творчестве Достоевского. Но такая характеристика не будет полной без учета главы «У Тихона», не вошедшей в основной текст романа. Ведь именно там состоялась-таки исповедь Ставрогина. Речевая активность героя аккумулируется до предела, и читатель из этого фрагмента получает исчерпывающую информацию об этом персонаже и встраивает недостающие звенья в его психологический портрет.

Обозначенная проблема, как уже указывалось, носит частный характер и представляет собой довольно узкий аспект в освещении широко-

го антропологического плана произведений Ф.М. Достоевского. При этом видится невозможным постижение особенностей художественного творчества писателя, связанных в первую очередь с концепцией человека, без выявления составляющих, которые формируют адекватное представление о творчестве Достоевского как гениального художника-психолога. Внимательное и тщательное наблюдение за теми или иными явлениями частного порядка приводят к пониманию закономерностей этих явлений и их очевидной значимости в связи с авторским замыслом.

Литература

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1972 – 1990.

Киносита Т. Антропология и поэтика творчества Ф.М. Достоевского. СПб., 2005.

Подорога В.А. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы: в 2 т. Т. 1. М., 2006.

УДК 821.161.1 Аполлон Безобразов7-
Поплавский
ББК 84 (2Рос=Рус)6

А.В. Дмитрива

**МОТИВ УТРАЧЕННОЙ
РОДИНЫ
В РОМАНЕ
БОРИСА ПОПЛАВСКОГО
«АПОЛЛОН БЕЗОБРАЗОВ»**

В статье рассматривается мотив утраченной Родины с точки зрения его связи с экзистенциальными феноменами: одиночеством, заброшенностью человека в мир, бездомностью. Связанные друг с другом они вплетены в мотивную структуру романа. В этой связи мотив утраченной Родины становится отправной точкой для рассмотрения структуры романного единства в целом.

Ключевые слова: *Поплавский, русское зарубежье, мотив, экзистенциальные феномены, утраченная Родина.*

Дмитрова Анна Владимировна – аспирант кафедры отечественной литературы XX в. факультета филологии и журналистики Южного федерального университета
Тел.: 8(988)578-29-88
E-mail: otto.1985@rambler.ru

В литературоведческих работах последних лет особое внимание уделяется изучению проблем экзистенциального сознания в русской литературе, в первую очередь в литературе русского зарубежья. Борис Юлианович Поплавский – один из ярких представителей «первой волны» русской эмиграции, чье творчество является собой образец экзистенциалистской художественной прозы. Ведь эмиграция, с ее вынужденной изолированностью, погруженностью личности в новый, чуждый ей мир, создала подходящие условия для появления такой литературы. Перед человеком становилась проблема выбора: сосуществования в новом социуме или отчужденности. В своем творчестве Поплавский размышляет о сущности человеческого бытия, о месте человека в мире, средствам обращения к экзистенциальным феноменам: свобода, одиночество, феномен смерти. Свое воплощение в прозе они найдут в связи с мотивом утраченной Родины.

Оказавшись в эмиграции, Поплавский особенно остро будет переживать одиночество. И чувство бездомности останется в нем до последнего дня. В его творчестве появится рефлексия на эту тему. В своих романах Поплавский создаст образ русского эмигранта, унаследовавший от автора единичные черты (схожую внешность, безделье как образ существования, богоискательство). Как отмечает С. Семенова: «*Можно говорить*

и об его типологически экзистенциалистском герое – фатально и трагически одинокой личности, противостоящей миру, постоянно рефлексивной, пребывающей в характерном для героев экзистенциальной прозы состоянии – печали как естественной реакции человека, сознающего конечность всего сущего, то есть экзистенциальное бытие-к-смерти» [Семенова, с. 91].

Выбор автором повествовательного жанра, соединяющего автобиографию, роман и дневник, явилось не чем иным, как попыткой максимально достоверно изобразить душевные метания, выбор своих героев, словно пропуская их через себя, рассматривая через призму своего существования. Таким образом, самоопределение героев Поплавского становится самоопределением автора. Так, главный герой Васенька, от лица которого ведется повествование в романе, тщетно пытается обрести свое место в среде эмигрантов. Глазами Васеньки мы видим русский Париж, его обитателей. В романе с географической достоверностью прописаны все передвижения героев. По названиям улиц, бульваров, площадей, достопримечательностей, при желании, сличая по карте, можно проследить все маршруты. Поплавский предельно точен. Автор обрисовывает локус, в который помещена эмиграция, ее новый «дом» – Париж. Но в романе косвенно присутствует и другой «дом» – утерянная Родина – реализованный в изображении Пригорода. Таким образом, в тексте бинарная оппозиция Париж – Пригород эквивалентна оппозиции Изгнание – Родина. На этой антитезе и строится структура романа.

Повествование в романе начинается с перемещения героя из района для бедных в русскую общину – на Монпарнас. Как одинокий волк выходит на охоту, как преступник, опасющийся случайной встречи, Василий выбирается из своей квартирки в город ночью. У Сены он встречает такого же одиночку – Аполлона Безобразова, и далее путешествие продолжается в компании нового знакомого. Однако идут они молча, и редкие диалоги, возникающие между собеседниками, лишь иллюстрируют и подчеркивают отстраненность и одиночество каждого из них. Проходя по улицам города, Васенька отмечает, что город пуст: *«...шли мы по безлюдным улицам, по безлюдным площадям и бульварам, пока вдруг не попали в толпу танцующих»* [Поплавский, с. 20; далее в ссылках на это издание указываются только страницы в круглых скобках]. Эта толпа танцующих – русские эмигранты. И город в поздний час населен лишь ими, парижане по своим квартирам, в кругу семьи *«... читают или мечтают в темноте, плачут и кашляют, совокупаются и испражняются, слушают дождь, просыпаются и ворочаются, разговаривают и ссорятся в своих кроватях»* (с. 36). Это лишний раз подчеркивает бездомность эмиграции. Тем временем, пока герои направляются к Монпарнасу, они видят город, который представлен как бы по вертикали. С одной стороны, земля – описываются многочисленные кафе, надписи, цинично называемые героем «иллюзией искусства», трамваи, такси, ноги, жирные

зады, руки, носы, с другой – небо – «*кучевые облака, похожие на воздушные шары, звуки колоколов, пронизывающие воздух, дирижабли, флаги*» (с. 46). Герою явно импонирует второе, земной мир ему чужд, его увлекают полусказочные пейзажи неба.

Наконец, герои оказываются на Монпарнасе. Теперь акцент смещается на публику. Вот как описаны эмигранты: «*Русские, женственно-чувствительные, вообще не умели стоически-величественно носить свою бедность, они всегда подражали кому-то одеждой – то каким-то бедным американцам, то художественному беспорядку*» (с. 48). По этому монологу можно судить, что герой отстраняет себя от остальной массы, в какой-то степени он ее презирает, что вновь подчеркивает его одиночество. По образу жизни, который ведет главный герой, можно судить о том, что он безработный, но в этом он не одинок: «*Они, гарсоны и шоферы, были единственные здесь работающие среди праздных, они презирали здесь всех и чувствовали себя неизмеримо выше остальных*» (с. 49). И, действительно, среди эмигрантов очень многие работали шоферами. Элен Менегальдо отмечает: «Присутствие русских в городском пейзаже стало очень заметным благодаря их массовому приобщению к профессии шоферов такси» [Менегальдо, с. 8]. Поплавский, уподобляясь Гоголю, поет гимн России дорожной, называя Париж «асфальтовой Россией»: «*Наглая и добродушная, добрая и свирепая, лихая Россия, шоферская, зарубежная. Либерте, фратерните, карт д'идантите. Ситроеновская, непобедимая... Эта бессонная ситроеновская кавалерия выезжает на рассвете. Шумы, мотор, Гаврила, по Достоевскому проспекту на Толстовскую площадь*» (с. 72 – 73). Таким образом, пространство Парижа, его дороги становятся достоянием русских шоферов. Они колесят по городу вдоль и поперек. Но пространство это замкнутое и, увы, из него не вырваться. Все дороги в романе ведут в одну точку – на Монпарнас, обиталище эмиграции. В локус, где концентрируется жизнь русских. В то время как на Монпарнасе жизнь эмигрантов бьет ключом, Париж словно живет в параллельном ей времени: люди «*... плачут и кашляют, слушают дождь, просыпаются и ворочаются, разговаривают и ссорятся в своих кроватях*» (с. 36). Складывается ощущение, что парижане не подозревают или не хотят подозревать о существовании эмигрантов. Думается, что Поплавский специально акцентирует на этом внимание, чтобы еще раз показать отторженность изгнанников, чуждость их и одиночество. В то время, когда парижане ни о чем не подозревают, занятые своими делами, эмигранты прожигают жизнь. Пространство замкнуто, и единственно, куда они могут выбраться, – это пригород. Пригород становится вторым локусом, где происходит действие в романе.

В Пригороде герои, обретя «своих», оказываются не случайно. Новый знакомый, Тихон Богомилов, по прозвищу Зевс, охраняет пустующий старый замок за городом, пристанище для героев, которым в городе попросту негде жить. Здесь, в пригороде, Васенька обретает нечто подобное семье и дому. Эта иллюзорность и игра в нормальную жизнь и составляет вторую часть романа.

Если Монпарнас явлен в тексте как сосредоточение бурной эмигрантской жизни, которая протекает преимущественно ночью, представленная в диких танцах, курении гашиша, пьянстве и разврате, то Пригород выступает царством покоя, размеренной жизни, протекающей днем. Старый особняк с колоннами и садом, где поселяются герои романа, явно напоминает русские дворянские усадьбы: *«Это были, действительно, “покои” то большие, с мраморными каминами и заколоченными окнами, то крохотные комнаты и комнатухи, лесенки и закутки, а на дне их – глубокие стенные шкафы, откуда оконца открывались на неизвестный дворик»* (с. 139). Наши герои словно попадают в рай: *«... потолки расписаны побледневшей и осыпавшейся лазурью, в которой висели желтоватые перистые облака и неподвижно парили синие ненатуральные птицы. Иногда по самому берегу неба проходила тонкая, неизвестно откуда взявшаяся веточка и заглядывал вниз большой розовый амур и, как бы задумавшись, оставался так, не меняя положения, дни и дни, годы и годы»* (с. 139). В описании комнат постоянно присутствует солнечный свет. Атмосфера рая усиливается посредством неизменного атрибута дворянской усадьбы, сада: *«... мы сквозь мокрый сад, который потрясал на нас крупные капли, шурша по заросшему гравию, но молча, проследовали в заколоченный и темный дом, крыльцо которого, покрытое выбитыми разноцветными стеклами, само даже заросло пышными сорными растениями, и только вдали над садом неестественное желтое освещение низких, полных влагою облаков говорило об огромном городе»* (с. 138). Становится понятно, что пространство сада автором сознательно противопоставляется пространству города. Сад описан как очень большой и заросший. Пространство сада отделяет героев от мира, пройти через сад означало отправиться в мир. Как и для его любимого писателя А.П. Чехова, для Поплавского сад – символ тоски по ушедшему, великому, прекрасному прошлому. Недаром Васенька часами просиживает на деревьях или любитесь ими, сидя на веранде.

Россия ушедшая существует в сознании героев, ассоциируясь с умиротворением и домом, в эдаком булгаковском понимании данного феномена. Россия же настоящая – это русский Париж, Монпарнас, за пределами которых другой России в сознании героев не существует. И это настоящее чуждо героям – они чувствуют себя отщепенцами. Потому все лучшее, что было с ними в прошлом – воспоминание. Именно поэтому жизнь в Пригороде проецируется ими на жизнь в России, и Васенька отмечает: *«В то время все у нас было особенным и своим»* (с. 149). Отсюда полное неприятие монпарнасской жизни, отторжение ее, как в метафизическом, так и в физическом плане.

Важен сон Васеньки, в котором он видит Париж, погруженный в воду, говорит о том, что *«так меняется слава»*, что свидетельствует о подсознательном нежелании быть в этом городе, мысль о том, что лучше бы его вовсе не было. И в образе подводной лодки выступает замок, скрипящий по ночам водосточными трубами. С каким наслаждением герои покидают пределы Парижа, над которым неизменно *«стоит марево*

фабричного дыма» (с. 169). Истинно счастливы герои на лоне природы, читая Чехова на балконе и слушая довоенные пластинки с мелодиями Вагнера и Дебюсси, вспоминая себя гимназистами.

Центром «нищего рая» становится Тихон Богомилов, носитель прошлого. С именем Тихона связана тема России, возможно больше, чем с кем-либо еще из героев. Он воплощает в себе Родину. С его именем связан ряд ассоциаций, рассмотрение которых поможет лучше понять образ. Одним из прототипов образа стал Белавин Василий Иванович, патриарх Московский и всея Руси Тихон. Недаром герой романа описывается как старец, чей лик окаймляла борода: *«Борода у него, за которой он улыбался, была изумительная, не бородка, и не лопатой, а подлинно национальная борода веником, которая, как русое сияние, со всех сторон озаряла его скуластое бесформенное лицо»* (с. 137). Кроме того, Тихон Богомилов описывается истинно русским мужиком: *«... читающим славянскую рукописную книгу, которую он в засаленной газете всегда вместе с деньгами носил на груди»*. Описание же внешности Тихона напоминает нам богатырей земли русской: *«... ибо в ширине этой груди, в высоте ее, в мягких огромных мускулах, которые ее окружали, было столько национальной мощи и свежести, сколько нет в десяти романах о России»* (Там же). Таким образом, Тихон связан в романе, прежде всего, с Россией.

Именно Тихон остается с Васенькой в конечном итоге, как символ России, веры, памяти. Трагизм жизненной коллизии Васеньки в том, что он вынужден, хоть и с Тихоном, возвратиться в ненавистное ему пространство эмиграции. И как тяжело им было возвращаться в город: *«не хотелось возвращаться домой, ибо там все потухло, свернулось и ушло в прошлое»* (с. 218). *«Кончилось все, чем мы жили»*, – резюмирует главный герой. И это все не просто дни, проведенные за городом, в покое, это осознание невозможности вернуться в ушедшую Россию, оставленную в юности. Это осознание потери, пришедшее в результате проживания прошлого. Ведь, живя в пригороде, герои играли в Россию ушедшую. И вот произошло то, что в психотерапии называется прорывом, осознанием, и слезы брызнули из Васенькиных глаз. Слезы не о потерянных друзьях, слезы о потерянной навсегда Родине. *«И все сумерки мира, все одиночество всех миров сдавило мое сердце»* (с. 225).

Таким образом, в романе «Аполлон Безобразов» мотив утраченной родины является основным, посредством обращения к нему писателю удалось выйти на размышления об экзистенциальных феноменах: одиночества, заброшенности человека в мир, бездомности. В попытке максимально достоверно изобразить душевные искания своих героев Б. Поплавский избирает повествовательный жанр, соединяющий автобиографию, роман и дневник. Кроме того, выбор героя экзистенциального типа позволяет писателю передать всю гамму переживаний, которые были свойственны самому писателю. Не случайно «Аполлона Безобразова» исследователи часто называют романом автобиографическим.

Литература

Поплавский Б. Ю. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2: Аполлон Безобразов. Домой с небес: романы. М., 2000.

Менегальдо Е. Русские в Париже 1919 – 1939. М., 2001.

Семенова С. Экзистенциальное сознание в прозе русского зарубежья // Новый мир. 2000. № 10.

Финк Э. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 357–402.

УДК 821.161.1"1992/..."
ББК 82.1

Е.С.Жак

ЛЮДИ И ВЕЩИ. ОБРАЗ ПОКОЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ МЕМУАРИСТИКЕ

В статье поставлен вопрос о соотношении наиболее общих, устойчивых представлений о той или другой эпохе (мифов) с тем образом поколения, какой рисуется мемуаристами. Для анализа выбраны три книги воспоминаний, принадлежащих людям разных поколений. Эти произведения анализируются под определенным углом зрения: рассматривается, каково отношение их авторов к предметному миру. Такой подход позволяет рассмотреть как индивидуальные авторские черты, так и черты, свойственные определенной социальной группе данного поколения.

Ключевые слова: *мемуаристика, миф, предметная деталь, эпоха, общее и индивидуальное.*

Жак Екатерина Сергеевна – старший преподаватель кафедры отечественной литературы факультета филологии и журналистики Южного федерального университета
Тел.: 8-928-110-38-07, 8(863)246-78-88
E-mail: zh_katerina@mail.ru

В разные периоды культурно-исторического развития восприятие мемуарной прозы было различным.

Первоначально воспоминания, шедшие по разряду «документальной литературы», воспринимались преимущественно как источник сведений о том или ином историческом событии, о том или ином историческом деятеле. Главным достоинством долгое время была объективность – точнее, то, как ее понимали автор, его читатели и критики.

Последние десятилетия XX в. ознаменовались появлением огромного количества мемуарной литературы. Причин тому было много: эффект конца тысячелетия, конец «прекрасной эпохи» (т.е. советского периода), снятие цензурных запретов etc. [Жак, 2006] Количество и высокое художественное качество многих «воспоминательных» текстов заставило взглянуть на это культурное явление по-новому. Вполне обоснованно многие сочинения стали восприниматься именно как сочинения, т.е. тексты, обладающие безусловными литературными достоинствами и предлагающие особый взгляд на мир. Пришло понимание, что абсолютной объективности в любом тексте быть не может, какова бы ни была интенция автора: если существует индивидуальный взгляд, «точка зрения», происходит искажение действительности. [Жак, 2007] Были поставлены вопросы о жанровой сущности мемуарных текстов, о принципах их построения, о языке...

Представляется, что сегодня следует вернуться к вопросу об от-

ношении мемуарной прозы к действительности – на новом этапе осмысления этого жанрового явления.

Очевидно, что любой текст отражает не только индивидуальные представления о мире, но и представления, свойственные какой-то социально-психологической или возрастной группе, определенному поколению, известной эпохе. Поговорка «это человек не нашего прихода / профсоюз» очень точно передает мысль о том, что, принадлежа *группе* или *поколению*, человек выражает – в том числе – общие представления.

В общественном сознании существуют общие, весьма устойчивые представления о людях определенной эпохи, определенного поколения, определенной среды, часто именуемые мифом (слово «миф» в данном случае употребляется в самом общем значении этого слова). Эти представления настолько общие, что невозможно сослаться на какой-то источник, в котором они были бы сформулированы, но они широко распространены и вполне узнаваемы. На эти представления «работают» все тексты эпохи (тексты как в прямом, так и в расширительном, структуралистском и постструктуралистском, значении этого слова). Конкретный текст – в нашем случае мемуарный – служит материалом для строительства этого мифа, но полностью не может и не должен с ним совпадать. Кажется интересным и важным сопоставить представления о какой-то одной стороне жизни в конкретном мемуарном сочинении с общими устойчивыми представлениями (мифами).

Естественно, возникает вопрос о том, как проявляются в тексте эти общие представления, *что* именно следует искать и находить исследователю. Данная работа – попытка «опробовать» один из возможных подходов.

В работе представлен только один ракурс: отношение к предметному миру. Такой угол зрения кажется весьма важным: именно отношение к вещам и идеям отличает одно поколение от другого.

Номинация вещи в художественном произведении чаще всего рассматривается как художественная деталь. Использование детали в этом случае – результат длительной работы автора над образительно-выразительными возможностями слова. Вероятно, при спонтанности словоупотребления название «вещей» может свидетельствовать и о другом – о том, какое место «вещи» занимают в сознании автора и его читателей (ведь мемуарист пишет о том, что представляется важным в прошлом не только ему, о том, что может заинтересовать еще кого-то).

Письменный текст, как кажется на первый взгляд, «по определению» не может быть спонтанным. Однако развитие техники привело к тому, что многие тексты являются устными по своей первоначальной презентации и лишь затем возникают в бумажной версии. Устный текст при издании редактируется – прежде всего стилистически; содержательная сторона ревизии не подвергается или подвергается незначительно, и это дает основание предположить, что и в письменном виде сохраняется подлинное, не искаженное конъюнктурными или художественными соображениями восприятие предметного мира. Особенно интересны в этом от-

ношении диалоги, ибо в них сталкиваются два сознания, у которых есть нечто общее.

Устные воспоминания, позднее записанные и опубликованные, получили широкое распространение; возможно, именно спонтанность реплик, естественность реакции привлекают читателей.

Для анализа были выбраны три публикации. Все они – результат «наговаривания» текста на технический носитель и последующей расшифровки. Авторы их принадлежат разным поколениям, что позволяет сравнить «вещный мир» различных эпох, частотность называния «вещей» в рассматриваемых сочинениях и – как следствие – степень вовлеченности человека в мир вещей, его отношение к этой сфере бытия.

Фильм «Подстрочник», в котором Лилианна Лунгина рассказывает о своей жизни, был несколько месяцев тому назад с восторгом воспринят зрителями. Пожилая грустная женщина говорит о том, что, с ее точки зрения, было главным в ее жизни. После успеха фильма появилась книга. [Дорман].

Александр Кабаков и Евгений Попов после смерти писателя Василия Аксенова ведут – под запись – диалог о друге, товарище по литературному цеху, любимом писателе. Разговор вызван желанием осмыслить место Аксенова в русской литературе и выразить грусть по поводу его ухода из жизни. Их беседа также позднее была опубликована. Книга так и называется – «Аксенов» [Кабаков, Попов].

Несколько лет назад два активных участника реформ 90-х гг., Альфред Кох и Игорь Свиначенко, решили вспомнить два прошедших десятилетия, подвести итог наиболее активному периоду своей жизни. Как и авторы книги «Аксенов», они, беседуя, выявляют общий взгляд на многие проблемы. Четыре тома этого диалога называются «Ящик водки»: диалог якобы ведется «под водочку». На каждый год – по бутылке. Всего – двадцать бутылок, т. е. двадцать лет [Кох, Свиначенко].

Все три книги – устные по первоначальной манифестации. Авторы принадлежат разным поколениям. Фоном для жизни Л. Лунгиной была вся история XX в. К сожалению, старшее поколение уходит, оставив очень мало записанных устных диалогов; выбор монолога для анализа в данном случае объясняется именно этим. А. Кабаков и Е. Попов принадлежат поколению, вышедшему в жизнь на рубеже шестидесятых – семидесятых годов. А. Кох и И. Свиначенко – реформаторы или сочувствующие реформам девяностых.

Традиционное представление о поколении, родившемся в первые два десятилетия двадцатого века: это были люди идеи, пренебрегавшие бытом во имя прекрасного будущего всего человечества. Воспоминания Лунгиной одновременно и подтверждают этот миф, и разрушают его.

Тех, кто хорошо помнит поколение, пережившее все войны прошлого века, не удивит, что Лунгина почти не называет вещей. Для того чтобы почувствовать пренебрежение к бытовой сфере в «Подстрочнике», нет нужды использовать, скажем, контент-анализ: в книге упоминания предметов и вещей единичны. Современному читателю это покажется стран-

ным. Как, спустя десятилетия вспоминая жизнь во Франции, не назвать те красивые и удобные вещи, которых потом уже никогда у тебя не будет и о которых мало кто помнит и мало кто знает? Но – нет, не вещи главное. Пожалуй, единственное место, в котором звучит некоторая растерянность, вызванная советской безбытностью, – рассказ о переезде в новую квартиру в Москве: видимо, слишком резок был контраст:

«Мне, конечно, это показалось немыслимо убогим; мебели почти никакой, самое необходимое – диван, письменный маленький столик у меня, у папы – большой письменный стол и тоже диван, а у мамы еще обеденный стол, четыре стула и какой-то шкаф. Вот мебель этой роскошной квартиры.» [Дорман, с. 67].

Что носили тогда, как были обставлены комнаты у других или в семье Лунгиных спустя какое-то время после приезда, какой был общественный транспорт – ничего этого мы не узнаем из книги. Зато узнаем, как учили в разных школах, какие были отношения со сверстниками и учителями, как внутренне противостояли чудовищной власти – вот что мы узнаем из искреннего рассказа автора.

Очень важно не только «подсчитать», сколько раз упоминаются те или другие предметы, но и в какой ситуации/ коннотации они называются, в какой оппозиции оказываются, чем «замещаются», т.е. какова их функция в тексте.

Внешний мир у Лунгиной неразрывно связан с миром внутренним, вещи – знаки духовной жизни: *«Томик Пастернака с надписью – все, что у меня от Жени осталось. Но образ его прошел через всю мою жизнь. Я о нем никогда не забывала. Он как-то присутствовал в моей жизни всегда. Женя, мой младший сын, назван в его честь.»* [Дорман, с. 160]. В другом месте: *«Я помню этот поезд, сперва такой веселый – начало мая, еще занимались горными лыжами, – лыжники в спортивных костюмах, веселые, загорелые. И по мере того как мы продвигались к востоку, он становился все более унылым, уже никаких лыжников, какие-то понурые люди* [Там же, с. 64]

Мир предметный «скукоживается», он замещен миром духовным.

Тесная связь с предметным миром – признак буржуазности, бездуховности, с точки зрения автора. Вот рассказывается о том, какую благополучную жизнь оставил Александр Галич, когда, отказавшись от статуса известного советского сценариста, стал диссидентствующим бардом: *«Жил он как человек состоятельный. Большая квартира, старинная мебель, фарфор. Дарил меха красавице жене и сам был замечательным красавцем. И этот красавец показался мне чересчур элегантным и чересчур снобом. <...> Тем больше было мое удивление, когда взволнованный Элька Нусинов однажды рассказал мне, что накануне слышал, как Галич пел свои песни...»* [Там же, с. 250]. Знаменательно удивление мемуариста, что «барин» имеет смелость противостоять власти!

В «Подстрочнике» Лилианна Лунгина демонстрирует весьма характерное для интеллигентных стариков конца века пренебрежение миром вещей. Психологически это вполне объяснимо: они родом из благопо-

лучного детства, но затем были «вброшены» в абсолютную безбытность, были лишены комфорта, удобных, приятных вещей. Вещи просто перестали играть в их жизни какую бы то ни было роль, они убедили себя, что главным является другое: семейные и дружеские узы, эстетические переживания, творчество... Конечно, сказанное относится отнюдь не ко всему населению той поры; речь идет прежде всего о «бывших», бывшем среднем классе, многое утратившем и потому сменившем приоритеты, об уцелевшей интеллигенции. Безбытность выходцев из низов, полностью принявших революционные лозунги, иного толка; там скорее можно ожидать идейного аскетизма, устремленности к «прекрасному будущему», созидание которого требует жертв; в жертву приносится комфорт. С другой стороны, мещанство с его ориентацией на материальное существование всегда, существовало, безусловно, и в тот период, о котором идет речь, но оно почти не высказывается в мемуарных формах.

Автор подтверждает в своих воспоминаниях миф о безбытном существовании предвоенного поколения, и в то же время уточняет его: очевидно, что в разных социальных группах истоки пренебрежительного отношения к миру вещей были различны, как и коннотации вещного мира с иными сферами человеческого существования.

Совершенно иное восприятие вещей у так называемых шестидесятников. «Мифологическое» представление о них таково. В своем ограниченном бунтарстве, в своем стремлении вернуться к «ленинским нормам» они безликости противопоставили яркость, эстетичность вещей, прежде всего одежды – или, как ни странно, намеренное ими пренебрежение. И то, и другое – проявление внутренней свободы (весьма относительной), какую декларируют и демонстрируют представители этого поколения. Наступила эпоха, когда преувеличенное внимание к одежде стало своего рода протестом: *«вот, не хочу быть как все вокруг»* [Кабаков, Попов, с. 45]. Конечно, были и другие, но авторы с иронией пишут, что даже комсомольцы, громившие стилияг, отдают дань моде: *«Комсомолец примодненный – это что такое? Так, на вид не придерешься, комсомолец; костюмчик, галстучек, причесочка... А помотришь внимательно – а причесочка-то с коком!»* [Кабаков, Попов, с. 45].

О тех, кто трепетно относился к миру вещей, нам рассказал недавно прошедший фильм «Стилияги», укрепив вполне определенное представление о поколении. А. Кабаков и Е. Попов, рассказывая о Василии Аксенове, одну из глав назвали «Стилияга Вася». Они подчеркивают: Аксенов любил красивую одежду, он был «первым литературным стилиягой». Но «тряпичником» он не был никогда: одежда для него была одним из способов самореализации, наряду с литературным творчеством. Впрочем, из «серой массы» он выделялся всегда – даже когда из Магадана приехал в сапогах и ватнике. С тем же удовольствием, с каким герой выбирал и носил удобную и красивую одежду, авторы книги описывают одежду героя, свою, своих друзей, еще раз убеждая читателя в том, что «мифологическое» утверждение «шестидесятники особое внимание уделяют одежде» совершенно справедливо: *«И сапоги мне Вася же прислал, называлась*

фирма «Билли Джеймс», эта надпись была на одежде, идешь, а на снегу отпечатывается – “Билли Джеймс”, “Билли Джеймс”, “Билли Джеймс”...» [Кабаков, Попов, с.58]

Подчеркивая, что особое внимание к своему внешнему виду свойственно не только тем, кто с гордостью называл себя стилистами, авторы сравнивают отношение к вещам других знаковых фигур – Иосифа Бродского, художника Зверева.

«Е.П.: Не в обиду Вам будет сказано, какие обиды между покойниками, говорят, что также элегантен был Бродский. Да, Бродский был элегантный человек, но по-другому.»

«А.К.: У Бродского была элегантность такая, на ленинградской закуске приобретенная, элегантность нью-йоркского интеллигентного еврея.» [Кабаков, Попов, с. 65].

Главным оказывается не вещь, а элегантность облика. Даже «бомжик» Зверев, ходивший в кирзовых сапогах, носил их «стильно»: «Одаренные люди незелантными не бывают.» [Кабаков, Попов, с. 49].

Привязанность к вещам как проявление внутренней свободы – парадоксальная, но точная характеристика, безусловно, не всех шестидесятников, а тех, кто ощущал себя творческими людьми, т.е. определенной социальной группы.

Жизнь поколения реформаторов в общественном сознании еще не стала мифом – отчасти потому, что пока о нем опубликовано не так много мемуарных и прочих сочинений, а следовательно, жизнь этого поколения недостаточно отрефлектирована и эстетизирована. Но какие-то наблюдения сделать уже можно – опираясь, в частности, на имеющиеся мемуарные тексты.

Зачастую преуспевшие в ту эпоху представляются исключительно частью вещного мира, «малиновыми пиджаками». Но тексты самих представителей этого поколения говорят о другом; те, кто способны описать историю своего возвышения, а иногда и последующего падения, свидетельствуют: для поколения девяностых вещи перестали быть презируемы, но перестали быть также знаком свободы и средством создания собственного образа – плейбоя, романтического героя и пр. Образ человека этого поколения выстраивается иной: ироничный скептик, иногда циничный, иногда «упертый», стремящийся реализоваться в политике или бизнесе, обеспечив себе и семье жизнь в такой степени благополучную, чтобы не нужно было думать о куске хлеба, как во времена полуголодной молодости. Понятно, что при таком целеполагании указание на детали предметного мира будет играть другую роль. «Вещь, знай свое место», – кредо людей, родившихся в шестидесятые годы и реализовавшихся в конце восьмидесятых – начале девяностых. В книге А.Коха и И.Свинаренко кое-какие вещи называются – если с ними связаны забавные истории, повествующие о том, как хитро добывали нужное; при этом драматизм происходящего совершенно не осознается. Вот характерный диалог:

« – А в Калуге, несмотря на продовольственную программу, в продаже были яйца и копченая мойва, и плавленые сырки...»

– *Коренные калужские продукты.*

– *Водка была всякая... Это меня с точки зрения haute cuisine вполне устраивало.*» [Кох, Свиначенко, т. 1, с. 50].

Продукты питания добываются с трудом, но это повод не для грусти, а для иронии над советской реальностью и для самоиронии. В то же время при необходимости прилагаются усилия для добывания нужных вещей – самыми разными путями, в том числе противоречащими советским законам, но никаких мук совести это не вызывает: «У меня было много друзей – фарцовщиков, и поэтому я как-то уже начал к этому относиться толерантно. Хотя люди, которые постарше меня на десять – пятнадцать лет, они этого и представить не могли.» [Кох, Свиначенко, т. 1, с. 144].

Несмотря на эпатажность и названия, и текста (включающего в себя в том числе обсценную лексику), «облико морале» поколения девяностых, возникающий из свободной беседы двух его представителей, гораздо привлекательнее, чем в сознании тех, кто с распадом советской империи многое потерял, хотя авторы как будто и не пытаются казаться лучше, чем они есть на самом деле, а стараются быть искренними в своих припоминаниях и оценках – в той мере, в какой хотят себе это позволить.

Как видим, образ поколения в конкретном мемуарном тексте уже, конкретнее, иногда привлекательнее того «мифа», что существует в общественном сознании, но он или лежит в основе этого мифа, входя в него как важнейшая составляющая, или уточняет, или развенчивает его.

Литература

Дорман О. Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. М., 2010.

Жак Е. Образ эпохи застоя в современной мемуаристике // Синтез документального и художественного в литературе и искусстве: материалы междунар. науч. конф. Казань, 2007.

Жак Е. Устные рассказы как исторический источник. Письменный текст и литературный жанр // Литература в диалоге культур – 4: материалы междунар. конф. Ростов н/Д., 2006.

Кабаков А., Попов Е. Аксенов. М., 2011.

Кох А., Свиначенко И. Ящик водки: в 4 т. М., 2004.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 82.0
ББК 83.00

О.Е. Гайбарян

**ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ
АВТОРСКОГО СЛОВАРЯ
Г. ГАЗДАНОВА**

Статья посвящена актуальному вопросу современного газдановедения: возможности составления словаря языка Гайто Газданова, одного из самобытных писателей первой волны русской литературной эмиграции. Рассматриваются существующие типы словарей языка писателей, намечаются возможные подходы к информационной базе словаря языка Газданова, а также его просветительская и исследовательская функции.

Ключевые слова: *газдановедение, словарь языка писателя, лексикография, концепт, ономастикон, языковая личность.*

Гайбарян Ольга Ервандовна – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и истории мировой литературы Южного федерального университета

Тел.: 8-928-127-24-24

E-mail: timili@sfedu.ru

© Гайбарян О.Е., 2012.

Выдвижение на передний план проблемы изучения языковой личности предполагает интерес прежде всего к той личности, которая способна обогатить язык. Полное описание языковой личности в целях ее анализа или синтеза, по мнению Ю.Н. Караулова, предполагает: а) характеристику семантико-строенового уровня ее организации (т. е. либо исчерпывающее его описание, либо дифференциальное, фиксирующее лишь индивидуальные отличия и осуществляемые на фоне усредненного представления данного языкового строя); б) реконструкцию языковой модели мира, или тезауруса данной языковой личности (на основе произведенных ею текстов); в) выявление ее жизненных доминант, установок, мотивов, находящихся отражение в процессах порождения текстов и их содержания [Котюрова, с. 660]. Цель авторского словаря состоит в предельно полной и точной реконструкции языковой личности писателя.

Как известно, по размаху корпуса выделяется четыре типа авторских словарей: 1) словари, охватывающие все творчество автора; 2) словари, отражающие часть творчества (например, только эссеистику); 3) словари одного произведения автора; 4) словари, отражающие использование какого-либо одного приема (словарь сравнений, неологизмов и т.п. писателя). В словарном деле достаточно стабильно держится ассортимент жанров, и, как пишет В.Д. Девкин, основываясь на обширной лексикографической литературе, посвященной будущности словарей, обычно обсуждаются вопросы совершенство-

вания техники составления словарей, но не их типы [Девкин, с. 85] Между тем ясно, что авторский словарь в традиционном его варианте вряд ли соответствует современным парадигмам языкознания.

В лексикологии существуют два подхода к номинации: семасиологический (от слова к референту) и ономасиологический (от референта к слову), и словари строятся на одном из этих принципов, причем ономасиологический (понятийный) принцип реализуется значительно реже. По мнению В.Д. Девкина, ономасиологическая трактовка в лексикографии представлена недостаточно, особенно для детальной презентации отдельных полей и тематических групп, причем общим недостатком ономасиологических словарей является их удаленность от сферы общения и малая коммуникативная оправданность инвентаризованного материала [Там же]. В указанной работе В.Д. Девкина перечисляются, в частности, следующие «неродившиеся», но весьма желательные словари ономасиологического (идеографического) типа: 1) словарь пространственно-временных номинаций; 2) словарь лексики причинно-следственных отношений; 3) этимолого-ономасиологические словари, связанные с особым ключевым понятием [Там же, с. 88 – 89].

Составитель словаря писателя всегда стоит перед проблемой, как соединить «академичность» (исчерпывающий словник) и собственно авторское (оригинальное) начало, ибо писательский словарь интересен прежде всего авторскими «находками». Более или менее ясна стратегия при составлении словарей тех писателей, для идиостиля которых характерны авторские неологизмы (Маяковский)¹. Фактически в этом случае составляется словник авторских неологизмов, хотя название может указывать именно на писательский словарь. Так, В.С. Елистратов в 2001 г. выпустил «Словарь языка Василия Шукшина», в предисловии к которому сказано: «В состав словаря вошли слова и выражения, не зафиксированные основными словарями русского языка». То есть фактически этот интересный и полезный словарь представляет собой выборку разговорно-просторечных, диалектных или архаичных слов, не зафиксированных нормативными словарями, а также перечень собственно авторских неологизмов. В текстах В. Шукшина, как становится ясно из этого словаря, около 1500 слов и около 700 фразеологических единиц такого типа.

В случае с Газдановым подобный словарь невозможен в принципе: автор практически всегда остается в границах литературного языка, ориентируется на его книжную разновидность, просторечных, диалектных и архаичных слов почти не употребляет, к созданию собственных неологизмов не склонен². Но оказывается, что все это не препятствует, а, напротив, способствует созданию языка оригинального и неповторимого. А задачи лексикографа, желающего представить широкому читателю этот необыкновенный язык, неизмеримо усложняются.

Авторские (писательские) словари традиционно создавались как словари семиологические (семантические). Между тем настало время (поскольку для этого есть соответствующие предпосылки) рассмотреть вопрос о создании писательских словарей концептов (авторских кон-

стант), возможно – с опорой (по типу) на Словарь концептов, составленный Ю.С. Степановым.

Понятно, что электронные средства предоставляют для устройства текстовой базы словаря совсем иные возможности – количественные, качественные, структурные, методологические [Гайкович, с. 120]. Электронные средства позволяют извлекать богатейшую и разнообразную содержательную информацию, которую предоставляет авторский тезаурус. Не останавливаясь на том, какие конкретно программы и поисковые системы могут быть задействованы, сосредоточим свое внимание на идеологии будущего словаря.

Очевидно, что информационная база словаря языка Газданова должна создаваться не абстрактно вообще как база сама по себе, а для подготовки конкретного словаря или серии словарей, прежде всего – словаря концептов. А для такого словаря понадобится несколько основных видов информации – языковая (текстовая), лексикографическая, лингвистическая, энциклопедическая, лингвокультуроведческая (страноведческая), историческая и литературоведческая. Весь материал должен быть проанализирован с множества сторон: хронологической, тематической, концептуальной, стилистической, прагматической и т.п.

Идиолект писателя может быть более или менее адекватно представлен серией словарей. Первым в этой серии должен быть генеральный (общий) словник (с включением онимов). Далее актуален словарь, отражающий сочетаемость лексических единиц, а значит – тропы и фигуры художественного дискурса. Далее должен следовать словарь текстовых концептов. И завершать серию следует описанием вертикальной нормы писателя. Это масштабная задача, и работы по ее осуществлению должны вестись параллельно, чтобы быть увязанными друг с другом в единое целое.

Фонды общего генерального словаря в двух других будут использованы в активно-иллюстративной функции. Данная функция актуальна в случаях, когда перед исследователем стоит проблема: известно слово, но не ясны аспекты его функционирования. Выводы исследователя-лексикографа становятся возможны только после анализа «поведения» слова – сочетаемости, тропеизации, символизации и т. п.

Анализ вербализованных концептов в дискурсе Газданова закономерно приводит к изучению традиции использования соответствующих наименований у предшествующих авторов (в таком исследовании сходятся фокусы интересов лингвистов и литературоведов) и учет данных лингвоконцептологии. Термин «лингвоконцептология» (см.: [Воркачев, с. 79–96]) применяется для обозначения новой области языковедения: если концепт представляет собой вербально явленный смысл, то собственно языковедческая проблематика в его изучении оказывается связанной с определением области бытования этого смысла и уровнем его коммуникативной реализации, будь то общенациональное языковое сознание или отдельный идиолект оригинального автора.

Выявление системы авторских концептов сопряжено со многими трудностями, обусловленными полифоничностью художественного текста, в котором различается авторская речь – «внутритекстовое воплощение автора (образа автора), ответственного за сказанное им» [Емельянова, с. 13] и речь персонажей. Языковая картина мира, представленная в художественном произведении, состоит из множества ментальных единиц – концептов, которые могут подвергаться определенному переосмыслению персонажами, и за это переосмысление, репрезентированное денотативно или метафорически, автор «ответственности не несет». Иными словами, перед составителем словаря писательских концептов стоит задача вычленения собственно «авторского голоса» и собственно «авторских идей», задача, осложняемая частотностью (у Газданова) автобиографических повествователей и протагонистов. Эта задача может быть решена только с помощью тонкого контекстуального анализа на стыке языкознания и литературоведения. Установлено, что более всего автор проявляется в рамочных компонентах текста (заглавии, эпиграфе, начале и концовке текста), а также в метатексте, составляющем целое с основным текстом и включающем посвящения, авторские примечания и ремарки, предисловия, послесловия, отступления и т. п. [Емельянова, с. 14].

В авторском словаре не должны «потеряться» излюбленные нетропеические слова и обороты речи. Самый частотный газдановский эпитет *прозрачный* будет описан в разделе, посвященном тропеической речи, но не менее важны для адекватного описания писательского идиостиля и стандартные единицы. Представление об ориентации Газданова на книжную стихию дает обилие глаголов типа *констатировать*, *полагать*. Ср.:

Я пересек рошу и пошел по дороге, в том направлении, в котором, как я полагал, должны были уйти мои товарищи (Призрак Александра Вольфа); *Сейчас, вспоминая этот печальный опыт, я полагаю, что я, может быть, ошибался и эти чувства были напрасны* (Ночные дороги); **Констатировав**, что у Алексея Петровича нет оружия, ему предложили браунинг, от которого он отказался (На французской земле); *Я вернулся к этим размышлениям позже и констатировал лишний раз, что это действительно не имело никакого значения. Вспоминая потом это время, я должен был констатировать преобладание в нем двух вещей: непривычной легкости и такого впечатления, точно я только что присутствовал при исчезновении целого мира* (Возвращение Будды). *Как это ни странно, однако он не осуждал богатых. Он только констатировал именно такое положение вещей, и его личная цель состояла в том, чтобы перейти из одной категории в другую* (Пилигримы). *Я совсем не противник республиканского режима, например. То, что я говорю, это не мнение, это констатирование существующего порядка вещей* (Пробуждение). *Разговор, после того как были исчерпаны деловые вопросы, очень незначительные, велся на самые общие темы, и Аркадий Александрович, и Людмила одновременно констатировали, что им, в сущности, не о чем говорить...* (Полет); *Мне всегда казалась неразрешимой эта немецкая загадка, но ее нельзя не констатировать: вчерашний германский офицер, добросовестно расстреливавший француз-*

ских заложников, завтра, после поражения Германии, будет с таким же усердием делать то, что ему прикажут победители – подметать улицы или чистить сапоги (На французской земле); Но в первые же дни после отъезда Серези Сергей Сергеевич должен был **констатировать**, что Лиза стала совершенно не похожа на себя (Полет). И поэтому, когда он прибыл во Францию, он мог **констатировать**, что одно и то же чувство, то самое, которое поддерживало его все время, было свойственно тысячам других его соотечественников... (На французской земле).

На первый взгляд, может показаться, что исчерпывающие представления как об «излюбленных» словах, так и о редких в творчестве писателя способен дать частотный словарь языка писателя. Однако дело осложняется тем, что регулярная «встречаемость» лексической единицы не обязательно есть следствие «авторских пристрастий», но может быть отражением общеязыковой частотности. Частотность – лишь один из параметров, позволяющий (отчасти) судить о том, как именно слово-понятие в речевой ткани художественного произведения переводится в слово-образ, становится выражением индивидуально-неповторимых картин, пропущенных через эстетическую оценку писателя.

Общей образности художественных текстов Газданова (понимаемой в смысле строгой системности всех элементов художественного целого, когда изъятие даже одного элемента влечет неизбежную ущербность содержания) способствуют онимические обозначения. Ономастикон Газданова своеобразен, и одной из задач словаря должно стать представление прагматических созначений топонимов и антропонимов, используемых писателем. Прагматическое содержание топонимов в прозе Газданова редко связано с их внутренней формой. В европейской классической литературе адрес персонажа всегда рассматривался как показатель социально-имущественного статуса, что обусловлено социально-историческими условиями, общественно-культурной ситуацией. С топонимией тесно связан признак престижности или, напротив, непрестижности. Топонимическая система художественного произведения (если таковая возникает в процессе его создания) гораздо более опосредованно связана с его содержанием, чем система антропонимов. Тем не менее топонимика может играть важную роль в передаче прагматических смыслов и в выражении общей идеи произведения. Когда в романах Газданова упоминаются, например, названия бедных кварталов Парижа, то делается это не столько для того, чтобы сообщить читателю точный адрес персонажей, сколько для того, чтобы еще раз указать на их место в социальной иерархии общества. Такие топонимы, используемые как метонимии, становятся социальными знаками. Ср.:

Он обнаружил, кроме того, такое знание скаковой терминологии, что его компетентность в этой области не могла вызвать никаких сомнений, – и я подумал, что, в сущности говоря, количество причин, которые доводят людей до rue Simon le Franc, довольно незначительно и причины эти почти всегда одни и те же (Возвращение Будды).

Чрезвычайно важно указание на мотивированные антропонимы –

такие, как *Клэр*, *Николай Соседов*, *Александр Вольф* или *Анри Дорэн*, персонаж рассказа «Счастье», чья фамилия соотносится с французским *d'or* – букв. ‘сделанный из золота’. Показательны мотивированные на основе антифразиса прозвища (как *Джентелемен* в романе «Возвращение Будды»). Как правило, прозвища вообще обладают максимальной семантической емкостью и прозрачной мотивировкой, это антропонимические единицы особого типа, поскольку их источниками служат нарицательные (реже – собственные) имена во вторичной номинативной функции. С одной стороны, они называют существенный, характерный признак лица (*мышастый стрелок* в романе «Возвращение Будды»), а с другой стороны, выражают эмоциональное отношение к нему (*Акробат*).

Итак, полагаем, что авторский словарь языка Газданова, который, подобно всякому словарю энциклопедического типа, должен соединять просветительскую и исследовательскую функции, может включать в себя следующие части:

1. Типичные тропы и фигуры;
2. Концептуарий;
3. Ономастику;
4. Анализ вертикальной авторской нормы.

В этом перечне «редуцирован» общий словник (который может играть вспомогательную роль в процессе работы, но не быть представленным читателю, поскольку в него неизбежно попадет множество единиц стандартных, никак не выявляющих особенности авторского стиля писателя, ибо экспрессия ощущается как таковая только на фоне стандарта), однако ни в коем случае нельзя допустить, чтобы непроясненным оказался вопрос о лексических предпочтениях, о «константах». Если последние не относятся к тропеической речи, то они должны быть представлены в описании индивидуальной авторской нормы.

Описанию на уровне словаря должны, на наш взгляд, быть подвергнуты именно концепты, а не денотативные множества.

Естественно, что огромную роль в писательском словаре должен играть цитатный материал. Однако иллюстративный материал важен не столько сам по себе, сколько в качестве источника для дефиниций контекстных значений и их оттенков. М.М. Маковский [с. 154] заметил, что в словарях менее всего нужна «цитатная показуха», когда словарь вместо предельно точного и меткого, исчерпывающего иллюстрирования прячется за цитату, маскирует выдержкой из произведения, которая зачастую лишь косвенно касается содержательного существа слова.

Как отмечал В.В. Морковкин [с. 131–132], абсолютно преобладающей тенденцией в подготовке словарей является лексикографирование по образцам, т.е. создание на новом языковом материале словарей уже известных типов с использованием уже известных методик. За годы, прошедшие после публикации этой статьи известного лексикографа, многое изменилось, однако преобладание традиционных подходов и методик в лексикографии осталось неизменным. Между тем ясно, что процветание такой научно-практической области, как лексикография, связано не

только (и не столько) с мастерством воплощения уже известных, апробированных идей, но прежде всего – с обогащением и расширением традиционного перечня словарей. Такое расширение и обогащение необходимо и в писательской лексикографии.

Гайто Газданов, обладатель «одного из самых необычных и запоминающихся голосов в русской эмиграции» [Долинная, с 42], создал свой неповторимый язык, который непросто воспроизвести в виде формализованного описания на уровне словаря. Однако, на наш взгляд, новый тип дифференцирующего словаря, сочетающего элементы лексического и идеографического словарей с описанием иерархии концептов и субконцептов, может (в известной мере) выполнить задачу представления идиостиля Газданова в лексикографии.

Примечания

¹ Первым опытом описания авторских неологизмов стал «Словарь неологизмов В.В. Маяковского», составленный Н.П. Колесниковым (1991). Этот опыт выявил ряд проблем, в том числе ту, которая обозначена в предисловии к этому словарю, написанном Н.М. Шанским. Н.М. Шанский критически пишет о том, что в словарь входят не только собственно авторские неологизмы, но также те слова, которые не были созданы Маяковским, а просто оказались на момент создания словаря не зафиксированными толковыми словарями (прежде всего – в силу своей неузуальности в литературном языке; чаще всего это слова просторечного характера). Другая проблема связана с толкованиями авторских неологизмов. Какими критериями должен руководствоваться составитель, толкуя слово, прежде небывалое, существующее только в границах данного текста? Очевидно, необходим учет комплекса факторов: внутренней формы окказионализма, его синтагматики, а также прагматики текста в целом.

² Авторские словообразовательные окказионализмы в прозе Газданова единичные и фактически «балансируют» на грани узуса. Ср.: ... *она действительно была к нему не равнодушна и потеряла поэтому чувство ridicule и ту умность разговора, которые ее обычно не покидали* (Полет); *Был ли Амар действительно убийцей или был просто **выполнителем** преступного проекта?* (Возвращение Будды).

Литература

Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика? сб. науч. тр. Вып. 3: Аспекты коммуникативной деятельности. Воронеж, 2002. С. 79–96.

Гайкович Т.И. Об информационной базе современной академической лексикографии (эволюция жанра) // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA? тр. Ин-та лингвистических исследований / отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. 1. Ч. 3. СПб., 2003. С. 119 – 125.

Девкин В.Д. О неродившихся немецких и русских словарях // ВЯ. 2001. № 1. С. 85–96.

Долинная Ю.А. Семантические коды слепоты в рассказе Гайто Газданова «Счастье» // Изв. РАН. Серия литературы и языка. 2006. Т. 65, № 2. С. 41–48.

Елистратов В.С. Словарь языка Василия Шукшина: Около 1500 слов, 700

фразеологических единиц. М., 2001. 432 с.

Емельянова О.Н. Авторская речь // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной: 2-е изд., испр. и доп. М., 2006. С. 13–14.

Котюрова М.П. Языковая личность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной: 2-е изд., испр. и доп. М., 2006. С. 660–661.

Маковский М.М. Рецензия на: В.Д. Девкин «Очерки по лексикографии» // ВЯ. 2002. № 5. С. 153–155.

Морковкин В.В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре / отв. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1988. С. 131–138.

УДК 81'342.622
ББК 81.2-3

М.С. Смирнова

ОСНОВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ БЕЗУДАРНОГО ВОКАЛИЗМА В ПРОЦЕССЕ АССИМИЛЯЦИИ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Представлены результаты исследования особенностей ассимиляции русских заимствований в фонетической системе английского языка в области безударного вокализма. Анализируемый корпус слов был отобран путем сплошной выборки из десяти изданий Произносительного словаря Д. Джоунза (1928, 1937, 1947, 1948, 1957, 1963, 1977, 1997, 2003, 2006). Синхронно-диахронический анализ позволил выявить основные тенденции изменения фонетической структуры русских заимствований под влиянием системы английского языка.

Ключевые слова: *русские заимствования, редукция, степень редукции, нейтрализация, ассимиляция.*

Смирнова Мария Сергеевна – ассистент кафедры второго иностранного языка факультета иностранных языков Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (г. Владимир)

Тел.: 8-920-940-3600, 8(4922)34-28-79
Email: marie52006@yandex.ru

© Смирнова М.С., 2012.

Неоспорим тот факт, что литературное произношение безударных гласных какого-либо языка основано на фонетическом законе редукции. Под редукцией мы понимаем изменения гласного звука, обусловленные позицией этого гласного по отношению к ударному слогу [Аванесов, с. 43]. Редукции подвергаются безударные гласные, как в русском, так и в английском языке, но ее степень и характер в этих языках неодинаковы.

Сравнивая редукционные модели английского и русского языков, В.А. Виноградов указывает, что «главное отличие редуктивной панорамы русского слова от английского состоит в обратном распределении степеней редукции» [Виноградов, с. 19 – 20]. В русском языке редукция строится по принципу затухающей динамичности, когда наиболее сильный слог – ударный (нулевая степень редукции) – противопоставлен первому предударному (ст. ред. 1) и остальным слогам (ст. ред. 2). Таким образом, редуктивная схема русского слова может быть представлена следующим образом: 2-1-0-2. В английском же языке, напротив, максимальная степень редукции представлена в слогах, непосредственно примыкающих к ударному, т.е. редуктивная схема английского слова выглядит симметричнее: 1-2-0-2-1.

В соответствии с традиционной концепцией Д. Джоунза [Jones, 1922], большинство безударных гласных в английском языке подвергаются редукции до /q/ или /l/. Последние исследования в области английского безударного вокализма подтверждают тот факт,

что большинство монофтонгов и некоторые дифтонги имеют тенденцию в сторону нейтрализации [Бобылева]. Кроме того, известно, что в неосвоенных или не до конца освоенных словах возможно сохранение нетипичной для принимающего языка редукции безударного гласного [Розенталь].

Целью настоящего исследования является выявление наличия или отсутствия соответствия слов русского происхождения основным тенденциям типично английских слов в области безударного вокализма. Это позволит установить степень и общие тенденции в ассимиляции анализируемых единиц к системе принимающего языка.

Материалом для анализа в данной статье послужили слова русского происхождения, выраженные именами собственными, в количестве 179 единиц. Данный корпус лексики отобран путем сплошной выборки из десяти изданий Произносительного словаря английского языка Д. Джоунза [Jones, 1928, 1937, 1947, 1948, 1957, 1963, 1977, 1993, 2003, 2006].

По нашим наблюдениям, в английском языке единицы русского происхождения, выраженные именами собственными, не только численно превосходят единицы русского происхождения, выраженные именами нарицательными, но и отличаются большей частотностью употребления в устной и письменной речи. Этими фактами и обуславливается выбор материала для нашего исследования.

Поскольку характер редукции зависит от позиции фонемы относительно главного ударения в слове, мы рассматривали редуктивные изменения отдельных фонем с точки зрения их нахождения в предударной и заударной позиции.

В ходе исследования в безударной позиции нами выявлено семь кратких фонем ([e], [I], [i], [x], [P], [V], [q]), пять долгих фонем ([J], [R], [H], [L], [E:]), а также два дифтонга ([qV], [eI]).

Краткие фонемы

Фонема [I]. Исходя из данных последних исследований в английском языке в положении без ударения данная фонема чаще всего редуцируется до нейтрального [q]. Однако в анализируемой нами группе слов русского происхождения в заударной позиции фонема [I] обладает относительной стабильностью. Тенденция к нейтрализации наблюдается лишь в 12,3% случаев, главным образом, в срединном слоге: Kalashnikov /kq'lxSn|kPf, -nq-/; Ustinov /'jHst|nPf, -stq-/; Так же она не подвергается нейтрализации в конечном слоге, содержащем слоговой сонант, например: Putin /'pHt|n/. Сохранение качества анализируемой фонемы в заударном положении можно рассматривать как сохранение признаков оригинального произношения.

В предударном положении фонема [I], напротив, имеет тенденцию к нейтрализации в 100% случаев: Petrushka /p|t'rHskq, pq'-/; Nijinsky /n|'dZ|nski, nq'-/.

Фонема [P]. Сохранение качества фонемы [P] в безударном положении характерно для современного английского языка, в отличие от схо-

жей с ней фонемой [o] в русском языке, где не под ударением она меняет свое качество.

Тенденция сохранения фонемой [P] своих основных качеств без ударения выявлена в большинстве случаев анализируемого нами материала: лишь в 13,5% случаев в заударной позиции и в 11% случаев в предударной альтернативой данной фонеме выступает нейтральный [q]: Lermontov /'lʲfqmPntPf, -mgn-, -tgf/, Tobolsk /tP'bPlsk, tq'-'/.

Кроме того, в ходе диахронического анализа у фонемы /P/ в безударном положении выявлено стремление сохранять своё качество в 80% случаев. Это можно проследить на примерах таких единиц, как Azov и Ivanoff:

Azov /'Rz0v/ (с 3-го по 11-е изд.) → /'RzPv/ (с 14-го по 17-е изд.);

Ivanoff /J'vRn0f/ (с 3-го по 10-е изд.) → /i(:)'vQ(:)nqf, -n0f/ (с 11-го по 14-е изд.) → /l'vRnPf/ (с 15-го по 17-е изд.).

Фонема [x]. В английском языке в положении без ударения данная фонема редуцируется до [q] примерно в 50% случаев. В анализируемой нами группе слов данная фонема выявлена преимущественно в предударной позиции, где, в подавляющем большинстве (92%), она сохраняет свое качество, и лишь в одном случае во второстепенном варианте мы встречаем фонему [q]: Yakutsk /jx'kvtsk, jq'-'/. В 55% случаев наблюдается обратная тенденция: фонема [x] выступает дополнительным вариантом для фонемы [q], например, Amur /qm'Vq, xm'-'/.

Фонема [e]. Для данной фонемы в английском языке характерно редуцирование до нейтрального звука в подавляющем большинстве случаев. Но в анализируемых нами словах русского происхождения она отличается стопроцентной стабильностью в предударной позиции: Chelyabinsk /Cel'jRblnsk/, а также имеет слабую тенденцию к нейтрализации в заударной позиции (16%): Mendelejev /'mendql'elef, -qf/.

В качестве второстепенного варианта фонема [e] выявлена в одном случае для фонемы [l]: Petrushka /pɫ'ʁHskq, pɛt'-'/. Вероятнее всего, дополнительный вариант произношения данной единицы является стремлением приблизиться к оригинальному произношению.

Фонема [i]. Для безударной фонемы [i] в современном английском языке намечается тенденция в сторону нейтрализации. В анализируемых нами словах она преимущественно занимает положение в конце слова (например, Trotsky /'trPtski/, Grozni /'grPzni/), но сохраняет свое качество во всех безударных позициях: Diaghilev /dɪ'xgllef/, Prokofiev /prq'kPfef/.

Фонема [V]. Данная фонема в безударном положении в английских словах подвержена редукции примерно в 50% случаев. В словах русского происхождения она так же проявляет относительную стабильность и лишь в 20% случаев подвержена нейтрализации: Mussorgsky /mV'sLgski, mq'-'/.

Долгие фонемы

Фонема [R]. В английском языке фонема [R] проявляет относительную стабильность в безударном положении и подвергается редук-

ции примерно в половине случаев. В анализируемых нами словах русского происхождения в пред- и заударной позиции в большинстве случаев данная фонема сохраняет свое качество и при этом в подавляющем большинстве случаев не передается характерным сочетанием «аг».

В предударной позиции она встречается, например, в таких единицах, как Altai /Rl'tal/, Khabarovsk /kR'bRrPfsk/ и в 100 % случаев не подвержена нейтрализации.

В качестве дополнительного варианта фонема [R] выступает, например, в слове Ba'kunin для фонемы [q], что приближает произношение слова к произношению в русском языке. Стремление сохранить оригинальное произнесение в дополнительном варианте наблюдается и у такой единицы, как Baikal /'balkxI, -kRI/ (вероятнее всего потому, что в русском варианте этого слова ударение падает на второй слог), а также в топонимах, оканчивающихся на – grad: Stalingrad /'stRlIngrxd, -grRd/, Leningrad /'lenIngrxd, -grRd/.

Фонема [H]. Для данной фонемы характерно сохранение своего качества во всех безударных позициях в английском языке. Эта тенденция прослеживается и в словах русского происхождения, где в безударной позиции она не подвержена редукции в 100 % случаев: Ulan-Ude /H"IRnH'del/.

В 50 % случаев фонема [H] выступает альтернативным вариантом фонемы [V]: Kurile /kV'rJI, kJH'rJI/, Yevtushenko /'jevtV'SenkEV, -tH'-/.

Фонема [E:]. В английском языке для данной фонемы характерна относительная стабильность в безударной позиции. В предударном положении для фонемы [E:] альтернативными вариантами служат фонемы [q], [Iq], [Vq]: Murmansk /mE:'mχn'tsk, mq'-/; Irkutsk /E:'kVtsk, Iq'-/; Turgenev /tE:'gelnjev, tVq'-/. В двух последних примерах видно, что дополнительный вариант произношения близок к оригинальному, однако доминирование варианта с [E:] говорит о большей степени соответствия слов нормам принимающего языка.

В заударном положении фонема [E:] также не имеет тенденции к редукции: Ekaterinburg /I"kχtq'rJnbE:g/.

Фонема [L]. В английском языке фонеме [L] свойственно сохранять свое качество в положении без ударения примерно в половине случаев. Кроме того, чаще всего данная фонема передает звучание сочетания *og* на письме.

В словах русского происхождения отмечено одинаковое количество единиц, в которых в дополнительном варианте фонемы [L] находится [q] (например, Soyuz /sL'jHz, sq'jHz/) и единиц, в которых в дополнительном варианте фонемы [q] находится [L] (например, Zaporozhye /"zχpq'rqVZel, -pL'-/).

Кроме того, фонема [L], передаваемая сочетанием *og* на письме, чаще всего остается без изменений в безударном положении, например, Igor /'JgLr/.

Фонема [J]. В английском языке для данной фонемы намечается тенденция к нейтрализации в положении без ударения. Для фонемы [J]

в анализируемой группе слов не выявлено ни одного случая нейтрализации. Однако в единице Ivan во второстепенном варианте фонемы [J] фиксируется краткая [I]. В одном случае в предударной позиции данная фонема выступает альтернативой фонемы [I]: Ivanoff /'vRnɒf, J'-. Кроме того, в диахроническом срезе у данной единицы выявлено постепенное изменение в сторону фонемы [I]:

ɹ'vRnɒf (с 3-го по 10-е изд.) -> i(:)'vQ(:)nɒf (с 11-го по 14-е изд.) -> ɹ'vRnɒf (с 15-го по 17-е изд.).

Дифтонги

Фонема [EV]. В предударной позиции в 83,3% случаев фонема [EV] имеет тенденцию к редукции до [q]; в одном случае в качестве дополнительного варианта ей выступает фонема [P]: /qV'kPɒtsk, P'kPɒtsk/.

В заударном положении фонема [EV] в 80% случаев данная фонема имеет тенденцию к нейтрализации до [q]: Volgograd /'vPlgqVgrɒd/, Aeroflot /'FqrgVflɒt/. В конечной позиции, как и в английских словах, данная фонема не подвержена редукции. Перечисленные примеры отражают текущие тенденции для фонемы [EV] в безударной позиции в английском языке.

Кроме того, в результате диахронического анализа у фонемы /ou/-/EV/ нами выявлена тенденция к нейтрализации в более поздних изданиях словаря (с учётом основных вариантов произношения) в 66,6% случаев, например:

Ladoga /'lRdougq/ (с 3-го по 9-е изд.) → /'lɒdggq, -dougq/ (с 11-го по 14-е изд.) → /'lɒdqVgq/ (с 15-го по 17-е изд.);

Pavlova /'pQvluovq/ (с 3-го по 9-е изд.) → /'pɒvlqvq/ (с 11-го по 17-е изд.).

Фонема [eɪ]. Данная фонема в словах русского происхождения была выявлена нами в конечном положении, где она передаёт произношение окончания *-e* в русском этимоне: Zaporozhye /'zɒpɒ'rqVZel/. Как видно из примера, она не имеет тенденции к редукции. Прочтение окончания *-e* как [eɪ] характерно для заимствованных слов в английском языке (сравните, например, с Alicante /'ɒlɪ'kɒntel/).

Таким образом, среди основных признаков соответствия слов русского происхождения текущим тенденциям в области безударного вокализма английского языка нами выделено:

- сохранение фонемой [H] своего качества во всех безударных позициях;

- сохранение своего качества в большинстве случаев фонемами [P], [ɒ], [V], [R], [L], [E:], [EV] и слабую тенденцию к их нейтрализации во всех безударных позициях.

Среди основных признаков несоответствия слов русского происхождения текущим тенденциям в области безударного вокализма английского языка нами выделено:

- стабильность артикуляции фонемы [I] в большинстве случаев в пред- и заударной позиции;

- отсутствие редукции фонемы [e] в предударном положении;

- отсутствие нейтрализации фонемы [i] во всех безударных положениях;

- отсутствие нейтрализации фонемы [i:] в пред- и заударной позиции.

В качестве общего вывода следует отметить довольно высокую степень соответствия анализируемых слов русского происхождения общим тенденциям безударного вокализма в английском языке – с одной стороны, а с другой – тенденцию сохранения признаков оригинального произношения в большом количестве слов.

Литература

Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956. 241 с.

Бобылева Е.А. Сравнительно-историческое исследование английского безударного вокализма: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 229 с.

Виноградов В.А. Консонантизм и вокализм русского языка (практическая фонология). М., 1971. 83 с.

Розенталь Д.Э. Современный русский язык: в 2 ч. М., 1976. Ч. 1. 272 с.

Jones D. An Outline of English Phonetics / G.E. Stechert & Co. New York, 1922. 245 p.

Jones D. An English Pronouncing Dictionary: showing the pronunciation of over 50000 words in intern. phonetic transcription / Rev. ed. with suppl. London; Toronto; Dent, 1928. XXVIII. 426 p.

Jones D. An English Pronouncing Dictionary: showing the pronunciation of over 54000 words in intern. phonetic transcription: 4th ed., rev. and enlarg. London; Dent; New York; Dutton, 1937. XXVIII. 495 p.

Jones D. An English Pronouncing Dictionary: containing 56285 words in intern. phonetic transcription: 8th ed. London; Dent, 1947. XXVIII. 490 p.

Jones D. An English Pronouncing Dictionary? containing 56300 words in intern. phonetic transcription: 9th ed. (rev. with supplement). London; Dent, 1948. XXVIII. 490 p.

Jones D. Everyman's English Pronouncing Dictionary: 11th ed. (completely revised). L., 1963. 540 p.

Jones D. Everyman's English Pronouncing Dictionary: 14th ed. / ed. by A.C. Gimson. London, 1977. 560 p.

Jones D. Everyman's English Pronouncing Dictionary: 14th ed. / ed. by A.C. Gimson, extensively revised by Susan Ramsarsn. L., 1993. 576 p.

Jones D. English Pronouncing Dictionary: 16th ed. / ed. by P. Roach, J. Hartman, J. Setter. Cambridge University Press, 2003. 583 p.

Jones D. English Pronouncing Dictionary: 17th ed. / ed. by P. Roach, J. Hartman, J. Setter. Cambridge University Press, 2006. 594 p.

УДК 81'23:81'367
ББК 81.2-2

М.В. Окс

**ПЕРИФРАЗ:
МЕЖДУ СИНОНИМИЕЙ
И ПЛЕОНАЗМОМ**

На материале современного политического дискурса рассматриваются некоторые проблемы, связанные с определением перифраза, разграничению его от смежных понятий плеоназма и периссологии. Особое внимание уделяется выявлению его синонимической и амплифицирующей природы, которая становится очевидной в функциях перифраза.

Ключевые слова: *перифраз, синонимия, амплификация, плеоназм, периссология, политический дискурс.*

Окс Марина Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии факультета филологии и журналистики Южного федерального университета
E-mail: marinaoks@gmail.com

Природа и функции перифраза являют собой проблему, интересовавшую исследователей со времен античности. Несмотря на существование многочисленных исследований этого стилистического приема, многие вопросы не снимаются. Наиболее существенными из них, на наш взгляд, являются следующие: 1) классификация перифраза как тропа или риторической фигуры, 2) соотношение перифраза со сходным явлениями – периссологией и плеоназмом, 3) синонимическая и амплифицирующая/компрессионная природа перифраза и, наконец, 4) определение функций перифраза. В данной статье попробуем ответить на вышеперечисленные вопросы, иллюстрируя основные положения примерами перифразов из современного политического дискурса.

Если мы обратимся к современным определениям перифраза, обнаружим две точки зрения. Согласно первой, перифраз рассматривается как троп тождества, наряду с другими тропами – метафорой (тропом сходства), метонимией (тропом смежности) и иронией (тропом контраста). Например, такие определения перифраза можно обнаружить в современных словарях по риторике и культуре речи: «Перифразис, (греч. *periphrasis* описательное выражение, от греч. «обносить забором, огораживать»), метафразис, циркумиция, циркумлокуция (лат. параллели), обратословие, округлословие (древнерусские термины) – троп тождества, замена слова описательным выражением» [Хазагеров, с. 273 – 274]. Той

же точки зрения придерживаются авторы энциклопедического словаря-справочника «Культура русской речи»: «Перифраз(а), или парафраза, перифразис, перифрасис – троп, заключающийся в замене какого-либо слова или выражения описательным оборотом, в котором называются наиболее существенные признаки (признак) обозначаемого <...> Обычно перифраз сочетается с другими тропами, например, метафорой, метонимией. Основные разновидности перифраза: антономазия, кеннинг, дисфемизм, эвфемизм» [Баринова, с. 446].

Противоположная точка зрения на перифраз как на фигуру была изложена, еще в конце XIX в. в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: «Перифраза – риторическая фигура, состоящая в том, что косвенное указание на известное явление служит заменой его прямому названию. В виде эвфемизма перифраза играет значительную роль в жизни и развитии языка. У нас перифразами называют также модификации известного изречения, вносящие в него новый смысл, но оставляющие неприкосновенной его внешнюю структуру» [Брокгауз, Ефрон, URL], в Энциклопедическом словаре 1964 г. под редакцией Б.А. Введенского: «ПЕРИФРАЗ (перифраза) (от греч. periphrasis) – описательный оборот речи, замена к.-л. подлинного имени, слова, термина указанием на те или иные его признаки («царь зверей» вместо «лев») [с. 189].

Не соглашается рассматривать перифраз в качестве тропа и другой видный исследователь, Ю.М. Скребнев, признавая, однако, его близость к тропу смежности: «Перифраз – описательное название того, что могло быть названо прямо; называние характерных черт объекта вместо называния самого объекта. Основное отличие перифраза от метонимии заключается в том, что первый не может быть выражен только одной лексической единицей (одним словом): он всегда состоит из более чем одного слова.

Этот прием всегда несет в себе <...> лингвистическую избыточность. Стилистический эффект от использования этого приема может варьироваться от создания возвышенного стиля до юмористического. Перифраз часто использовался авторами прошедших эпох, так как его считали более элегантным и эвфемистическим средством номинации <...>. Этот прием не является тропом, так как не является переносом значения (переименованием), и все же этот способ обозначения объекта близок к метонимии» [Скребнев, с. 110 – 111].

На наш взгляд, перифраз все же правомерно считать тропом, поскольку в его основе лежит образ – метафорический или метонимический, в отличие от фигуры, основанной на диаграмматической изобразительности, отражения содержания в синтаксической структуре. Перифраз – троп тождества, поскольку, если обратиться к треугольнику Фреге, денотат у замещаемого и замещающего один при разных сигнификатах. Например, в 2011 г. в СМИ впервые появилось словосочетание «арабская весна», которым стали обозначать череду народных демонстраций против авторитарных режимов в арабском мире весной 2011 г. То есть денотатом являются события, а сигнификатами – варианты их

обозначения («*арабская весна*» вместо «череды народных демонстраций...»).

При этом **по способу образования** перифраз как троп может быть метафорическим («*рычаги власти*», «*вертикаль власти*», «*президентский фильтр*» и т.д.) или метонимическим («*ось зла*», «*человек в погонах*», «*марокканская резолюция*», и т.д.).

По частотности употребления (что зависит от времени возникновения перифраза) перифразы можно разделить на частотные, избитые, уже давно ставшие фактом языка и потерявшие яркость образности и называющие объекты и явления действительности, существующие достаточно долго («*третий Рим*» вместо «Москва», «*Белый дом*» вместо «правительство США» и т.д.), и перифразы-«неологизмы/окказионализмы», называющие недавно появившиеся объекты или явления, благодаря этому подобные перифразы воспринимаются как более яркие и выразительные («*Болотные люди*» вместо «участники митингов, недовольные результатами выборов в Госдуму и протестующие против избрания В. Путина, вышедшие на Болотную площадь в Москве зимой 2011/2012 г.»).

По составу перифразы можно разделить на поликомпонентные и монокомпонентные. И хотя большинство исследователей в самом определении перифраза указывают на поликомпонентность как на отличительную черту этого приема (см. О.С. Ахманова, Ю.М. Скребнев, и т.д.), практика подтверждает функционирование и монокомпонентных перифразов. Несколько лет назад фактом языка стали такие перифразы, как «*тандем*» (также «*Тандем*»), более ранний вариант – «*правлящий тандем*», «*вертикаль*» вместо «вертикаль власти», «*майдан*» (символ оранжевой революции в Украине) вместо «революция» и т.д.

Что касается соотношения перифраза со смежными явлениями, прежде всего, периссологией и плеоназмом, то обращаясь к уже процитированным в данной статье словарям, находим следующие определения: «Плеоназм – греч. «избыток, изменчивость»), макрология, экзоха – избыточность выражения как разновидность амплификации» [Хазагеров, с. 210], *периссология – макрология* [Там же, с. 208]. Именно термин *плеоназм* используется как родовой для обозначения и риторической фигуры, в которой избыточность стилистически оправданна, и тип риторической ошибки [Там же, с. 195].

К этому же термину нас отсылает и энциклопедический словарь-справочник «Культура русской речи», где плеоназм трактуется сходно: 1) как стилистическая фигура, 2) как «тип отступлений от лексической нормы, связанный с синтагматической избыточностью высказывания или текста. В отличие от плеоназма как стилистической фигуры “порочный”» [Виноградов, с. 472]. А периссология определяется как синоним плеоназма во втором, «порочном», значении.

В «Словаре лингвистических терминов» под редакцией О.С. Ахмановой плеоназм и периссология также представлены как синонимы. В их определении на первом месте – «избыточность выражения как постоян-

ное свойство языковой единицы», а на втором – «фигура речи, состоящая в накоплении синонимических выражений» [Ахманова, с. 325].

В плеоназме – дублирование некоторого элемента смысла, наличие нескольких языковых форм, выражающих одно и то же значение в пределах законченного отрезка речи или текста – само языковое выражение, в котором имеется дублирование [Там же, с. 17 – 18].

Двойственное понимание плеоназма идет из античной традиции. Если Квинтилиан, Донат и Диомед понимали плеоназм как перегруженность речи излишними словами, т.е. как недостаток речи, то Дионисий Галикарнасский полагал плеоназм – обогащением речи словами, придающими ей ясность, силу, ритмичность, убедительность и пафос [Литературная энциклопедия].

Таким образом, мы вслед за рядом ученых будем рассматривать плеоназм как родовой термин для обозначения проявления амплификации в двух значениях – риторической фигуры и стилистической ошибки, а периссологию – как синонимичное плеоназму понятие. Отличие же плеоназма от перифразы заключается в том, что перифраза – это прежде всего троп, в то время как плеоназм в положительном смысле – фигура речи. Во-вторых, перифраза, в отличие от плеоназма, не является стилистической ошибкой, ведь тогда он превращается в плеоназм. И третье, перифраза не обязательно подразумевает амплификацию. И хотя большинство перифразов, действительно, состоят из нескольких слов, «количественный» признак не существенен для данного тропа (функционирование монокомпонентных перифразов).

Природа перифразы двойственна. С одной стороны, перифраза синонимична, является иносказательным, стилистически маркированным описанием человека, предмета или явления и существует наряду с его нейтральным обозначением. Перифраза может быть эвфемистическим и мелиоративным или, наоборот, дисфемистическим и пейоративным, что позволяет говорящему выразить свое отношение к обозначаемому явлению (одобрения, уважения, преклонения или неодобрения, порицания, презрения и т.д.). Например, *«игра в одни ворота – за кандидата от партии власти»* – перифраза «нечестной предвыборной кампании» (Н.Башлыкова, Т.Бекбулатова. Баннеры снимают с выборов //Коммерсант. 2012, 21 февр., с. 2), выражающий негативное отношение говорящего (вице-спикера от ЛДПР Игоря Лебедева) к ходу кампании.

В то же время можно говорить об **амплифицирующей и компрессионной** природе перифразы. Амплифицирующая природа проявляется в «разрастании» иносказательного выражения по сравнению с нейтральным, формально это выражается в увеличении компонентов, составляющих перифрастическое выражение, например, *«экс-лидер “Правого дела”»* вместо «М. Прохоров». Обратный процесс назовем компрессией. Компрессия наблюдается, когда широкое значение выражено перифразом, меньшим по объему, состоящим из одного или нескольких компонентов. Например, фразой *«новые русские»* обозначался праздный класс, заработавший быстрые и легкие деньги через финансовые махинации

и коррупцию, а «1990-е» – обозначение десятилетия разгула криминала, политической и социальной нестабильности.

Анализ ряда публикаций печатных изданий, а также новостных и аналитических телепередач позволил выделить ряд функций перифразы, в которых раскрывается его двойственность. О синонимической природе перифраза свидетельствуют следующие функции.

1. Эвфемистическая функция заключается в стремлении избежать употребления обидных слов. С развитием такого явления, как политкорректность, в наш язык вошли такие перифразы, как «человек с ограниченными возможностями» вместо «инвалид», «социальные выплаты» вместо «пенсии и пособия», «отправить на тот свет» вместо «убить», «места лишения свободы» вместо «тюрьмы и колонии» и т.д.)

Например, «не блестящая ситуация» вместо «плохая ситуация» (литота) президент Д.А. Медведев, говоря о сроках соблюдения финансирования государственного оборонного заказа сказал: «Не скрою, в прошлом году была ситуация, мягко говоря, не блестящая» (Белов С. Президент сделал оборонзаказ // Российская газета. 2012. 6 февр., с. 2.)

Еще один пример эвфемистического перифраза можно обнаружить в речи постпреда России в ООН Виталия Чуркина на заседании ООН по вопросу политической ситуации в Сирии: «решение должно быть таким, в том числе и потому, что некоторые влиятельные члены международного сообщества, в том числе и сидящие за эти столом, с самого начала сирийского кризиса подрывали возможность политического урегулирования, призывая к смене режима, натравливая оппозиционеров на власти, не гнушаясь провоцированием и подпитыванием вооруженных методов борьбы» (Воробьев В. Не везет нам на Райс // Российская газета. 2012. 6 февр., с.5.). «Некоторые влиятельные члены международного сообщества, в том числе и сидящие за эти столом...» – эвфемистическое перифрастическое наименование «США и их сторонников».

2. Дисфемистическая функция проявляется в употреблении сниженного, грубого слова вместо нейтрального. Например, «выборный беспредел» о предвыборной кампании 2012 г. (Информационный бюллетень Ростовского ОК КПРФ для избирателей Дона. 2012, 16 февр., с. 3.) или «партия жуликов и воров» о партии власти (Там же, с. 4.), «воры и проходимцы» о чиновниках (Хватит терпеть! Голосуй за Жириновского! // Российская газета, 2012, 6 февр. с. 9). На обсуждении проекта договора о проведении честных выборов министр С. Шойгу «вышел из себя <...> объявив, что у него “дел по гланды”» (Тирмасте М.-Л. Общественный недоговор // Коммерсант. 2012, 21 февр. с. 1 – 2).

3. Мелиоративная функция проявляется в замене обычного названия человека, предмета или явления восхваляющим. Например, «годы стабильности» о годах нахождения у власти В. Путина или перифраз Д. Медведева: «партии, которые уже давно находятся на политическом небосклоне» (Граник И., Корченкова Н., Самохина С. Несистемный подход // Коммерсант. 2012, 21 февр., с. 1 – 2).

4. Пейоративная функция – использование вместо нейтрального

обозначения фразы, выражающей критику, неодобрение или презрение. Например, выражение «*болотные люди*» вместо «люди, принявшие участие в акции протеста на Болотной площади в Москве в феврале 2012 г.» В статье «На Поклонной» автор цитирует другого журналиста, Михаила Леонтьева: «Нам предлагают перестройку. *Болотные люди* хотят снести не Путина, а российскую власть» (Закатнова А. На Поклонной // Российская газета. 2012, 6 февр., с. 3.). Или слова В. Жириновского: «Нельзя нам всем сливаться с Болотной и Поклонной. Поклонная – это власть. А Болотная – тоже символична.» (Белов С. На Пушкинской // Российская газета. 2012, 6 февр., с. 3.)

Еще один перифраз в пейоративной функции – «*оранжевая угроза*» вместо «возможность смены власти в стране аналогично тому, как это произошло в Украине с приходом к власти В. Ющенко и Ю. Тимошенко».

Любопытно, что некоторые перифразы допускают двойственное истолкование. Например, в одном из выступлений кандидат на пост президента М.Д. Прохоров назвал своих соперников, лидеров трех думских партий, «тремя думскими старцами». Этот перифраз вызвал неоднозначную реакцию общественности и самих «денотатов»: ими перифраз был воспринят как пейоративный, унижающий их достоинство и недопустимый. М.Д. Прохоров в телевизионном эфире пояснил, что слово «старец» не должно восприниматься как обидное, напротив, «старец» в его понимании – «мудрец». Так что с его точки зрения, данный перифраз пейоративным не является. В любом случае, юмористический эффект был достигнут, перифраз попал в СМИ, был растиражирован и, в итоге, отразился на рейтинге кандидатов.

Аmplифицирующая природа перифраза проявляется в функции, которую условно можно обозначить как

5. Функция «затемнения» смысла высказывания. Перифразы в этой функции часто включают в себя слова с размытой семантикой и отглагольные существительные, что делает фразу громоздкой и усложняет понимание сути высказывания. Например, в статье В. Воробьева приводится цитата г-жи Райс: «Вызывает отвращение то, что пара членов Совета продолжает мешать нам в реализации нашей единственной цели – заняться урегулированием все усугубляющегося кризиса в Сирии и растущей угрозой миру и безопасности в регионе». (Воробьев В. Не везет нам на Райс // Российская газета. 2012, 6 февр., с. 5.) В данном случае под «*урегулированием все усугубляющегося кризиса в Сирии и растущей угрозой миру и безопасности в регионе*» подразумевается «ввод войск ООН в Сирию».

В другой публикации находим «*несмертоносная военная помощь*» вместо «поставки полицейского нетравматического оружия и техники для разгона массовых выступлений». Виктури Нуланд (представитель госдепартамента): «Узбекистану будет оказана “ограниченная по своим масштабам и безусловно несмертоносная военная помощь”» (Зубков К. США помогут Узбекистану разгонять демонстрантов «несмертоносно»

// Известия. 2012, 6 февр. с. 4).

Документ, который должны были подписать кандидаты в президенты на выборах 2012 г., получил название «Общественный договор об условиях легитимности демократических процедур формирования власти в России» – о том, что имели в виду авторы проекта документа, можно только догадываться; любопытно, что на момент написания данной статьи кандидаты отказались подписать этот документ.

Суммируя наши наблюдения, можно сделать следующие выводы: перифраз правомерно считать тропом тождества, в его основе может лежать метафора или метонимия; поликомпонентность не является основополагающим признаком перифраза, существуют также и монокомпонентные перифразы; синонимическая природа перифраза проявляется в наличии стилистически окрашенных иносказательных синонимов, функционирующих наряду с нейтральными обозначениями; помимо амплификации в перифразах можно обнаружить и обратный процесс – компрессию; функции перифраза также отражают его двойственную природу и включают в себя эвфемистическую, мелиоративную, дисфемистическую, пейоративную и функцию «затемнения» смысла высказывания.

Литература

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Барина А.В. Перифраз // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. 2003.

Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Режим доступа: <http://booksite.ru/fulltext/bro/kgabrokefr/3/3566.html>

Виноградов С.И. Плеоназм // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003.

Литературная энциклопедия: в 11 т. / под ред. В. М. Фриче, А.В. Луначарского. М., 1929 – 1939.

Скрёбнев Ю.М. Основы стилистики английского языка: учебник для интов и фак. иностр. яз. : 2-е изд., испр. М., 2000 (на англ. яз.).

Хаззагерев Г.Г. Риторический словарь. М., 2009.

Энциклопедический словарь / под ред. Б.А. Введенского: в 2 т. Т. 2. М., 1964.

УДК 701.56
ББК 81.411.2

В.В. Миргородская

ОБ ОСНОВАНИЯХ СОПОСТАВЛЕНИЯ И ЕГО СООТНОШЕНИИ СО СРАВНЕНИЕМ

Рассматриваются особенности семантики и употребления терминов *сравнение* и *сопоставление*. Анализируются синтаксические конструкции сравнительного и сопоставительного типа в плане семантики, синтаксиса и прагматики. Особое внимание уделяется основаниям отношения сопоставления в синтаксисе текста.

Ключевые слова: *сопоставление, сравнение, соотношение, сходство, различие, речевая ситуация, когнитивные процессы.*

Миргородская Валентина Васильевна – докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка Таганрогского государственного педагогического института имени А.П. Чехова

Тел.: 8(863)460-13-03
E-mail: v.mirgorodskaja@yandex.ru

Одним из основных условий формирования сложных, системно организованных синтаксических единиц является их структурно-смысловая целостность, обусловленная реализацией отношений между компонентами. Как известно, в содержании синтаксических отношений получает отражение многомерный характер реальности, понимание сущности которого требует, как правило, поэтапного анализа. В этом случае полнота выражения реальной действительности достигается уровневым построением системы сложных синтаксических единств. В статье будут рассмотрены отношения сопоставления, некоторые основания их реализации и соотношение со сравнением.

В лексикографической литературе находим аналогичные толкования процессов, обозначенных глаголами *сопоставить* и *сравнить*. *Сопоставить* «рассмотреть, соотнеся друг с другом, выявляя сходство и различие, сравнить». *Сравнить* «рассмотреть одно в связи с другим для установления сходства или различия или для установления преимущества одного перед другим, сопоставить».

Отличие приведенных толкований заключается в наличии сведений о том, что в результате сравнения устанавливается «преимущество одного перед другим».

Значение преимущества могут выражать формы степеней сравнения признаков номинаций в контексте реализации всех необходимых синтаксических связей и при условии когнитивного осмысления того, что в большей или меньшей степени проявления

признака развивается значение преимущества. Результат сравнения, оформленный традиционной синтаксической конструкцией с подчинительной припредикатной связью (сравнительным оборотом или придаточным сравнительным), не является достаточно конкретным даже при наличии соответствующих актантных, пространственно-временных распространителей и других обстоятельств проявления признака. В сравнительной конструкции не назван исходный признак, а компаратив в указанных синтаксических границах не способствует пониманию его конкретной семантики. В предложении *Сегодня вода холоднее, чем вчера* выражено скрытое сравнение с позитивной степенью проявления указанного признака *Вчера вода была холодная (теплая)*. Что касается преимущества одной степени перед другой, то оно может быть установлено лишь в результате однозначного понимания той ситуации, относительно которой сформулировано сравнение.

Относительность значений и позитива, и компаратива, подробно рассмотренная в лингвистике [Арутюнова, с. 243 – 245], способствует обоснованию содержания такого рода сочинительных отношений, которые реализуют сопоставление позитива и результата уже состоявшегося сравнения, выраженного компаративом. В сообщениях *Температура была высокой, а сейчас еще выше* и *Температура была высокой, а сейчас ниже* осуществляется сопоставление исходного признака, значение которого установлено относительно нормы, и степени проявления результата сравнения. Знание нормы определяет наличие и характер преимущества одной степени проявления перед другой. В данном случае преимущество обусловлено меньшей степенью проявления признака по отношению к норме. Разумеется, норма, определяющая недостаточность или перевес в проявлении признака, не всегда является общепринятой. В большинстве случаев семантическая разновидность преимущества понимается в результате действия когнитивных процессов, апеллирующих к знанию. Поэтому сопоставление результатов сравниваемых ситуаций, как правило, когнитивно обусловлено. Кроме того, степень проявления позитивного признака может быть неожиданной или субъективной. Пользователи языка часто оценивают отражаемую ситуацию с точки зрения опыта своей познавательной деятельности. В этом случае сопоставление сравниваемых ситуаций может приобретать противительный оттенок, подчеркивающий перспективу одной из ситуаций, о чем свидетельствует антонимичный характер сравнения: – ***Как трудно вы живёте с собой! Никакой ад не сравнится с тем адом, который человек носит в себе самом. Но дальше будет легче. Юность – самая мучительная пора жизни человека*** (Ю. Нагибин).

Несомненно, что в практике параллельного исследования нескольких недостаточно известных объектов терминами *сопоставить* и *сравнить* можно пользоваться как взаимозаменяемыми, так как понятия, обозначенные ими, изначально отражают лишь процесс, направленный на достижение результата. Но даже в этом отношении контексты употребления указанных терминов свидетельствуют о некоторой степени

их семантической дифференциации. Сопоставительный метод в лингвистике – это «исследование и описание языка через его системное сравнение с другим языком с целью прояснения его специфичности (системной идиоматичности). Сопоставительный метод направлен в первую очередь на выявление различий между двумя сравниваемыми языками...» [ЛЭС, с. 481]. Сравнение семантически шире, об этом свидетельствует и частое употребление данной номинации в качестве термина. И всё же представляется убедительным пример того, как строгий научный стиль изложения может влиять на употребление этих терминов. При изучении языков Фердинанд де Соссюр, устанавливая множество различий между ними, делает следующий вывод: «Именно вследствие таких сопоставлений народ начинает осознавать свой собственный язык» [с. 190]. А там, где констатируется возможность обнаружения аналогичных черт в разнообразии, употребляется термин *сравнить* [с. 191]. Автор считает, что даже при абсолютном различии языков, препятствующем установлению их родства, всё же не следует отказываться от сравнений. В результате делается вывод о единстве сопоставления и сравнения: «Два языка могут отличаться друг от друга в самых различных отношениях; они могут поразительно походить друг на друга... возможны всякие промежуточные случаи» [Там же, с. 192].

Установленное сходство, как известно, является основным и привычным содержанием сравнительных отношений, реализующихся в языке, что подтверждается внутренней семантической структурой термина сравнение и употребляющимися здесь союзами, фиксирующими проявленное сходство и указывающими на подчинительный характер отношений. При отсутствии союзов одним из основных способов отражения сходства является сочинительный, организованный соединением синтаксических структур, вторая из которых содержит соответствующий предикат (*быть похожим, сходным, походить, напоминать* и т.п.), а также дейктические средства, указывающие на реальный процесс отождествления в границах того же семантического параметра, что и сходство. Сочинительные структуры такого типа организованы, как и сопоставительные: сравниваемые понятия отражают реальные объекты одного и того же рода, а значит, сочетающиеся предикативные единицы однородны в смысловом отношении: *В Париже, с его подлостью и пренебрежением к человеку, я заболеваю клаустрофобией. Сходные чувства испытывал и Поль Валери* (Ник. Набоков); *Шарлю Николю, французскому бактериологу, удалось перенести сыпной тиф на шимпанзе. То же самое удалось мне доказать относительно так называемой детской холеры* (И. Мечников). В результате установления сходства или отождествления актуальным становится формирование целостности из отдельных смыслов. Поэтому заметную роль в синтаксических единствах такого типа играет именно соединительный характер отношений. Осложнение отношений сопоставлением возможно лишь при условии подчеркивания актуализации различного, часто стимулированного ситуацией протекания речи. Ср. трансформацию предыдущего примера: *Шарлю Николю,*

французскому бактериологу, удалось перенести сыпной тиф на шимпанзе. А мне удалось то же самое доказать относительно так называемой детской холеры.

Сопоставить значит соотнести объекты в пределах их сущностного различия. Последнее, ставшее объектом познания и вовлеченное в контекст сопоставления, характеризуется соотносительностью семантики. Соотношение объектов, каждому из которых отвечает отдельное свойство, находит описание в синтаксических конструкциях сопоставительного типа. Отношение сопоставления является, как правило, бинарным. Описание реального сопоставления многих объектов осуществляется в системе перечисления каждого из отдельных свойств элементов множества. Соотносительный характер сопоставительного смысла обуславливает его структурный параллелизм, проявляющийся обычно в порядке следования выявленного различного, данного общего, а также в формах их выражения.

Основанием сопоставления чаще всего являются обстоятельства, которые воспринимаются в речевой или реальной ситуации. Зачастую несовпадение одного с другим в пределах однородных семантических параметров заложено в коммуникативной установке. Содержание ситуаций известно, а их сопоставление – это способ нейтрального сообщения о различном: *В этот момент небольшая компания внизу, на стоянке машин, распалась с прощальными возгласами. Трое уселись в серую «Субару» и уехали, а четвертый помахал им вслед и стал подниматься по тропинке меж кактусов* (Д. Рубина); *Мы с Козинцевым часто беседовали, ходили друг к другу в гости. В разговорах бытового характера тон задавал я. Когда же речь заходила, что называется, о высоком, лидировал Григорий Михайлович* (А. Райкин).

Кроме того, стимулом сопоставления и сообщения о нем может стать необходимая реакция на что-либо неожиданно актуальное. В этом случае контекст сопоставления требует для своего выражения описания реальной ситуации: – *Что?! Цвет! Какой чемоданный цвет?! – И руками размахивал, точно собирался сгрести с багажной ленты все чемоданы с рейса.*

– *Ты погоди, Сильва, – сказал Петя... – Не гони волну. Там один рюкзак только. А Лизин вот, у меня* (Д. Рубина).

Как следует из приведенных примеров, сопоставление, параллельное по своей природе, как правило, включается в последовательно развивающийся текст с помощью предварительных тематических сообщений.

Результатом сопоставления, как и сравнения, может быть значение преимущества. Качественное преимущество в сопоставляемых, объективно обоснованных содержаниях мыслится как известное, привычное, легко устанавливаемое в процессе восприятия и простого объяснения того, что сопоставляется: *У нас не хватает даже оперов, а они работают в нормальном режиме* (В. Семенов); *Халаты врачей после дня работы оставались такими же белыми, в худшем случае кровью забрызганы. Ха-*

латы банщиков становились мокроватыми, серого цвета, в пятнах вина, жира... (В. Помещик).

Преимущество одного перед другим может быть обусловлено его проявлением в актуальном времени или пространстве, стимулировано и определено позицией носителей языка, степенью их осведомленности, воспитанием, окружением и, конечно, особенностями речевой ситуации: *Раньше жаргон был уделом четких социальных групп. Теперь он почти национальное достояние* (С. Довлатов); *Японцев, побывавших в Соединенных Штатах, удивляет, что даже среди состоятельных людей очень немногие имеют художественные наклонности и интересы. Японцы же – заядлые цветоводы, живописцы-любители или коллекционеры* (В. Овчинников).

Основанием сопоставления могут быть обстоятельства, которые вычисляются в результате действия, когнитивных процессов, обеспечивающих возможность понимания сформулированного сопоставления: *Терять мне было нечего, и я не скрывала, что, до Америки, мы намерены побывать в Англии... Тут советник сурово спохватился: «Ну, насчет Англии мы еще посмотрим, а на Америку обождите замахиваться, надо обсудить с Москвой»* (Б. Ахмадулина). Понимание выделенного сопоставления обусловлено знанием политической ситуации, в период которой действовали соответствующие запреты.

В когнитивном обосновании нуждается, как правило, и значение преимущества, особенно в тех случаях, когда сопоставляются количественные понятия, выраженные числительными, приобретающими это значение в счетной системе. При этом в практике человеческой жизнедеятельности преимущественной может оказаться как большая, так и меньшая величина: *Сегодня двадцать градусов ниже нуля, а завтра будет тридцать*.

Кроме того, основание сопоставления может быть связано с чувственной, интуитивной активностью субъекта познания, требующей глубоких и внимательных наблюдений. Ставится цель познать новое и включить его в сопоставление с уже известным. Осуществляется поиск соответствующих ситуаций с целью что-либо выяснить, лучше разглядеть, а может быть, и вслушаться. В языке это требует распространенных форм выражения, например фрагментов текста, организованных скрытым, прямо не выраженным сопоставлением. Здесь можно отметить, что если результат такого типа оформляется сопоставительной конструкцией, то мыслится он обычно как контекстуально или ситуативно зависимый: *Сначала он сделал из меня куклу. –... А потом он достиг наивысшего совершенства: сделал из куклы – меня* (Д. Рубина) или предполагаемый, возможный: *И мне захотелось приласкать ее, чтобы она, пусть на короткое время, почувствовала хоть каплю тепла... А может быть, я лгу самому себе. Может быть, это мне вдруг захотелось немного тепла* (Д. Рубина).

Из изложенного выше следует, что сопоставление и сравнение как процессы не разграничиваются в практике познания, но дифференци-

руются в результатах, выраженных в языке. Бинарный параллелизм отношения сопоставления, имеющий место в единицах синтаксиса на всех его уровнях, является наиболее приемлемым способом отражения соотносительного различного.

Литература

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. М., 1984.

Соссюр Фердинанд, де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург, 1999.

УДК 81'37
ББК 81.03

И.А. Бобрышева

СВЯЗЬ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ «ПУСТОТА» И «ТВОРЧЕСТВО» В ИДИОЛЕКТЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Сложность взаимодействия семантических полей «пустота» и «творчество» в идиолекте М.И. Цветаевой определяется энантиосемией ключевых слов, которые являются точками пересечения полей в тексте, и амбивалентностью понятия «пустота». С одной стороны, это поглощающее 'отсутствие', противопоставленное творчеству как полноте и потенциальности, с другой – свободное место, потенциальная возможность как условие творчества.

Ключевые слова: *М.И. Цветаева, семантическое поле, ключевое слово, пустота, творчество.*

Бобрышева Ирина Александровна – преподаватель кафедры общего и сравнительного языкознания факультета филологии и журналистики Южного федерального университета

Тел.: 8(863) 295-10-51
E-mail: bobrysheva.irina@mail.ru

© **Бобрышева И.А., 2012.**

В современной лингвистической науке художественные произведения все чаще рассматриваются как ключ к постижению авторской картины мира. Особый интерес в этом отношении представляет идиолект М.И. Цветаевой, имеющий ряд особенностей, которые определили выбор метода анализа материала. Для текстов М.И. Цветаевой свойственны переплетение смыслов, энантиосемия слов и устойчивых выражений, наличие бинарных противопоставлений, характеризующихся амбивалентностью. Наиболее удачным способом описания и представления семантического уровня произведений автора является построение семантического поля (далее – СП) текста. Семантическая структура отдельного художественного текста М.И. Цветаевой часто представляет собой целую систему СП, тесно связанных между собой и пересекающихся в ключевых словах.

Ключевые слова, которые представляют собой точки пересечения двух и более полей, являются объектом настоящего исследования. Предмет нашего исследования – СП «пустота». Пустота – это одна из основных категорий во многих культурах, она связана с актом сотворения мира. СП «пустота» представлено во многих произведениях М.И. Цветаевой и переплетается с целым рядом других СП. Цель настоящей статьи – проследить связь этого поля с полем «творчество» как одним из центральных у многих писателей и поэтов и выявить особенности авторской картины мира. Материалом для анализа послужили контексты, полученные в про-

цессе сплошной выборки. В ходе анализа будут рассмотрены значения, которые реализуются в контекстах и входят в поля «пустота» и «творчество», и сделаны выводы о взаимодействии и пересечении этих полей.

Для Цветаевой творец всегда был особым человеком. Кто посвятил себя творчеству, подчинился стихии творчества, существующей в нем, тот отказался от своего социального статуса, от той жизни, когда он подвластен только себе. По М.И. Цветаевой, с этим даром можно только родиться, этой внутренней полнотой необходимо обладать априори, а не создавать ее.

По этой причине она не признавала гений Валерия Брюсова и писала о нем: «Поэт ли Брюсов после всего сказанного? Да, но не Божьей милостью. Стихотворец, творец стихов, и, что гораздо важнее, творец творца в себе. Не евангельский человек, не зарывший своего таланта в землю, – человек, волей своей, из земли его вынудивший. **Нечто** создавший из **ничто**» [Цветаева, с. 16].

Ключевым в данном тексте является слово *ничто*, которое во многих произведениях М.И. Цветаевой выступает одним из репрезентантов поля «пустота». Категория «ничто», «пустота» – символы рубежа XIX – XX вв. Это время характеризуется кризисом европейского сознания, в результате которого проблема не-бытия становится одной из центральных в произведениях многих писателей, поэтов и философов и «получает воплощение в образах, представляющих базовые оппозиции мир – ничто, вещество – пустота, свет – тьма, день – ночь, белое – черное, etc» [Севастьянова, с. 11].

В творчестве разных авторов эта проблема решается по-своему, и один из возможных выходов из нее следующий: альтернативой несовершенному миру представляются не-бытие, ничто, пустота, где автор сам может созидать, он становится источником всего, он равен Богу, который может наполнить это не-бытие тем, чем захочет. Поэтому окружающая пустота становится одним из признаков творца в идиолекте М.И. Цветаевой.

Таким образом, с одной стороны, рассуждая о Брюсове и его поэтических способностях, автор использует аллюзию на творение Бога, который создал все из ничего, из абсолютной пустоты. Речь идет о первоначальном не-бытии, из которого возникло все сущее, о дотварной пустоте в мире, которая содержала в себе потенциальную полноту всего созданного позднее и ныне сущего.

С другой стороны, в анализируемом тексте речь идет о пустоте, которая заставляет Брюсова стать не просто творцом стихов, их создателем, а творцом творца в себе. Это абсолютная пустота, отсутствие творческого начала в самом поэте, на месте которого он создает *нечто*. По мнению М.И. Цветаевой, любой творец потенциально полон. Таким Творцом с заглавной буквы для нее была художница Наталья Гончарова. В очерке, посвященном этой гениальной личности, одним из центральных является СП «творчество»: «Биограф, не сомневаюсь, Гончаровой хотел польстить. Из **ничего**, мол, делает **все**. Да для Гончаровой ведь

нет **“ничего”**, **пустой звук**, даже и звук не **пустой**, раз звук <...>...допустив хоть на секунду возможность для Гончаровой **“ничего”**, – **ничего** от нее не оставил, уничтожил ее всю»; «...ощутить **ничего (небытие)** – это опять-таки ощутить: быть... »; «все из себя **дающий** есть все в себя **берущий: отдающий. Всё только из всего.** Возможность не – то, чего заведомо лишена Гончарова» [Цветаева, с. 101]. В приведенном отрывке М.И. Цветаева на примере Натальи Гончаровой дает свое понимание творца. С одной стороны, автор отрицает наличие «ничего» вовне, т. е. любое присутствие, наличие для творца исключает пустоту: если звук есть, пусть и пустой, – это уже не пустота, если мы ощущаем небытие, значит, есть наши ощущения, есть мы, а значит, это уже не абсолютное небытие (ср. *cogito, ergo sum*). С другой стороны, создание всего из ничего, это создание всего из себя, творец, автор словно выплескивает всю свою внутреннюю полноту вовне. Снова возникает параллель между творцом и Богом. Третий семантический аспект реализуется в контексте всего эссе «Наталья Гончарова»: чтобы полноту личности воплотить, нужно, чтобы ей не мешали лишние люди, события, мелкие впечатления, предметы, нужно, чтобы было пусто. Личность любого гения настолько полна, что не требует окружающей заполненности, а скорее нуждается в свободном пространстве, чтоб было, где выразить себя.

Внутренняя наполненность и значимость творца, а также окружающая его пустота в текстах М.И. Цветаевой тесно взаимосвязаны и раскрываются одна через другую: «Скульптор зависит от мрамора, резца и т.д. Художник – от холста, красок, кисти – хотя бы **белой стены и куска угля!**» [Цветаева, с. 590]. Речь идет о художнике и о том материале, которым он пользуется. СП «творчество» представлено словами *холст, краски, кисти, резец*, а также *скульптор* и *художник*, являющимися видовыми к родовому наименованию *творец*. СП «пустота» реализуется через лексему *белый*, которая в разных контекстах в идиолекте М.И. Цветаевой выступает ассоциатом, синонимом и антонимом к слову *пустой*. Прилагательное *черный* в произведениях автора приобретает индивидуально-авторское значение ‘полный’, которое реализуется в приведенном контексте в словосочетании *кусок угля*. Белая стена для художника – это полотно, на котором можно создать картину. Белая стена – это пустое пространство, которое стимулирует к заполнению. Эта пустота существует до всех созданий творца, благодаря ей и возникают произведения. Для Цветаевой пустота – это залог всех будущих творений. В очерке «Наталья Гончарова» М.И. Цветаева пишет следующее: «Только пустота ничего не навязывает, не вытесняет, не исключает. Чтобы всё могло быть, нужно, чтобы ничего не было. Всё не терпит чего (как “могло бы” – есть)» [Цветаева, с. 68].

Для поэта и писателя пространством, требующим заполнения и стимулирующим к творчеству, является бумага: «...чего не могу жечь, так это – **белой бумаги...** нужно только этому другому себе представить, что эта бумажка – денежный знак... Точно не тетрадку дарю, а все в ней **написавшееся бы** бросаю в огонь... » [Цветаева, с. 131]. **«Пустая тетрадь!**

Оду пустой тетради! Белый лист без ничего еще, с еще-уже-всем. Есть у немцев слово Scheu, с частым эпитетом heilige – вроде священного трепета – непере译имое. Так именно эту священную Scheu я по сей день испытываю при виде **пустого листа...** Будет тетрадь – будут стихи. Мало того, каждая еще пустая тетрадь – живой укор, больше: приказ» [Цветаева, с. 133 – 134]. «Не рукописи выручала – руками – из огня, **а белую бумагу. Возможность рукописи...** Жечь. Жечь. А вот это – вам. – Иногда с сомнением: – И чековую книжку Вам?

– Да, если пустая»
 «Я – страница твоему перу,
Все приму: я – белая страница.
 Я хранитель твоему добру:
 Возвращу и возвращу сторицей.

Я деревня, черная земля.
 Ты мне луч и дождевая влага
 Ты – господь и Господин, а я –
 Чернозем и белая бумага.

Сознавала ли я тогда, в 18-м году... я называла – самое великое: недра (чернозем) и все возможности белого листа» [Цветаева, с. 135].

В представленном фрагменте СП «пустота» формируется вокруг устойчивого сочетания *белая бумага*, имеющего в современном русском языке значение ‘пустая, неисписанная’. Белая бумага – это материал для творца, поэта, как холст, стена для художника. Контекстуальными синонимами данного словосочетания в рассматриваемом фрагменте являются *белый лист* и *новая тетрадь* (‘чистая, в которой ничего не написано’), *белая страница*, *пустая тетрадь*. Уже с первых строк раскрывается внутренняя форма прилагательного *пустой* (‘тот, что впускает, дает возможность существовать’). Значение ‘возможность и потенциальность’ передается на лексическом уровне путем номинации белой бумаги «возможностью рукописи», а на грамматическом – благодаря употреблению грамматического окказионализма («написавшееся бы»). Данная семантика подчеркивается и собственно авторским лексико-синтаксическим окказионализмом с *еще-уже-всем*.

Пустой, белый лист является потенциально полным, дает простор для мыслей поэта и писателя. Он содержит в себе все невоплотившиеся творческие возможности, все ненаписанные шедевры. Исписанная бумага исключает возможность создания чего-то нового и являет уже созданное, сделанное, которое во многом теряет свою ценность для автора, как только материализуется. Творец живет будущими творениями, еще не написанным: «Творец, это все завтрашние творения, всё Будущее, вся неизбежность возможности: неосуществленное, но не неосуществимое – неучтисное – в неучтисности своей непобедимое: завтрашний день.» [Цветаева, с. 14].

В письме к Тарковскому, написанному в октябре 1940 г., М.И. Цветаева использует ахматовское словосочетание, которому придает статус

слова: «Просто, был 1916 год, и у меня было безмерное сердце, и была Александровская Слобода, и была малина (чудная рифма – Марина), и была книжка Ахматовой... Была сначала любовь, потом – стихи... А сейчас: я – и книга. А хорошие были строки:... Непоправимо-белая страница... Но что она делала: с 1914 г. по 1940 г.? Внутри себя. Эта книга и есть “непоправимо-белая страница”»... [Цветаева, с. 611]. Ахматова использовала это сочетание в стихотворении «Вечерние часы перед столом», чтобы через детали передать внутреннее состояние лирической героини, отсутствие желания творить. Цветаева, переосмысливая строки Ахматовой, употребляет его, когда пишет о своем отношении к книге стихов, которыми некогда восхищалась. Это преклонение перед творчеством Ахматовой, продиктованное любовью, сменяется другим отношением: «...Да, вчера прочла – перечла – почти всю книгу Ахматовой и – старо, слабо. Часто (плохая и верная примета) совсем слабые концы; сходящие (и сводящие) на нет» [Цветаева, с. 611]. Употребляя словосочетание *непоправимо-белая страница*, М.И. Цветаева подчеркивает содержательную пустоту книги и выражает свое субъективное мнение о ней. Благодаря использованию наречия *непоправимо* для создания окказионализма, автор меняет коннотацию словосочетания *белая страница* до противоположной. Первоначальное значение ‘пустота, требующая заполнения и стимулирующая к творчеству’ трансформируется и приобретает оттенок ‘пустота как отсутствие, ущербность’. Таким образом, актуальный смысл слова художественного текста формируется благодаря другим элементам внутри текста.

Словосочетание *белый лист* употребляется в произведениях М.И. Цветаевой и в переносном значении, сохраняя семантику пустоты и связь с полем «творчество»: «Я только что поступила в музыкальную школу... партнер – Евгения Яковлевна Брюсова, жемчужина школы и моя любовь. Старшая ученица и младшая. Все музыкальные искусства пройденные – и белый лист.» [Цветаева, с. 21]. Белый лист в данном случае обозначает два вида пустоты. С одной стороны, это пустота в противопоставлении значимой полноты (жемчужина школы), которая обозначает неопытность, отсутствие должных знаний. С другой стороны, данная пустота предполагает все будущие возможности, всё то, что ещё будет (противопоставлено пройденному).

Окружающая творца пустота у М.И. Цветаевой может концентрироваться не только в материале, которым он пользуется, предметах и пространстве, которые его окружают, но и в тех людях, которые находятся рядом с ним и играют важную роль в его жизни: «Фактическое. Пушкин должен был быть убит **белым** человеком на **белой** лошади, в которого так свято верил, что даже ошибочно счел его Вейскопфом (он точно свою смерть примерял), – одним из генералов польской войны, на которую стремился – навстречу смерти. Судьба посредством Гончаровой выбирает Дантеса, **пустое место**, равное Гончаровой. Пушкин убит не **белой** головой, а каким-то **пробелом**» [Цветаева, с. 86].

СП «творчество» реализуется через имя собственное *Пушкин*. Значение «полнота» творца в данном примере возникает на основе противопоставления Пушкина и Дантеса. Дантес становится символом пустоты и входит в одноименное поле благодаря использованию таких слов, как *пустое место* и *пробел*, которые автор применяет для характеристики убийцы русского гения. Фразеологизм *пустое место*, употребленный по отношению к какому-либо человеку, означает «ничтожество», другими словами, незначительность, внутреннюю пустоту. Лексема *белый* в первую очередь указывает на внешние признаки Дантеса (белые волосы), которые совпадают с предсказанным Пушкину. Но для М.И. Цветаевой более значимой является внутренняя характеристика. Она использует слово, которое, с одной стороны, сохраняет этимологическую связь со словом *белый*, а с другой стороны, выражает семантику пустоты. Это слово *пробел*, которое является ключевым в рассматриваемом отрывке. В Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой дается 3 определения этого слова, первое из которых «промежуток, незаполненное место между отдельными текстами, частями текста» [МАС, с. 462]. Выделение такого значения позволяет связывать слово *пробел* с письмом, текстом и СП «творчество». Таким образом, данная лексема является точкой пересечения одновременно трех СП: СП «пустота», СП «белый» и СП «творчество». Третье значение *пробела*, зафиксированное в словаре, формулируется как «недостаток, упущение, изъян» [Там же] и, как и фразеологизм *пустое место*, указывает на ничтожность Дантеса.

В результате анализа было выявлено, что пересечение СП «пустота» и «творчество» наблюдается в ряде произведений М.И. Цветаевой, написанных в разные годы, и свидетельствует об их тесной связи. Сложность взаимодействия полей определяется энантиосемией, свойственной языковому знаку в идиолекте автора, и неоднозначностью поля «пустота». С одной стороны, пустота – это «отсутствие», она поглощает, уничтожает. В этом значении поле «пустота» противопоставлено полю «творчество», как полноте и потенциальности. С другой стороны, в произведениях М.И. Цветаевой представлено другое понимание пустоты как потенциальной полноты, что приводит к тесной связи с СП «творчество».

Литература

Севастьянова В.С. Поэтика не-бытия в русской литературе 1900 – 1920-х гг. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Магнитогорск, 2011.

Словарь русского языка : в 4 т. Т. 3. / РАН, Ин-т лингвист. исслед.; под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999 (МАС).

Цветаева М.И. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1997.

УДК 801.3
ББК 81.03

Е.С. Бульбенко

**ОБЪЕКТИВАЦИЯ
ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ
КОНЦЕПТОВ «КОВАРСТВО»
И «ХИТРОСТЬ»
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
КОММУНИКАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
Ф. ШИЛЛЕРА «КОВАРСТВО
И ЛЮБОВЬ»)**

Статья посвящена исследованию способа объективации концептов в эмоционально-категориальных ситуациях художественной коммуникации. Автором предлагается алгоритм анализа подобных ситуаций. Рассмотрение языковых средств репрезентации концептов позволяет дифференцировать основные признаки изучаемых концептов.

Ключевые слова: *эмоциональный концепт, эмоциональная доминанта, эмоционально-категориальная ситуация, художественная коммуникация.*

Бульбенко Елена Сергеевна – старший преподаватель кафедры германских и романских языков Института иностранных языков Волгоградского государственного социально-педагогического университета
Тел.: 8-902-362-65-88
E-mail: twins04@mail.ru

© Бульбенко Е.С., 2012.

Задача статьи – уточнить понятие «эмоционально-категориальная ситуация» как коммуникативное пространство объективации эмоциональных концептов, проанализировать данный тип ситуаций на материале художественной коммуникации, уточняя средства объективации концептов «хитрость» и «коварство».

Концепты, как убедительно доказано лингвистикой, фиксируют миропонимание народа, а язык это миропонимание транслирует. Трансляции подлежат и эмоции, переживаемые человеком. Фиксация этих эмоциональных состояний происходит с помощью концептов, относимых к группе эмоциональных концептов. Предметом нашего рассмотрения являются языковые средства объективации эмоциональных концептов «коварство» и «хитрость» в эмоционально-категориальных ситуациях (далее – ЭКС) на материале художественной коммуникации. Под эмоционально-категориальной ситуацией мы понимаем особого рода эмоционально-заряженную ситуацию общения с характерной эмоциональной доминантой, которая определяет коммуникативное поведение партнеров и представляет собой абстрактный инвариант категоризации концепта, фиксирующего данное эмоциональное состояние и его проявления.

Рассматривая концепты «хитрость» и «коварство» как неоднородные ментальные образования, обладающие определенной структурой, смыслы и оттенки которой раскрываются в эмоционально-категориальных ситуациях обще-

ния, мы попытались уточнить их конститутивные признаки через анализ базовых составляющих. Как показал анализ, ядром понятийной составляющей этих концептов является «обман», при этом «коварство» предполагает обман как «злостный умысел». В «хитрости» обман представляет собой «проявление изобретательности». Образное воплощение значений исследуемых концептов можно проследить в ЭКС, представленных в художественной коммуникации.

Как известно, любой художественный текст облигаторно воспроизводит эмоциональную жизнь людей [Толкачева; Шаховский]. В художественных произведениях особенно выразительно прослеживается эмоциональный контакт (фатическая функция эмоций) речевой деятельности участников коммуникации. Причем одна и та же эмоция коммуникантов может эксплицироваться по-разному в зависимости от ситуации общения. Если в реальной коммуникации речевые партнеры непосредственно реализуют эмотивный потенциал используемых ими языковых единиц, то в художественной коммуникации эта реализация воспроизводится одновременно с описанием, передачей типических эмоциональных ситуаций общения.

Однословное определение эмоциональных состояний невозможно, по справедливому суждению С.В. Ионовой, учитывая «динамический характер эмоциональных переживаний, сложное сплетение в них многообразных эмоциональных импульсов» [Ионова, с. 150]. Однако в этом кластере эмоций, как мы предполагаем, именно доминантность конкретного эмоционального состояния определяет специфику коммуникативного поведения человека, начиная от его коммуникативных интенций до выбора соответствующей коммуникативной стратегии.

Каждая реальная ЭКС подвергается типизации в художественной коммуникации, при этом сохраняя свою идентичность, узнаваемость. Разрабатывая алгоритм описания модели ЭКС, мы попытались выделить следующие параметры ЭКС: субъект, объект, мотив, цель, коммуникативную стратегию, языковые средства ее реализации (вербальные / невербальные), результативность (эмоциональную реакцию субъекта / объекта).

При этом подчеркнем, что мы считаем обязательным рассмотрение наряду с вербальными и невербальными средствами, реализуемые в ЭКС. Именно использование невербальных средств общения помогает адекватно интерпретировать эмоциональное состояние партнера, иногда в совершенно противоположном вербализованному варианту значения. В отличие от вербальных языковых средств, которые могут прямо или косвенно выражать эмоции речевых партнеров, невербальные могут носить как контролируемый характер для интенсификации чувств, так и неконтролируемый характер. Это значит, что невербальные средства могут использоваться непреднамеренно, например, *произносить слова с усмешкой, злобно смеясь, смотреть в одну точку жутким взглядом, угрожающе повысить голос* и др. Такие языковые средства служат верификации истинных переживаний субъектов.

Для подробного рассмотрения единиц, объективирующих эмоциональные концепты «коварство» и «хитрость» нами были выделены текстовые фрагменты ЭКС «коварства» и «хитрости» как наиболее частотный вид ситуаций, представленных в произведении «Коварство и любовь», которое уже в своем названии указывает на наличие языковых средств объективации концепта «коварство», выраженных прямо или опосредованно. Однако, как показал анализируемый материал, в рассматриваемых ЭКС также наблюдаются и средства объективации концепта «хитрость». Анализируемые нами концепты тесно взаимосвязаны, так как зачастую их признаки переплетены между собой и могут граничить в зависимости от ЭКС их объективации.

Спецификой исследуемого материала является явное присутствие эмоционального компонента в вербальном и невербальном поведении художественных коммуникативных личностей. Автор, стремясь показать образ персонажей, воспроизводит в художественном тексте типичные сценарии ЭКС «коварства» и «хитрости», в которых реализуется образ хитрого и коварного поведения. Таким образом, наблюдаются определенные эмоциональные следы, связанные с данными концептами.

Анализ языкового воплощения рассматриваемых концептов в мещанской трагедии показал их репрезентацию через а) **номинацию субъекта** (*контрабандист; мошенник; отпетый негодяй; подлец; изверг; змея; тиран; убийца; сатана* и др.); б) **описание внешности и внутреннего мира человека** (например, *чернильная душа; глазки вороватые, мышинные; волосы огненно-рыжие; подбородок вылез вперед; она плутовка, хоть у нее и открытый взгляд* и др.); в) **планирование, обсуждение интенций коварного поведения** (например: *Миллер и его жена говорят о том, что с майором нужно быть повежливее, так как они немало нажились на одних его только подарочках*); г) **средства реализации коварных / хитрых замыслов** (например, *крайняя, отчаянная мера; попытка; яд; ловушка; подкоп* и др.) д) **дескрипцию признаков коварного / хитрого поведения** (например, *притвориться, что душно; подделывать подписи; достигать благополучия ценою гибели другого; вливать смертельный яд; жестоко отомстить; как бы нечаянно выронить письмо; бросить яд в стакан с лимонадом* и др.).

Для выявления особенностей проявления признаков эмоционального концепта «коварство» рассмотрим пример средств объективации коварства в следующей ЭКС, в которой представлен разговор между Президентом и его сыном Фердинандом по поводу того, что Фердинанд хотел построить отношения с Луизой, но его отец категорически против этого:

Президент в ярости мечется по комнате: Отца в смирительный дом! Мать и распутную дочь к позорному столбу! Правосудие найдет выход моему негодованию. За такое поношение я должен жестоко отомстить. Всякая мразь будет расстраивать мои замыслы и безнаказанно натравливать сына на отца? ... Ну, нет, окаянное отродье!

Я утолю свою злобу вашей гибелью, всю вашу семейку – отца, мать, дочь – я принесу в жертву лютой моей мести!

Субъектом данной ЭКС является Президент, объектом – члены семьи Луизы. Мотивом выражения коварных чувств субъекта в данной ситуации, т.е. инициирующее данную ситуацию эмоциональное состояние Президента явилось негодование, возмущение, чувство мщения по отношению к семье за то, что они не препятствовали союзу своей дочери Луизе и Фердинанду: *Правосудие найдет выход моему негодованию. Цель* выражается в намерении Президента отомстить семье Луизы: За такое поношение я должен жестоко отомстить. **Языковые средства**, используемые автором в данном диалоге на уровне лексики, прямо или косвенно транслируют эмоции, переживаемые персонажем, например, употребление инвективов в отношении адресата: *мразь, окаянное отродье, вся ваша семейка*. Автором используется и прямая номинация эмоционального состояния героя: *негодование*. Метафорическое описание коммуникативных интенций «*утолить злобу гибелью, принести в жертву лютой мести*» помогает понять глубину и доминантность эмоции гнева, как движущей силы разработки коварных планов Президента. К **невербальным языковым средствам** можно отнести кинетический компонент коммуникации: *Президент в ярости мечется по комнате*. **Результативность** анализируемой ЭКС определяется готовностью Президента жестоко расправиться с семьей Луизы «*всю вашу семейку – отца, мать, дочь – я принесу в жертву лютой моей мести!*».

В представленном ниже фрагменте ЭКС рассмотрим средства языковой объективации эмоционального концепта «хитрость», в котором Вурм предлагает Президенту заставить Луизу написать любовную записку к третьему лицу:

Вурм (радостно): В таком случае сделайте одолжение, послушайте меня... Господина майора мы возьмем хитростью. Против девушки мы употребим все ваше могущество. Мы продиктуем ей любовную записочку к третьему лицу и записочку эту ухитримся подsunуть майору.

Президент: Чепуха! Кто же это станет сам себе подписывать смертный приговор?

Вурм: Должна будет подписать, если только вы предоставите мне полную свободу действий. Я знаю эту добрую душу как свои пять пальцев. У нее две слабые струнки, и вот на одной из них мы и сыграем.

Объектом анализируемой ЭКС является Луиза, субъектами в данном случае выступают Вурм и Президент. Мотив представлен эмоцией радости Вурма от разработанного им плана, коммуникативная стратегическая цель: обхитрить Луизу и майора. **Вербальными языковыми средствами**, распредмечивающими эмоциональный концепт «хитрость», являются следующие лексические единицы: прямая номинация концепта – *ухитриться подsunуть что-либо, взять хитростью*; использование слов с уменьшительным суффиксом в качестве маркера хитроумного замысла – *продиктовать записочку к третьему лицу; слабые струнки*.

Метафора *сыграть на слабой струнке* выступает как мощное изобразительное средство, в котором «упаковано» значение *найти слабое, уязвимое место и воспользоваться им в своих целях*. **Результативностью** ЭКС является одобрение хитрого плана в отношении объекта – *предоставить полную свободу действий, употребить все могущество*.

Приведенные примеры ЭКС «коварства» и «хитрости» подтверждают выделенные нами дифференцирующие признаки исследуемых концептов. Основными характеристиками проявления коварства в коммуникативном поведении выступают *злодейство, жестокость, предательство, опасность, гибель, жертвы*. В то же время «хитрость» характеризуется такими отличительными показателями, как *сообразительность, мастерство, ум*.

Особо следует, на наш взгляд, отметить используемые автором как средства вербализации анализируемых концептов фразеологические единицы (далее – ФЕ), которые придают особую эмоциональность, выразительность, создавая эмотивную плотность при описании хитрого или коварного поведения художественных персонажей. Так, например, характеризуя проявления коварства в поведении героев, автор использует следующие ФЕ: *лезть из кожи вон; наилучшим образом отплатить; воспользоваться кем-либо как хлопнушкой для мух; вкрасться в сердце; раздавить букашку* и др. Как показало исследование, наиболее частотными ФЕ, при объективации концепта «хитрость» были следующие: *морочить голову; врать с три короба; разыгрывать роль; поддеть на удочку; быть в руках у кого-либо* и др.

Образные характеристики исследуемых концептов, конструируемые через фразеологические единицы в каждой конкретной ЭКС, более насыщены, так как они дополняют, уточняют понятийные и ценностные характеристики этих концептов. Более того, образная составляющая актуализирует личные качества героев, ситуативные признаки, поступки, взаимоотношения героев. Такая специфическая объективация концептов «коварство» и «хитрость» расширяется за счет ассоциативно-смысловых полей в контексте ЭКС. Кроме того, комплекс дополнительных значений позволяет глубже осмыслить идейное содержание произведения «Коварство и любовь», поскольку «весь концепт во всем богатстве своего содержания теоретически может быть выражен только совокупностью средств языка, каждое из которых раскрывает лишь его часть» [Попова, Стернин, с. 38]. Следует учитывать и то, что существующие в сознании человека концепты выражают индивидуальное отношение к миру, а концепты, представленные в художественных произведениях, преломляются сквозь призму авторского мировоззрения.

В нашем случае исследуемые эмоциональные концепты обладают большим количеством номинантов, раскрывающих основные стороны этих концептов. Тем не менее, полагаем, что это еще не все возможные конститутивные смысловые признаки и эмоциональные оттенки исследуемых нами концептов, проявление которых определяется моделируемой художественными средствами ситуацией общения.

Анализ показал взаимосвязь данных концептов: инвариантом коварного и хитрого коммуникативного поведения выступает, на наш взгляд, интенция, направленная на реализацию собственных, чаще корыстных целей. Таким образом, пограничность проявлений хитрости и коварства очевидна. Выделение компонента «жестокость, злодейство» в структуре концепта «коварство» позволяет говорить о градуальности исследуемых эмоциональных концептов, наблюдая возрастание эмоциональных проявлений *от бесхитростного поведения до явного злодейства (коварного зла)*. Это позволяет нам рассматривать анализируемые концепты как компоненты следующей парадигмы: **а) бесхитрость – б) хитрость – в) хитрость-коварство** (как пограничное проявление) – **г) коварство-злодейство**. Полярными компонентами в представленной парадигме являются «бесхитрость», т.е. «простота, наивность» и «злодейство», как «высшая точка проявления коварства». Следовательно, эмоции, сопровождающие данные категории, могут варьироваться в зависимости от ситуации общения. Приведем в качестве иллюстративного примера следующую ЭКС, в которой участник коммуникации Вурм напоминает Президенту о его коварных деяниях по отношению к своему предшественнику:

Вурм: Могу я говорить откровенно?

Президент (садится): Как преступник со своим соучастником.

Вурм: Так вот, прошу меня извинить, но всем своим президентством вы, сколько я понимаю, обязаны своей гибкости, гибкости испытанного царедворца, – почему же вы не проявили ее и как отец? Я помню, с каким невинным видом вы уговаривали вашего предшественника составить партию в пикет и потом, мирно попивая бургонское, сидели у него до полуночи, – а ведь это была та самая ночь, когда готовился взрыв колоссальной мины и бедняге предстояло взлететь на воздух...

Данный пример, на наш взгляд, является ярким подтверждением пограничности хитрости и коварства в коммуникативном поведении, когда художественными средствами раскрывается этот переход от «хитрости» (*уговаривать с невинным видом*) к «коварству-злодейству» (*готовился взрыв колоссальной мины и бедняге предстояло взлететь на воздух*).

Разнообразие стилистических средств, используемых автором, усиливает эмоциональную оценочность концептов «коварство» и «хитрость», дополняя их концептуальные признаки. В рассматриваемом нами произведении Ф. Шиллера широко представлена мощная палитра изобразительных средств, среди которых можно отметить, например, метафоры (*ядовитые стрелы; клинок достаточно остер; выпускать смертоносный яд; порвать железные цепи предрассудков; вкратсья в сердце; раздавить жалкую букашку; согреть змею; поставить кого-либо на колени; носить маску* и др.), гиперболы (*беспримерная подлость; неслыханное коварство / обман, какого еще не видывало человечество; совершать такие дела, какие и не снились умствующему рассудку и на Страшном суде суметь оправдаться лучше, нежели хитроумие всех мудрецов*), эпитеты (*кровожадный; страшный; злоеший; гнойный; чудовищный; гад-*

кий, крайняя, отчаянная (мера); ненасытная (гиена) и др.), оксюморон (быть ангельски добрым в своей суровости; сказать громким шепотом; нежность бывает еще жесточе и самовластней тиранства), аллюзию (по целым дням стеречь, словно Аргус), сравнение (держат кого-либо на собственном мошенничестве, как жука на нитке; как преступник со своим соучастником; этот выдохшийся лимонад – точь-в-точь как твоя душа).

Анализ материала убедительно свидетельствует о частотной представленности и варьировании эмотивных смыслов исследуемых нами эмоциональных концептов «коварство» и «хитрость», что отражает разнообразие их смысловых оттенков, объективируемых в процессе реальной коммуникации.

Отметим, что для различных языковых культур сходным моментом является то, что положительные эмоции выражаются более однообразно и диффузно, чем отрицательные, которые всегда многообразны и конкретны и представляют собой мотивационную основу деятельности человека. Коварное и хитрое состояния – это сложные эмоциональные явления, которым сопутствуют дополнительные отрицательные эмоции, основными из которых являются *эмоции гнева, вражды, злости, мщенья*. Именно эти эмоциональные состояния со стороны субъекта (*эмоции обиды, ревности, зависти, любви, злобы, недовольства*) и адресата (*эмоции беспокойства, неуверенности, нервозности*) мотивируют и определяют коварное или хитрое поведение коммуникативных партнеров. ЭКС «коварства» и «хитрости» – это неотъемлемая составляющая парадигмы коммуникативного взаимодействия индивидуумов, целью которых является перехитрить, ввести в заблуждение, отомстить и пр.

Концепты «коварство» и «хитрость» распределчиваются, приобретая дополнительный смысловой оттенок, в эмоционально-категориальных ситуациях общения. Таким образом, ЭКС является коммуникативным пространством категоризации и объективации эмоциональных концептов.

Литература

Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема : дис... канд. филол. наук. Волгоград, 1998.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике : 3-е изд., стереот. Воронеж, 2003.

Толкачева Т.И. Реализация функционально-семантического поля эмотивности на уровне эмоциональной категориальной ситуации // Изв. ВГПУ. 2007. № 5.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций : монография. М., 2008.

Шиллер Ф. Коварство и любовь : мещанская трагедия /пер. Н. Любимова. М., 1975. [Библиотека всемирной литературы].

УДК 811.13
ББК 81.2

А.С.Земляная

**ИМПЛИЦИТНОСТЬ
КАК КОМПОНЕНТ
ИДИОСТИЛЯ И ФОРМЫ
ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ
ДЖЕЙН ОСТЕН**

Рассматривается понятие имплицитности как категории текста и имплицитные смыслы как ключевой компонент идиостиля и художественной картины мира Джейн Остен. Для анализа прагматической установки имплицитных смыслов, материализованных в тексте посредством языковых единиц, необходимо обозначить лингвистические характеристики текста. Ирония представлена как доминирующий языковой прием в творчестве автора, отмеченный высокой имплицитностью и прагматической маркированностью. Языковые и стилистические средства разных уровней языка рассматриваются в статье как репрезентанты индивидуально-авторской манеры речи, с точки зрения прагматического потенциала имплицитности авторского идиостиля.

Ключевые слова: *имплицитность, имплицитные смыслы, идиостиль, художественная картина мира, прагматическая установка, ирония, языковой прием, стилистические средства.*

Земляная Анна Сергеевна – соискатель кафедры перевода и информатики Педагогического института Южного федерального университета

Тел.: 8-906-18-229-18
E-mail: annzem@yandex.ru

© Земляная А.С., 2012.

В настоящее время особенно-стью развития лингвистики является повышенный интерес к изучению языка как когнитивного инструмента и элемента психической деятельности человека, характерного для конкретного типа сознания и выражающего черты этого сознания. Взаимосуществование эксплицитности и имплицитности знания является основой формирования творческой деятельности человека. Имплицитность в свою очередь является «одной из важнейших информационных категорий текста, наряду со связностью и цельностью», и задействуемые для восприятия и понимания имплицитные смыслы являются «информационно-содержательным пространством текста» [Ермакова, с. 6].

Интерес и сложность имплицитные смыслы вызывают потому, что это та информация, которая не выражена вербально, а является следствием соотношений и связей элементов текста. В английском языкознании понятие имплицитности может быть представлено как «implicature».

«Implicature (an alternative to “implication”, which has additional meanings in logic and informal language) is a technical term in the pragmatics, subfield of linguistics, coined by H. P. Grice, which refers to what is *suggested* in an utterance, even though neither expressed nor *strictly implied* (that is, entailed) by the utterance» [Blackburn, p. 189].

«Имплицитное содержание – это такое содержание, которое, не имея непосредственного выражения, выводится из эксплицитного содержания языковой единицы

в результате его взаимодействия со знаниями получателя текста, в том числе с информацией, черпаемой этим получателем из контекста и ситуации общения». [Федосюк, с. 12]

Вербальная невыраженность требует действий от читателя, заключенных в сопоставлении элементов содержания, в результате чего они обретают смысл и значимость в составе целого текста. Таким образом, явление имплицитности приобретает такие характеристики, как освоение нового знания в процессе последовательной рефлексии читателя по отношению к тексту.

Помимо содержательной стороны, есть и другие свойства художественного текста, благодаря которым он становится продуктивным материалом для исследования имплицитности. Художественный текст несёт в себе эстетическую значимость, воспринимаемую как его многостороннюю зашифрованность и требующую определенной сопоставительно-аналитической мыслительной деятельности со стороны реципиента текста.

Следовательно, для верного восприятия имплицитного содержания в художественном тексте, в свете такой его значимой категории, как цельность, процесс восприятия должен включать как последовательное понимание, так и «чтение между строк». Это помогает дать тексту оценку как цельному объекту, знаку, который может быть сопоставлен с подобными знаковыми объектами других культур и на других языках.

Имплицитные смыслы играют чрезвычайно важную роль в изучении идиостиля автора. Главным источником имплицитных смыслов являются «многочисленные текстовые связи, которыми слово обрастает в составе художественного целого». Так, слова на уровне целого художественного текста реализуют уже определённый «концепт», который и даёт нам возможность рассуждать об особенностях формирования индивидуальной авторской художественной картины мира. [Облачко, с. 6 – 7]

Художественная картина мира писателя – «совокупность смысловых доминант писателя, складывающихся из ведущих мотивов его творчества, эстетических взглядов, нравственных убеждений, преломленных через призму художественного отображения действительности, раскрывающую культурно-исторический контекст эпохи». [Кудряшова, с. 8 – 9]

Эти «смысловые доминанты» [Кудряшова, с. 8 – 9] или «ценностные доминанты» [Карасик, с. 3 – 16] или «многомерный сгусток смысла» [Ляпин, с. 11 – 35] или «некая потенция значения» [Лихачев, с. 74], в своём терминологическом многообразии, являются структурным компонентом художественной картины мира писателя и главным выражением его духовных ценностей. Они находят своё выражение в языке и стиле автора. Это позволяет выделять в произведении национально-культурно-специфическое, индивидуально-языковое-авторское содержание.

Так, к примеру, И.В. Арнольд говорит о том, что имплицитное в художественном тексте может быть представлено информацией как перво-

го (предметно-логического), так и второго (эмоционально-оценочного, функционально-стилистического, экспрессивного) порядков. Продолжая мысль И.В. Арнольд, можно говорить, что особенность художественной имплицитности заключается в том, что она подчинена выражению авторского замысла, т. е. напрямую связана с прагматикой текста. [Арнольд, с. 67 – 74]

Автор, создавая сообщение, преследует этим какую-то цель. Значит, автор может обращаться к использованию имплицитности в передаче информации или выражению своей интенции. Подтверждение этому мы находим в словах Н.А. Левковской о том, что интенция является понятием «до-вербальным» и вербально выражено в тексте через его прагматическую установку. Н.А. Левковская понимает прагматическую установку как «материализованное в тексте осознанное намерение отправителя сообщения, оказать соответствующее воздействие на получателя». (Цит. по: [Дорджиева, с. 8]). Намерение создать определенный текст, т. е. возникший замысел у автора является первым шагом на пути создания прагматики текста. В дальнейшем замысел переходит в интенцию.

И.Р. Гальперин полагает, что прагматическая установка текста, являясь одной из его ключевых характеристик, в значительной мере определяет лингвистические характеристики и является основой отбора языковых единиц. [Гальперин, с. 280] Автор планирует использование имплицитных смыслов для достижения своих целей, используя при этом специальные языковые и стилистические средства. Для целенаправленного прагматического воздействия адресанта на адресата, автор отбирает необходимую форму выражения, для чего использует соответствующий функциональный стиль, жанр, языковые средства, исходя из их информативного и импрессивного потенциала. [Исаева, с. 120 – 123] Соответственно, имплицитные смыслы обращены не только к сознанию посредством концептов, но и к тексту, где они опосредованно выражены.

Изучение имплицитности и её прагматического потенциала, как внутренней составляющей художественного произведения, подразумевает освоение внутреннего мировоззрения автора, передаваемого выразительными средствами. В этом случае мы ведем речь об особом языке художественной литературы, характеризующемся образностью, экспрессивностью и эмоциональностью.

Исследование идиостиля писателя должно включать в себя как изучение его картины мира, внутреннего содержательного элемента, так и базовых составляющих стиля в структуре его художественного языка, внешнего выразительного элемента. Прагматический потенциал текста состоит из прагматического потенциала его компонентов различного уровня. Следовательно, возможно рассматривать идиостиль, как совокупность внутренних содержательных и внешних формальных лингвистических элементов, выделяющих произведения определенного автора и характеризующих авторский способ выражения в языке как

уникально-индивидуальный.

В таком случае идиостиль становится результатом выражения в художественном языке намерения автора, его интенций, воплощения особенностей языковой личности автора. А значит, анализ языковых средств создания и усиления прагматического потенциала имплицитности художественного текста поможет понять, какую роль в воздействии на получателя играет индивидуально-авторская манера речи. Система способов создания образов и их внутреннее составляющее – это один из ключевых элементов индивидуального стиля, ведь «образная система непосредственно связана с эстетико-философской концепцией автора и является наиболее личностным компонентом стиля, индивидуальной манеры писателя». [Тураева, с. 32]

Среди многообразия стилистических и языковых приемов, воплощающих своеобразие индивидуального стиля в творчестве Джейн Остен, особой прагматической маркированностью отмечены те, которые характеризуются высокой имплицитностью.

Основным языковым приемом, с высокой степенью наглядности демонстрирующим механизмы образования имплицитных смыслов в произведениях Джейн Остен, является **ирония**. В основе её лежит имплицитное прагма-коммуникативное знание, которое «служит пониманию поведения... мотиваций, целей, причин и следствий поступков», а также ценностно-прагматическое (знание норм поведения, моральных ценностей, культурных устоев общества). [Ермакова, с. 9 - 10]

Согласно теории речевых актов Дж. Остина, ироническое высказывание является «косвенным речевым актом, иллокутивная цель которого присутствует имплицитно и выводится адресатом благодаря его коммуникативной компетенции». [БЭС, с. 413]

Для произведений Джейн Остен характерно обилие авторской иронии в описании персонажей и происходящих событий. Типология направленности иронии в произведениях Джейн Остен представлена такими темами как «деньги», «любовь», «супружеские и родственные отношения», «женщины»: «*It gave to his intentions whatever of decision was wanting before; and he finally resolved, that it would be absolutely unnecessary, if not highly indecorous, to do more for the widow and children of his father, than such kind of neighbourly acts as his own wife pointed out*». Данные темы являются значимыми для личностного пространства автора и временного пространства жизни писательницы.

Эти темы, сквозь иронию, раскрывают мироощущение и ценностные понятия писательницы, ведь в своих произведениях автор, как правило, берет за основу собственный опыт и чувства, выбирает темы, волнующие его.

Анализируя персонажей романов Джейн Остен, мы отмечаем, что те из них, к которым обращена авторская ирония, являются в той или иной степени непривлекательными героями. Они характеризуются глупостью, жадностью, лицемерием, они не благородны и трусливы.

Опираясь на слова В.П. Беянина о том, что «автор наделяет положи-

тельных персонажей теми качествами, содержание которых ему близко и понятно, в соответствии со своей системой ценностей: представлениями о правильном (норме) и должном (идеале)», можно сделать вывод о том, что ирония используется автором как маркер, как определитель положительного и отрицательного. [Белянин, с. 56] Таким образом, ироничность является авторским оружием высмеивания и борьбы с несимпатичными ей человеческими качествами.

Ирония Джейн Остен конвергентна и выражается различными стилистическими средствами на разных языковых уровнях.

На лексическом уровне прагматический потенциал имплицитности иронических высказываний создают, главным образом, эвфемизмы, диалектные и просторечные вкрапления, эпитеты и прилагательные эмоционального состояния и из области стилистики метафоры, чаще всего гиперболические.

Эвфимизация чаще всего используется автором как вступление в описание персонажей или сцен и подразумевает развитие идеи по ходу текста: «*Mr. John Dashwood had not the strong feelings of the rest of the family; but he was affected by a recommendation of such a nature at such a time, and he promised to do every thing in his power to make them comfortable. His father was rendered easy by such an assurance, and Mr. John Dashwood had then leisure to consider how much there might prudently be in his power to do for them*». Имплицитные смыслы иронических высказываний автор зачастую выражает и эксплицитно по ходу текста, что безусловно усиливает эффект контрастности и подчеркивает присутствия автора и авторского идиостиля на протяжении всего текста: «*He was not an ill-disposed young man, unless to be rather cold hearted and rather selfish is to be ill-disposed: but he was, in general, well respected; for he conducted himself with propriety in the discharge of his ordinary duties*».

Диалектные и просторечные вкрапления указывают на перемену настроения или эмоций героев, что составляет экспрессивный компонент прагматики имплицитности, а также свидетельствует о социальных особенностях культурного и духовного развития и материальной жизни персонажа, что воплощает культурный компонент прагматики авторской имплицитности: «*Nay, my dear, I'm sure I don't pretend to say that there an't. I'm sure there's a vast many smart beaux in Exeter; but you know, how could I tell what smart beaux there might be about Norland; and I was only afraid the Miss Dashwoods might find it dull at Barton, if they had not so many as they used to have. But perhaps you young ladies may not care about the beaux, and had as lief be without them as with them. For my part, I think they are vastly agreeable, provided they dress smart and behave civil. But I can't bear to see them dirty and nasty. Now there's Mr. Rose at Exeter, a prodigious smart young man, quite a beau, clerk to Mr. Simpson, you know, and yet if you do but meet him of a morning, he is not fit to be seen. I suppose your brother was quite a beau, Miss Dashwood, before he married, as he was so rich*»?

Прилагательные эмоционального состояния и эпитеты, безусловно,

совмещают семантический и прагматический аспекты языка. Помимо определенной информации они несут в себе экспрессивный компонент прагматики, делают повествование эмоционально-окрашенным, передают чувства, переживания, эмоциональное состояние говорящего, т. е. способствуют созданию образа героя: «*As the Miss Dashwoods entered the drawing-room of the park the next day, at one door, Mrs. Palmer came running in at the other, looking as **good humoured and merry** as before. She took them all **most affectionately** by the hand, and expressed **great delight** in seeing them again. "I am **so glad** to see you!" said she, seating herself between Elinor and Marianne, "for it is **so bad** a day I was afraid you might not come, which would be a **shocking** thing, as we go away again tomorrow. We must go, for the Westons come to us next week you know. It was quite a **sudden** thing our coming at all, and I knew nothing of it till the carriage was coming to the door, and then Mr. Palmer asked me if I would go with him to Barton. He is **so droll!** He never tells me any thing! I am so sorry we cannot stay longer; however we shall meet again in town very soon, I hope*». Оценивая взаимопроникновение функций сообщения и воздействия использованных прилагательных, можно рассуждать о том, что Джейн Остен имплицитно выражает чрезмерную эмоциональность, сумбуренность и даже назойливость героини.

Метафора также многофункциональна, но в основе её функций лежит определенного рода имплицитное воздействие на реципиента. В художественном тексте метафора обладает своего рода моделирующей функцией, которая зачастую даёт ключ к пониманию целого фрагмента или даже всего произведения.

Одним из наиболее значительных и производящих яркое впечатление способов выражения имплицитной информации в иронии Джейн Остен является гиперболическая метафора.

Метафора гиперболическая, или гипербола метафорическая, основана на гиперболическом преувеличении какого-либо признака или качества. Намеренное гиперболизирование одного из признаков (качества) до абсурдности усиливает экспрессивность высказывания, обостряет восприятие и логическую оценку высказывания адресатом. [Дорджиева, с. 12].

Гиперболическая метафора в своей основе имеет имплицитность, возникающую в результате взаимодействия реальной меры признака и гиперболической меры. Прагматическая ценность имплицитности гиперболической метафоры в произведениях Джейн Остен определяется, главным образом, оценочностью, образностью, экспрессивностью, нацеленными на передачу реципиенту определенной информации, и воздействием, заложенными автором: «*But unfortunately in bestowing these embraces, a pin in her ladyship's head dress slightly scratching the child's neck, produced from this **pattern of gentleness such violent screams**, as could hardly be outdone by any **creature professedly noisy**. The mother's consternation was excessive; but it could not surpass the alarm of the Miss Steeles, and every thing was done by all three, in so **critical an emergency**, which affection could suggest as likely to assuage the **agonies** of the **little sufferer***».

На синтаксическом уровне прагматический потенциал имплицитности иронии в художественных произведениях Джейн Остен представлен ярче всего посредством несобственно-прямой речи, т. е. объединению авторской речи и речи персонажа, в результате чего повествование с точки зрения формы остается авторским, но содержание сказанного передаёт мышление героя.

В несобственно-прямой речи говорит не персонаж, а язык автора вбирает в себя речь и мышление героя, сохраняя при этом все морфологические признаки авторского повествования: «*His pleasure in music, though it amounted not to that ecstatic delight which alone could sympathize with her own, was estimable when contrasted against the horrible insensibility of the others; and she was reasonable enough to allow that a man of five and thirty might well have outlived all acuteness of feeling and every exquisite power of enjoyment. She was perfectly disposed to make every allowance for the colonel's advanced state of life which humanity required*». «... but to the latter (Marianna Dashwood) it was at first incomprehensible; and when its object was understood, she hardly knew whether most to laugh at its absurdity, or censure its impertinence, for she considered it as an unfeeling reflection on the colonel's advanced years, and on his forlorn condition as an old bachelor».

Используя несобственно-прямую речь для передачи слов и мыслей Марианны Дэшвуд, Джейн Остен иронизирует по поводу непроницательности героини, преобладанием чувств над рассудительностью, односторонностью, тем самым раскрывая для читателя её образ. В вышеуказанных фразах четко распознаётся образ мысли, присущий именно Марианне Дэшвуд, это её мысли или фразы, но не автора, несмотря на то, что повествование идёт от третьего лица и в форме авторской речи. Таким же образом, автор использует несобственно-прямую речь для формирования других образов персонажей её романов, а определенный образ становится основой отдельной сюжетной линии и реализует конкретную тему или идею: «*Mrs. John Dashwood did not at all approve of what her husband intended to do for his sisters. To take three thousand pounds from the fortune of their dear little boy would be impoverishing him to the most dreadful degree*». То есть Джейн Остен моделирует восприятие реципиентом имплицитных смыслов своего повествования посредством индивидуально-авторской манеры речеупотребления.

Итак, имплицитные смыслы играют важную роль в системе смыслопостроения Джейн Остен, они оживляют читательский интерес и восприятие, задают направление авторской картины мира Джейн Остен, выявляя наиболее индивидуальные и значимые области идиостиля автора. Индивидуальный стиль писательницы может быть представлен как имплицитно-эксплицитный, что обусловлено особенностью мировоззрения автора. Имплицитность, ярче всего представленная в творчестве Джейн Остен посредством иронии, является одним из ключевых компонентов идиостиля автора и находит своё выражение в различных языковых средствах на разных уровнях языка.

Литература

- Арнольд И.В.* Теоретические основы стилистики декодирования // Стилистика романо-германских языков. Л., 1972.
- Балашов С.Н.* Взаимодействие когнитивных карт коммуникантов в ироническом дискурсе // Общетеоретические и научно-практические проблемы лингвистики и лингводидактики. Екатеринбург, 2006.
- Белянин В. П.* Основы психолингвистической диагностики. М., 2000.
- Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров: 2-е изд., перераб. и доп. М.; СПб., 2000.
- Воробьёва К.А.* Линвокультурологические и психолингвистические аспекты восприятия иронии в художественном произведении : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008.
- Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 2004.
- Дорджиева Е.В.* Языковые средства создания прагматического потенциала английского художественного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2005.
- Ермакова Е.В.* Имплицитность в художественном тексте (на материале англоязычной и русскоязычной прозы психологического и фантастического реализма). Саратов, 2010.
- Исаева Л.А.* Виды скрытых смыслов и способы их представления в художественном тексте : дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1996.
- Карасик В.И.* О категориях линвокультурологии // Языковая личность: проблемы линвокультурологии и функциональной семантики? сб. науч. тр. Волгоград, 2001.
- Кудряшова О.М.* Художественное воплощение концепта «гордость» в романах Джейн Остен: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2007.
- Лихачев Д.С.* Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8.
- Лятин С.Х.* Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды. Архангельск, 1997. Вып. 1.
- Облачко И.Ю.* Скрытые смыслы как компонент идиостиля С. Рушди и способы их представления : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005.
- Тураева З.Я.* Лингвистика текста (Текст: структура и семантика). М., 1986.
- Федосюк М.Ю.* Неявные способы передачи информации в тексте : учеб. пособие по спецкурсу. М., 1988.
- Austen Jane.* Sense and Sensibility. Moscow, 2004.
- Blackburn* [Электронный ресурс]. //Wikipedia. Электрон. дан. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Implication> (дата обращения: 3 апр. 2012).
- Page N.* The Language of Jane Austen. Oxford, 1972.
- Brooke Ch.* Jane Austen: Illusion and Reality. L., 1999.

УДК 811.111'38
ББК 81.2 Англ.

А.Г. Козлова

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ В ПОЭЗИИ ДЖОНА АПДАЙКА

Статья посвящена исследованию и анализу такой яркой стилистической фигуры, как персонификация, применяемой в поэзии известного американского литератора XX в. Джона Апдайка. Приводятся примеры её использования в различных контекстах, выявляются её трансцендентный, субъективный, концептуализированный, когнитивный, развёрнутый, номинативно-перифрастический типы; экспрессивная, субъективизирующая, интенсифицирующая, драматизирующая функции, отличительные особенности и закономерности употребления. Исследуются случаи её слияния с другими тропами: метафорой, метонимией, сравнением, эпитетом, гротеском, перифразой, оксюмором.

Ключевые слова. *Джон Апдайк, поэзия, стилистика, персонификация, стилистические фигуры и приёмы.*

Козлова Анастасия Геннадиевна – аспирант кафедры романо-германских языков Столичного института иностранных языков

Тел.: 8-916-944-04-24

E-mail: a1g1k@yahoo.com

© Козлова А.Г., 2012.

Поэзия Джона Апдайка является, в отличие от его прозы, малоизученной и представляет особый интерес со стилистической точки зрения благодаря своей оригинальности и нестандартности, достигаемой посредством широкого использования в ней различных тропов и фигур. Среди них заметное место занимает представленная несколькими разновидностями персонификация, которая находит в его поэтическом творчестве разнообразное выражение [Hamilton A., Hamilton K.] и может сочетаться с другими стилистическими средствами, приёмами и фигурами речи.

Олицетворяться у поэта могут всевозможные предметы и явления, что свидетельствует о яркой экспрессивно-субъективизирующей роли персонификации в его поэзии [Bellis]. С помощью её применения в сочетании с метонимией произведения, созданные композиторами, художниками и писателями, одушевляются и становятся воплощением духа своего создателя. Поэту кажется, что Моцарт, Бах, Скарлатти, Гендель, Брамс «превращаются в ангелов, приобретают вечную жизнь и, освещая нас сверху, напоминают нам о том, что существует иной мир»:

*They are above us all the time,
the good gentlemen, Mozart and
Bach,
Scarlatti and Handel and Brahms,
lavishing measures of light down upon
us,
telling us, over and over, there is a
realm
above this plane of silent compromise.
("The Angels")*

Трансцендентная персонификация у американского автора при-

обретает заметные элементы гротеска, размывая, таким образом, границы между реальным и вымышленным, прошлым и настоящим, жизнью и смертью [Greiner]. Матисс, Вермеер, Сезанн и Пьеро, которых он называет «старыми пророками», «окружают нас повсюду, приветствуют нас эхом в туннелях метро, появляются, как зимние цветы, на открытках, приклеенных к белым кухонным стенам, и ожидают нас в тёмных галереях, шепча, что контуры цвета врут нам, как безобидная трава»:

*They are around us everywhere, the old seers,
Matisse and Vermeer, Cézanne and Piero,
greeting us echoing in subway tunnels,
springing like winter flowers from postcards
Scotch-taped to white kitchen walls,
waiting larger than life in shadowy galleries
to whisper that edges of color
lie all about us innocent as grass (Ibid.)*

Библия и приобретающие собственную жизнь произведения Шекспира, Толстого, Пруста, Сервантеса, гротескно именуемые писателем «шахтами честности, от которых нам удалось уйти с усилившимися подозрениями», находятся рядом с нами, «горя в памяти, как протекающие дверцы горна»:

*They are behind us, beneath us,
the abysmal books, Shakespeare and Tolstoy,
the Bible and Proust and Cervantes,
burning in memory like leaky furnace doors,
minepits of honesty from which we escaped
with dilated suspicions. (Ibid.)*

К великим творцам поэт обращается, перифрастически именуя их «мёртвыми престолами¹», прося «петь нам на ночь, открыть нам глаза, утешить страхом наши смертные дни», сочетая, таким образом, трансцендентную персонификацию с оксюмором:

*Love us, dead thrones:
sing us to sleep, awaken our eyes,
comfort with terror mortal afternoons. (Ibid.)*

Одна из специфических черт его поэзии находит своё воплощение в интенсифицированной драматизации нарративно-дескриптивного языка, достигаемой благодаря сочетанию неожиданных и непредсказуемых персонификаций с метафорами и гротеском [Schift]. Лирическому герою представляется, что он увидел «лицо смерти» в морской пучине, «скидывающей своё извечное бремя»:

*I saw death's face
in that mass absorbed
in shuffling off its timeless weight... ("Bath After Sailing")*

В апдайковской поэзии чётко прослеживается концептуализирующая роль персонификации, посредством которой автор создаёт свою

собственную картину мира, отражающую особенности его мышления и мировоззрения [Newman]. У него часто олицетворяются и приобретают человеческие качества и характеристики различные силы природы: морские волны видятся ему «бессердечными», а цвет моря, кажущегося «зелёным дёгтем», – «безрадостным», где персонификации сливаются с эпитетами:

*I can't stop seeing the heartless waves
the mirthless color of green tar
sliding on themselves like ball-bearings,
deep and opaque... (Ibid.)*

Характерной особенностью его поэтического творчества является применение им развёрнутых концептуализированных персонификаций, придающих олицетворяемым образам новые грани и измерения [Mc Naughton]. Автор благодарит «Бога деревьев и ветра», имеющего «подвижное смоляно-зелёное лицо», за своё «мнимое спасение»:

*I thank you, God of trees and air,
whose steeples testify
to something steady slipped by chance
upon Your tar-green sliding face,
for this my mock survival (Ibid.)*

Особый тип субмерсивной персонификации используется в поэзии Апдайка по отношению к животным, в которых он видит много общего с людьми и судьбе которых он глубоко сочувствует. На сельскохозяйственной ярмарке «индюшка с серёжкой, кролик с розовыми ушами и призовой вол, стоящий смиренно в своём стойле», кажутся поэту неожиданно грустными:

*Animals seem so sad to be themselves –
the turkey a turkey even to his wattle,
the rabbit with his pink, distinctly, eyes,
the prize steer humble in his stall. ("Topfield Fair")*

Писатель задаётся придающими особую экспрессивность риторическими вопросами о том, что думают зобастые голуби, «имеющие форму пышных дамских шляп, дёргаясь и пристально смотря в проходы между клетками», и что говорит про себя «молчаливая кроткая» обезьяна:

*What are they thinking, the pouter pigeons,
shaped like opulent ladies' hats,
jerking and staring in aisles of cages;
what does the mute meek monkey say? (Ibid.)*

Изображая с помощью драматизирующей субмерсивной персонификации животных нашими смертными собратьями, автор испытывает к ним особую жалость. Ему больно видеть то, как обладающих душой животных пытаются превратить в «накаченных химическими элементами роботов, выполняющих набор строго определённых команд», и как

люди решают, когда конкретные виды и особи «выйдут из моды»:

*Our hearts go out to them, then stop:
our fellows in mortality, like us
stiff-thrust into marvellous machines
tight-packed with chemical commands...
... stuck like stamps in species, go out of date (Ibid.)*

В поэзии Апдайка развёрнутая когнитивная персонификация служит для него средством создания специфической картины мира, определяет идейное содержание его творчества и зачастую приобретает сказочные и фантастические элементы, что кардинальным образом выделяет его из ряда поэтов-современников [Bloom]. В некоторых случаях данный стилистический приём находит в стихах американского поэта графическое выражение посредством использования заглавных букв по отношению к неодушевлённым нарицательным именам существительным, обладающим научной семантикой. В представлении писателя все стихии: Земля и Вода, Воздух и Огонь, которые у него концептуально олицетворяются и пишутся как имена собственные, являются персонифицирующимися Атомами:

*All things are Atoms: Earth and Water, Air
And Fire... ("The Dance of Solids")*

Швейцарский физик Парацельс ², как кажется автору, наблюдал из своей алхимической «берлоги» за тем, как неожиданно олицетворяющиеся и «вдруг оживающие в сознании» Сера, Соль и Ртуть вступают в реакции «на фоне тысячелетних надежд создания Золота»:

*Swiss Paracelsus, in's alchemic lair,
Saw Sulphur, Salt, and Mercury unfold
Amid Millennial hopes of faking Gold (Ibid.)*

Поэт считает, что Лавуазье ³ «сверг с трона» Флогистон ⁴, затем Молекулярный Анализ «совершил смелые нападения на газы»: Водород «стоял раздетым» перед ослеплёнными Учёными Мужами», создавая, таким образом, благодаря концептуализированной персонификации аллегорическую картину мира химических элементов:

*Lavoisier dethroned Phlogiston; then
Molecular Analysis made bold
Forays into the gases: Hydrogen
Stood naked in the dazzled sight
of Learned Men. (Ibid.)*

В поэтическом творчестве Апдайка непредсказуемо олицетворяющиеся физические тела и химические вещества образуют «Королевство Твёрдых Тел», которое «сохраняло свои «грубо спрятанные волокна Микроструктуры до тех пор, пока дифракция рентгеновских лучей не пронзила Кристалльные Грани, приютившие обретающий собственную жизнь головокружительный Танец, «натянутую» Кадриль, в которой

Атомы Кремния и Углерода соединят четырёхзначные Валентности «рука об руку» с обычными Ионами и Редкоземельными Элементами чтобы заполнить решётки Материи, Соли или Песка множеством крошечных магнитов»:

*The Solid State, however, kept its grains
Of Microstructure coarsely veiled until
X-ray diffraction pierced the Crystal Planes
That roofed the giddy Dance, the taut Quadrille
Where Silicon and Carbon Atoms will
Link Valencies, four-figured, hand in hand
With common Ions and Rare Earths to fill
The lattices of Matter, Salt or Sand,
With tiny Excitations, quantitatively grand. (Ibid.)*

С помощью субъективизированной перифрастической персонификации в сочетании с метафорой и гротеском автор называет Металлы «блестящими Монархами населяемой ими Пещеры» и обосновывает их ковкость, проводимость и непроницаемость тем, что «каждый Атом щедро предоставил свои собственные Электроны в общую Копилку, или Фонд, который действует как Залог»:

*The Metals, lustrous Monarchs of the Cave,
Are ductile and conductive and opaque
Because each Atom generously gave
Its own Electrons to a mutual Stake,
A Pool that acts as Bond. (Ibid.)*

Керамику он перифрастически именуется «запачканной Королевой Искусств, сначала являвшейся обычным Камнем», усиливая, тем самым, экспрессивность и яркость создаваемых образов. А Полевой Шпат, как ему кажется, «предоставил сырую Глину», и Рубины, Фарфор и Кварц «появились на свет»:

*Ceramic, muddy Queen of Human Arts,
First served as simple Stone. Feldspar supplied
Crude Clay; and Rubies, Porcelain, and Quartz
Came each to light. (Ibid.)*

Оксид Алюминия в его представлении эпитомизирует «близкого ионного соратника Кислорода», где номинативно переплетаются друг с другом персонификация, метафора и эпитет. Керамика, уподобляемая Императрице, «вынослива, пориста, хрупка и непокорна», что, благодаря использованию антитезы, в сочетании с когнитивной персонификацией и сравнением, свидетельствует о её противоречивой и неоднозначной сущности:

*Aluminum Oxide
Is typical – a Metal close-allied
With Oxygen ionically;... Empresslike, Ceramics tend to be
Resistant, porous, brittle, and refractory. (Ibid.)*

Персонифицированный аллегорический образ «Принца Стекла, сына Керамики», несмотря на «хрустальную чистоту», как кажется поэту, не обладает должной proverbial мудростью:

*Prince Glass, Ceramic's son, though crystal-clear,
Is no wise crystalline (Ibid.)*

Ковалентные Соединения поэт номинативно-перифрастически именует «зачинщиками беспорядка, предпочитающими состояние продолжительной Текучести и распространяющими свободные сетки, через которые проскальзывают Протоны», где персонификация сливается с эпитетом в одном тропе:... the Disorderer

*Being Covalent Bondings that prefer
Prolonged Viscosity and spread loose nets
Photons slip through (Ibid.)*

Метафоризированно-персонифицированный «полный жизни» обычный Полимер «наслаждается Стеклянным состоянием», но, остывая, «забывает уменьшаться и затуманивается в тесных Менуэтах»:

*The average Polymer
Enjoys a Glassy state, but cools, forgets
To slump, and clouds in closely patterned Minuets (Ibid.)*

Эти олицетворяемые Полимеры, которые писатель называет, совмещая концептуализированные персонификации с эпитетами и сравнениями, «гигантскими Молекулами, такими как Крахмал и Полиоксиметилен», «наполняют, как протеиновые Крепостные и пластиковые Дураки, это Королевство Твёрдых тел Эссенцией Жизни»:

*The Polymers, those giant Molecules,
Like Starch and Polyoxymethylene,
Flesh out, as protein Serfs and plastic Fools,
This Kingdom with Life's Stuff (Ibid.)*

В «давшей трещину дислоцированной Реальности», согласно автору, «господствуют Бертоллиды»⁵. «Бродячие Атомы пачкаются и опадают в осадок; странные дыры, экситоны⁶ свободно бродят; из-за Качающихся Связей химический Субстрат⁷ подвергается коррозии и действует как катализатор; Трещины на поверхности помогают Эпитаксиальному⁸ Росту закрепить «адсорбтивные⁹ когти», где когнитивная персонификация соединяется с эпитетом и метафорой, субъективизируя и драматизируя, таким образом, обычный химический процесс:

*Within the cracked and dislocated Real
Nonstoichiometric Crystals dominante.
Stray Atoms sully and precipitate;
Strange holes, excitons, wander loose; because
Of Dangling Bonds, a chemical Substrate
Corrodes and catalyzes – surface Flaws
Help Epitaxial Growth to fix adsorptive claws (Ibid.)*

При анализе персонификации в поэтическом творчестве Джона Апдайка становится очевидно, что она представлена трансцендентной, субмерсивной, развёрнутой, номинативно-перифрастической, концептуализированной и когнитивной разновидностями; выполняет экспрессивную, субъективизирующую, интенсифицирующую и драматизирующую функции; может неожиданно сливаться с другими тропами и фигурами: гротеском, перифразой, метафорой, метонимией, сравнением, эпитетом, антитезой, оксюморонам, аллегорией; и находит своё выражение благодаря применению лексических единиц с ярко выраженной одушевлённой семантикой не только по отношению к животным, неодушевлённым предметам, а также специальным научным терминам, понятиям и процессам, но и посредством риторических вопросов, обращений и графического выражения на письме с помощью использования заглавных букв, что является неотъемлемой частью поэтического стиля лауреата Пулитцеровской премии. Разнообразные примеры употребления данного стилистического приёма в непредсказуемых контекстах наглядно доказывают её широкую распространённость и ключевую роль в творчестве одного из наиболее известных американских литературных деятелей нашего времени.

Примечания

¹ Престолы – (греч. θρόνοι), в христианских представлениях один из девяти чинов ангельских. Упомянуты в Новом завете (Кол. 1, 16). По классификации Псевдо-Дионисия Ареопагита (5 – нач. 6 вв.) – третий чин, составляющий вместе с серафимами и херувимами первую триаду.

² Парацельс (Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенхайм, 1493-1541) – знаменитый алхимик, врач, оккультист.

³ Антуан Лоран Лавуазье (1743 – 1794) – французский химик, один из основоположников современной химии.

⁴ Флогистон – как полагали алхимики, «огненная субстанция», якобы наполняющая все горючие вещества и высвобождающаяся из них при горении.

⁵ Бертоллиды – химические соединения переменного состава, не подчиняющиеся законам постоянных и кратных отношений.

⁶ Экситон – водородоподобная квазичастица, представляющая собой электронное возбуждение в диэлектрике или полупроводнике, мигрирующее по кристаллу и не связанное с переносом электрического заряда и массы.

⁷ Субстрат – основа материала, поверхность которого подвергается различным видам обработки, в результате чего образуются слои с новыми свойствами или наращивается плёнка другого материала.

⁸ Эпитаксия – закономерное нарастание одного кристаллического материала на другой.

⁹ Адсорбция – процесс изменения концентрации у поверхности раздела двух фаз; повышение концентрации одного вещества (газа, жидкости) у поверхности другого вещества (жидкости, твердого тела).

Литература

Bloom H. Modern Critical Views of John Updike. Chelsea House. New York,

1987.

Bellis J., de. The John Updike Encyclopedia. Greenwood Press. Santa Barbara, California, 2001.

Greiner D. Don De Lillo, John Updike, and the Sustaining Power of Myth. Ohio University of Delaware Press. Newark, Delaware, 2002.

Hamilton, A., Hamilton K. The Elements of John Updike. William B. Eerdmans. Grand Rapids, Michigan, 1970.

McNaughton W. R. Critical Essays on John Updike. GK Hall. Boston, 1982.

Newman J. John Updike. Macmillan. London, 1988.

Schiff J. A. United States Author Series: John Updike Revisited. Twayne Publishers. Woodbridge, Connecticut, 1998.

Updike J. Collected Poems: 1953 – 1993. Knopf, 1995. // «Bath After Sailing»; «The Angels»; «The Dance of the Solids»; «Topsfield Fair».

УДК 81'367
ББК 81.2-2

И.В. Котельникова

**НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ
РЕЧЬ КАК ФОРМА
КОММУНИКАТИВНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
АВТОРА, ПЕРСОНАЖА
И ЧИТАТЕЛЯ**

Исследуются особенности авторской репрезентации мыслей персонажа в аспекте самых разнообразных перспектив, в том числе с точки зрения позиции самого автора. Текст несобственно-прямой речи оказывается релевантным для читателя в том смысле, что порождает чувство взаимности с персонажем, посредником которого выступает автор. Данный тип речи также предоставляет автору возможность косвенно сообщать собственное отношение к персонажу, мысли которого репрезентируются. Коммуникативная структура несобственно-прямой речи наслаивается, накладывается на формально-синтаксическую структуру, т.е. является по отношению к ней поверхностной, актуализующей образы говорящих субъектов, которые непосредственно взаимодействуют с читателем, воспринимающим текст.

Ключевые слова: *несобственно-прямая речь, автор, персонаж, читатель, точка зрения.*

Котельникова Инна Владимировна – соискатель кафедры русского языка и теории языка Педагогического института Южного федерального университета

Тел.: 8-928-226-38-20
E-mail: inna1310@inbox.ru

© Котельникова И.В., 2012.

При изучении художественного текста в современной лингвистике активно используется понятие полифонии, введенное в научный обиход М.М. Бахтиным [Амвросова; Валентинова; Колобаев]. Общеизвестным является факт, что на уровне отдельного художественного высказывания обнаруживается несколько «голосов», хотя не все из них в равной степени идентифицируются с реальным или вымышленным лицом. В рамках одного и того же высказывания говорящий субъект и физическое лицо не всегда совпадают, т.е. не манифестируют одно лицо. Эта идея приобретает первостепенное значение в аспекте изучения презентации речи и мыслей на уровне художественного текста, в частности, в прямом, косвенном и несобственно-прямом дискурсе.

С точки зрения персонажа несобственно-прямая речь – спонтанный дискурс, на что указывают следующие ее характеристики:

1) гетерогенность тем: персонаж излагает события, переходя от одной темы к другой, что связано для него с важностью одних событий и незначительностью других или хаотической манерой мышления;

2) эксплицитность текста в плане персонажа, который является главным участником всех излагаемых событий, не только описывает данные события, но и выражает свое отношение к объективной реальности, оценивая себя и других.

С точки зрения писателя несобственно-прямая речь – процесс запланированный. По отношению к своим персонажам автор занимает либо позицию отождест-

вления, либо принимает на себя роль бесстрастного наблюдателя «со стороны», либо открыто отграничивает себя от описанных через личностную призму своих персонажей событий, считая последних не способными объяснить тот сегмент реальной действительности, который ограничен пространственно-временными осями текста [Диброва]. Но в любом случае несобственно-прямая речь конструируется как сфера взаимодействия плана автора и плана персонажа, диалектически сочетающего в себе авторское субъективное и реально-объективное начала, т.е. как то, из чего читатели «...делают достаточно разумные умозаключения» [Кубрякова].

В процессе постижения несобственно-прямой речи получатель текста априорно избирает следующую читательскую стратегию: художественные высказывания порождаются не вымышленным персонажем, а реальным автором, который репрезентирует когнитивное сознание персонажа, отражаемое в данных высказываниях. Как показали Д. Спербер и Д. Вильсон, высказывания, которые используются для представления мыслей другого человека, не следует воспринимать в качестве буквальной репродукции речевой деятельности этого человека [Sperber, Wilson]. Исходные характеристики, которыми автор наделяет своего персонажа, являются априорно произвольными, объективно зависящими от темы произведения, его жанра. Благодаря сочетанию объективного и субъективного начал персонаж является продуктом как субъективного авторского вымысла, так и проводником достоверности изображаемого. Он представляет собой типизированную индивидуальность, одновременно обусловленную как авторским видением объективной реальности, так и прагматическими требованиями жанрового типа порождаемого текста как «данности, внеположенной сознанию» [Fludernik]. Для достижения коммуникативной цели автор избирает размышляющего «объективного» персонажа, который наделяется «субъективной» прагматической функцией. Фактически, в лингвистике утверждается, что на уровне несобственно-прямой речи языковые свидетельства, обеспечиваемые автором для языкового выражения мыслей персонажей, не могут рассматриваться в качестве дословной репрезентации действенных высказываний, речи или мыслей последних [Fludernik].

В связи с этим несобственно-прямая речь понимается как репрезентация мыслей в таком виде, в котором персонаж гипотетически выразил бы эти мысли [Dillon]. Анализируемая разновидность речи предстает, следовательно, повествовательной иллюзией, моделируемой посредством использования разнообразных лингвистических форм и конструкций, которые характеризуют и прямую речь. В научной литературе, посвященной проблемам несобственно-прямой речи, исследовательское внимание сосредоточивается на таких выражениях и конструкциях, которые непосредственно выявляют образ говорящего субъекта (как автора, так и персонажа) [Труфанова]. Эти выражения и конструкции моделируют языковой образ говорящего субъекта в том смысле, что они характеризуют его.

Например, экспрессивная словоформа в приводимых ниже примере (1) и повтор в примере (2) характеризуют речь не автора текста, а персонажа, чьи мысли непосредственно репрезентируются в высказывании. Указанные языковые средства способны развивать авторские смыслы не только в рамках одного высказывания (минимального фрагмента несобственно-прямой речи), но и в рамках фрагмента речи. В этом случае говорится о их способности выполнять организующую роль в семантическом сцеплении текста несобственно-прямой речи. Ср.: (1) «*He would go to Clarissa's party, because he wanted to ask Richard what they were doing in India – the conservative **duffers**.*» [Woolf]; (2) «*The lovely food that the man had trimmed was all thrown about? And there were bones and bits of fruit peel and shells everywhere. There was even a bottle lying down with stuff coming out of it on to the cloth and nobody stood it up again. And the little pink house with the snow roof and the green window was **broken – broken – half melted away in the centre of the table.***» [Mansfield]

Поскольку в свете обозначенной выше теории приведенные высказывания характеризуют языковые образы говорящих персонажей, читатель в процессе постижения текста идентифицирует этих персонажей как непосредственных повествователей. Говорящий персонаж не всегда оказывается задействованным в коммуникативном процессе: он может находиться в состоянии размышлений, которые озвучиваются автором произведения. Даже в том случае, когда персонаж самостоятельно озвучивает свои мысли в акте коммуникации, автор представляет эту коммуникативную деятельность таким образом, что читатель не является адресатом высказываний. Акт коммуникации конструируется так, что читатель «слышит» речь персонажа «со стороны», как бы подслушивает речь персонажа.

В результате читатель в процессе переработки несобственно-прямой речи прилагает когнитивные усилия, аналогичные тем, которые он проявляет для интерпретации любого коммуникативного акта. Читатель принимает соответствующие контекстуальные допущения для интерпретации пропозиции высказываний персонажа и понимания их уместности в рамках постигаемого текста.

Например, в процессе интерпретации отрывка (3) читатель актуализует свои пресуппозиционные знания о Букингемском дворце (т.е. то, что это официальная лондонская резиденция британских монархов). С учетом данных знаний читатель достигает адекватного понимания мыслей персонажа: (3) «*As for Buckingham Palace (like an old prima donna facing the audience all in white) you can't deny it a certain dignity, he considered, nor despise what it does, after all, stand to millions of people (a little crowd was waiting at the gate to see the King drive out) for a symbol, absurd though it is.*» [Woolf].

Несобственно-прямая речь также включает в себя конструкции и выражения, которые, не являясь концептуальными конститuentами порождаемой персонажем мысли, служат языковыми средствами авторского программирования впечатления о состоянии сознания размыш-

ляющего персонажа. В частности, прилагательные с экспрессивными значениями, эпитеты и восклицания не кодируют концепт, а используются в функции выявления коммуникативной перспективы порождения высказывания и таким образом определяют, в каком ключе должны восприниматься читателем данные и последующие высказывания. Так, в примере (4) повтор экспрессивных словоформ предопределяет перспективу, исходя из которой, читатель призван понять высказывание *he might have known all the time*: (4) «*On the day bed Hugh wrestled with his cigar. God almighty. Good God all blistering mighty. He might have known all the time*» [Lowry].

Другими словами, повтор экспрессивных словоформ, на основе которого извлекается дополнительное явно не выраженное знание, задействуется читателем в процессе интерпретации высказывания. Аналогичным образом, читательская интерпретация отрывка (2) предполагает признание того, что повтор предстает своеобразным стимулом «расширения» контекста высказывания, на основе которого извлекаются неявные смыслы относительно состояния персонажа. Читателю, однако, не предоставляется определенной информации о том, каким способом «расширяется» контекст высказывания.

С. Эрлих указывает, что несобственно-прямая речь характеризуется внезапной сменой топика [Ehrlich], которые не всегда предстают релевантными в плане оптимальной читательской интерпретации текста. В частности, автор может репрезентировать мысли персонажа как логически незавершенные, как отдельные «обрывки» мыслительной деятельности. Ср.: (5) «*Yet in the Earthly Paradise, what had he done? He had made few friends. He had acquired a Mexican mistress with whom he quarreled, numerous beautiful Mayan idols he would be unable to take out of the country, and he had – M. Lauelle wondered if it was going to rain: it sometimes, though rarely, did at this time of the year, as last year, for instance when it rained when it should not.*» [Lowry]. Автор изображает мыслительную деятельность персонажа как спонтанный процесс: незавершенная мысль внезапно сменяется другой мыслью. Подобный способ изображения носит намеренный характер, подчиняется принципу уместности и нацелен на то, что читатель извлечет из этого дополнительную информацию (в частности, об эмоциональном состоянии персонажа).

План содержания несобственно-прямой речи имеет собственную организацию, которая далеко не всегда коррелирует с его формальной организацией, поскольку не во всех случаях имеет формальную и материальную выраженность. Автор, актуализуя в повествовании несобственно-прямую речь, таким образом, предполагает, что читатель, исходя из языковых характеристик и контекста высказывания, дешифрует неявно выраженную информацию, приложит для этого оптимальные когнитивные усилия. Естественно, что подобная коммуникативная интенция принадлежит автору, а не персонажу. Анализ образа персонажа предполагает, следовательно, анализ образа автора.

Образ персонажа, отражаемый в несобственно-прямой речи, соответствует авторским внутритекстовым правилам конструирования «внутреннего» ценностного кода, структурирующим речь по парадигматической и синтагматической осям художественных координат, т.е. является прагматической формой присутствия образа автора в тексте, хотя и обладает определенной независимостью как от авторского видения мира, так и от оценки читателями. Как пишет С. Эрлих, между читателем и речью и мыслями персонажа всегда обнаруживается посредник, присутствие которого проявляется в формальных характеристиках несобственно-прямого дискурса [Ehrlich].

Взаимопонимание участников художественной коммуникации становится не только целью моделирования несобственно-прямой речи, но и ее наличия в тексте произведения. В связи с этим, как представляется, при моделировании образа персонажа, которому приписывается несобственно-прямая речь, следует учитывать связующие звенья на текстопорождающей оси «автор – читатель», функция которых заключается в поддержании субъективной «окрашенности» дискурса персонажа посредством намеренного нарушения привычных механизмов восприятия объективной реальности.

Данные механизмы служат средством субъективации несобственно-прямой речи, конструируют ее «событийную стартовую площадку», с которой посредством формальных показателей «запускаются» авторские смыслы. Чувство взаимности, порождаемое автором, проецируется на диалог между читателем и персонажем, сознание которого репрезентируется в несобственно-прямой речи. Другими словами, образ автора – скрытая лингвистическая категория текста, выявляемая посредством анализа языковых средств, с помощью которых автор (как филологическая категория) достигает поставленной цели и которые характеризуют только ему присущий творческий «почерк».

В связи с этим в лингвистике обсуждается проблема о формах присутствия автора в несобственно-прямой речи. Исследователи задаются следующими вопросами:

1. Почему читатель вообще призван обращать внимание на лингвистические характеристики несобственно-прямой речи?

Ответ на этот вопрос находится в плоскости того, что М. Флудерник описывает как «образ повествователя в функции производителя нарратива, парящего на горизонте читательского сознания» [Fludernik]. В этом отношении автор текста несет ответственность за художественное «вскрытие» сознания персонажа, обеспечение гарантии того, что читательские усилия по интерпретации несобственно-прямой речи будут «вознаграждены» соответствующим эффектом;

2. Чей голос «слышит» читатель в процессе постижения несобственно-прямой речи или с точки зрения чьей перспективы должна интерпретироваться несобственно-прямая речь?

Ответ на этот вопрос находится в плоскости того, что Д. Спербер и Д. Вильсон формулируют как «взаимное когнитивное окружение»

автора и читателя [Sperber, Wilson], которое предопределяет результаты читательской интерпретации текста. В тексте несобственно-прямой речи нет говорящего в том смысле, что взаимность достигается не между читателем и автором как продуцентом текста, а между читателем и персонажем. А поэтому между автором как источником гарантии оптимальной уместности всех языковых средств и «голосом», звучащим в несобственно-прямой речи, обнаруживается логическое несоответствие.

Прагматическая отмеченность категории образа персонажа, определенным образом влияющая на структурообразующие текстовые функции, непосредственно связана со стилистикой текста несобственно-прямой речи. Контраст между планами автора и персонажа проявляется в максимальной противоположности интенций автора и персонажа. На уровне персонажа текст несобственно-прямой речи максимально эксплицитен, на авторском уровне обнаруживается имплицитность речи. Эксплицитность текста несобственно-прямой речи в плане персонажа проявляется прежде всего в соотношении дескриптивного и оценочного аспектов речи. Преобладание оценочного аспекта наблюдается в семантико-прагматической структуре высказываний, большинство которых экспрессивны (ср., например, отрывки (1), (2), (4)).

Литература

Амеросова С.В. Языковые средства полифонии в художественном тексте (на материале английских романов XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.

Бахтин М.М. Фрейдиизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. М., 2000.

Валентинова О.И. Семантическая структура полифонического слова и тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Диброва Е.И. Пространство текста // Категоризация мира : пространство и время. М., 1997.

Колобаев П.А. Повествовательная полифония и средства ее создания в русской литературе : автореф. ... дис. канд. филол. наук. Липецк, 2010.

Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст, структура и семантика. М., 2001.

Труфанова И.В. Прагматика несобственно-прямой речи : дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2001.

Dillon G., Kirchoff F. On the Form and Function of Free Indirect Style // A Journal for Descriptive Poetics and Theory of Literature. 1976. № 1.

Ehrlich S. Point of View: A Linguistic Analysis of Literary Style. L., 1990.

Fludernik M. The Functions of Language and the Languages of Function. L., 1993.

Lowry M. Under the Volcano. L., 2001.

Mansfield C. Sun and Moon // C. Mansfield The Collected Short Stories. L., 2005.

Sperber D., Wilson D. Relevance. Oxford, 1995.

Woolf W. Mrs. Dalloway. L., 2008.

УДК 811.161.1'36+811.133.1'36
ББК 81.2Рус-2+81.2Фр-2

С.М. Кравцов

**МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ
КВАЗИЭКВИВАЛЕНТЫ
(на материале русского
и французского языков)**

Рассматриваются межъязыковые пары русских и французских квазиэквивалентных фразеологизмов, обладающих не только идентичностью семантики, состава генетически знаменательных компонентов, внутренней формы, функционально-стилевых свойств, источника происхождения, но и каким-либо грамматическим различием в плане выражения. В зависимости от характера данного различия, обусловленного лингвистическими причинами или национальными особенностями образа мышления русских и французов, квазиэквиваленты подразделяются на несколько групп.

Ключевые слова: *межъязыковые квазиэквиваленты, грамматический признак, генетически знаменательный компонент, генетически незначительный компонент, приглагольное объектное местоимение, языковые особенности, образ мышления.*

Кравцов Сергей Михайлович – докт. филол. наук, профессор кафедры французского языка Южного федерального университета

Тел.: 8-904-342-95-73

E-mail: serguei_kravtsov@mail.ru

© Кравцов С.М., 2012.

Проблема межъязыковой квазиэквивалентности на фразеологическом уровне, несмотря на свою универсальность, остаётся одной из недостаточно исследованных в современной лингвистике. Причина этого заключается, во-первых, в немногочисленности межъязыковых фразеологических квазиэквивалентов, во-вторых, в отнесении их некоторыми лингвистами к эквивалентам [Гак, с. 14]. Однако представляется нецелесообразным широкий подход к пониманию эквивалентов, ибо квазиэквиваленты, также характеризующиеся тождеством значения, состава генетически знаменательных компонентов, внутренней формы, функционально-стилевых свойств и источника происхождения, обладают определённым грамматическим различием в плане выражения, что обуславливает справедливость их названия. Возможность анализа фразеологических квазиэквивалентов на межъязыковом уровне, неоднозначность их интерпретации в современной лингвистике определяют важность и необходимость, следовательно, актуальность их изучения.

Особенный интерес представляет рассмотрение фразеологической квазиэквивалентности на материале таких разноструктурных языков, как русский и французский, что позволяет обнаруживать связь между грамматическим различием и национальной спецификой образа мышления их носителей. Изучение русских и французских межъязыковых фразеологических квазиэквивалентов привлекательно также своей научной новизной, ибо до сих

пор они специально не исследованы и лишь упоминаются в отдельных работах, посвящённых сопоставительному анализу идиом [Хомякова; Василенко].

Цель статьи заключается в том, чтобы описать русские и французские фразеологические единицы (ФЕ), являющиеся межъязыковыми квазиэквивалентами. Она предполагает решение таких задач, как определение квазиэквивалентов, их исследование в зависимости от характера межъязыкового грамматического различия, обнаружение его возможной связи с национальными особенностями образа мышления.

Межъязыковое грамматическое различие в плане выражения русских и французских квазиэквивалентов предполагает отсутствие тождества грамматической формы их знаменательных компонентов или наличие / отсутствие генетически незнаменательных слов, вследствие чего в некоторых случаях структура единиц полностью не совпадает. Оно может проявляться, во-первых, в различии в форме числа их именных компонентов; во-вторых, в наличии / отсутствии замещающего артикль притяжательного местоименного прилагательного перед существительным; в-третьих, в возвратности / невозвратности глагольных компонентов; в-четвёртых, в наличии / отсутствии приглагольного объектного местоимения; в-пятых, в сочетании нескольких различительных грамматических признаков в составе межъязыковой пары ФЕ.

Первая группа, объединяющая русские и французские фразеологические квазиэквиваленты с именными компонентами, у которых не совпадает форма числа, является самой большой. В соответствии с причиной этого несовпадения данные ФЕ можно разделить на две подгруппы. Первая состоит из ФЕ, в которых грамматическое различие объясняется либо полным отсутствием у лексемы формы противоположного числа в системе того или иного языка, либо её отсутствием только в одном из значений (в случае полисемичности компонента). Таким образом, к ней относятся, например, ФЕ «*вложить меч в ножны*» (мн. ч.) [Ожегов, Шведова, с. 420] и «*remettre le glaive au fourreau*» {(ед. ч.) [Dictionnaire, р. 463] («кончить войну») (существительное «ножны» не имеет формы единственного числа)}; «*верить на слово*» (ед. ч.) *кому* [Ожегов, Шведова, с. 731] и «*croire qqn sur paroles*» {(мн. ч.) [Dictionnaire, р. 678] – «верить кому-либо, полагаясь только на слова» (подчёркнутые полисемичные компоненты означают обещание; французское существительное «parole» в данном лексико-семантическом варианте не имеет формы единственного числа)}.

В квазиэквивалентных ФЕ второй подгруппы несовпадение формы числа именных компонентов обусловлено особенностями национального мышления носителей разных культур: «*не смыкать глаз*» (мн. ч.) [Фразеологический, с. 440] и «*ne pas fermer l'œil*» {(ед. ч.) [Dictionnaire, р. 647] («совсем не засыпать»)}. Денотат данных ФЕ связывается с одной и той же реалией (глазами), однако, её номинация во французском языке существительным в форме единственного числа свидетельствует об особенностях мышления его носителей, проявляющейся в склонности обоб-

щённо воспринимать идентичные, в частности, парные сущности.

Вторая группа состоит из квазиэквивалентов, из которых один (французский) содержит перед существительным притяжательное местоименное прилагательное, а другой (русский) – нет. Она включает такие ФЕ, как «*проглотить язык*» [Фразеологический, с. 361] и «*avalier sa langue*» [Dictionnaire, p. 532] (досл. «проглотить свой язык» – «замолчать»).

Наличие замещающего артикль притяжательного местоименного прилагательного, соответствующего русскому слову «свой», обуславливается как языковыми особенностями, так и особенностями мышления представителей французской культуры. Лингвистическая причина данного различия связана со свойственным французской морфологии анализмом, предполагающим наличие перед существительным артикля или замещающей его лексемы. В ряде свободных сочетаний слов (ССС), на основе которых возникли ФЕ, присутствие вместо артикля притяжательного местоименного прилагательного является необходимым для точного обозначения субъекта обладания предметом или лицом, называемым существительным. Например, образ ФЕ «*retrousser ses manches*» [Dictionnaire, p. 576] (досл. «засучить свои рукава» – «энергично приняться за дело») в случае его отсутствия перестает быть чётким {«*retrousser les manches*» (досл. «засучить рукава»)}, так как не ясно, о чьих рукавах идёт речь. Соответствовать языковой норме без притяжательного местоименного прилагательного это выражение может только при наличии косвенного дополнения, обозначающего субъект обладания рукавов {«*retrousser les manches*» à qqn (досл. «засучить рукава» кому)}.

Тем не менее, в некоторых французских ФЕ присутствие притяжательного местоименного прилагательного представляется излишним, так как в производящих ССС отношение принадлежности ясно выражается и без него: «*regarder de tous ses yeux*» [Так, с. 1093] (досл. «смотреть во все свои глаза – «смотреть очень пристально»). Наличие притяжательного местоименного прилагательного свидетельствует об особенностях образа мышления, указывающей на то, что понятие принадлежности и собственности занимает важное место в сознании французов.

Третью группу образуют пары межъязыковых квазиэквивалентов, в составе которых французская ФЕ содержит возвратный глагол (перед ним ставится местоимение «se»), а русская – соответствующий ему невозвратный: «*затянуть пояс*» [Ожегов, Шведова, с. 223] и «*se serrer la ceinture*» [Dictionnaire, p. 151] (досл. «затянуть себе пояс» – «приготовиться недоедать, голодать»). В абсолютном большинстве случаев присутствие возвратного глагола во французских ФЕ объясняется лингвистическими причинами. Наличие возвратного глагола во французских производящих ССС необходимо для того, чтобы показать, что адресатом действия субъекта через посредство предмета, названного существительным, является сам субъект. При наличии в их составе невозвратного глагола возникает необходимость в косвенном дополнении, обозначающем лицо, на которое направлено действие субъекта: «*serrer la ceinture*» à

qqn (досл. «затянуть пояс» кому). Тем не менее, подобные ССС не стали ФЕ. В русских квазиэквивалентах французскому возвратному глаголу соответствует сочетание глагола с возвратным местоимением «себя», которое опускается в дательном падеже.

Четвёртая группа содержит квазиэквиваленты, различие которых заключается в присутствии / отсутствии приглагольного объектного местоимения. Данное различие объясняется аналитизмом французской морфологии, в результате чего подобное местоимение возможно только во французских ФЕ. Этот компонент производящего ССС не употребляется самостоятельно, является генетически незначительным, не обладает лексическим значением и обычно не переводится на русский язык: «*ne верить своим глазам*» [Фразеологический, с. 59] и «*ne pas en croire ses yeux*» [Dictionnaire, p. 646] («удивляться увиденному»).

Пятая группа включает квазиэквиваленты, различающиеся несколькими грамматическими признаками. К ним относятся, например, такие ФЕ, как «*взяться за перо*» [Ожегов, Шведова, с. 513] и «*prendre la plume*» [Гак, с. 1232] («начать писать») (во французской ФЕ отсутствуют возвратный глагол и предлог перед существительным).

Итак, описав русские и французские межъязыковые квазиэквивалентные фразеологизмы, можно сделать следующие выводы: во-первых, ими являются те единицы, идентичность которых нарушается только грамматическим различием в их плане выражения; во-вторых, в соответствии с дифференциальным грамматическим признаком их можно разделить на пять групп; в-третьих, грамматическое различие в их составе чаще обуславливается лингвистическими особенностями и реже национальной спецификой образа мышления носителей языка.

Данные обобщения представляют интерес своей теоретической значимостью, ибо они могут быть полезны при исследовании межъязыковых фразеологических квазиэквивалентов на материале любых языков, при отграничении их от межъязыковых эквивалентов. Они представляют также практическую ценность, поскольку найдут своё применение в преподавании фразеологии, лингвокультурологии, русского и французского языков, переводоведения.

Литература

Василенко А.П. Аспекты семантики фразеологизмов (на материале русского и французского языков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Орёл, 2011.

Гак В.Г. Новый большой французско-русский фразеологический словарь. М., 2005.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2009.

Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М., 1987.

Хомякова Н.А. Эмотивные фразеологизмы в русском, французском и английском языках: сопоставительный анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Dictionnaire des expressions et locutions / ed. A. Rey, S. Chantreau. Paris, 1997.

УДК 821
ББК 84.6

И. И. Радченко

**ПРАГМАТИЧЕСКИЕ
ПОТЕНЦИИ
ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ
КОНСТРУКЦИЙ
И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ
В ТЕКСТАХ СМИ**

Статья посвящена исследованию вопросов, связанных с семантикой отрицательных конструкций и средствами ее отражения в текстах печатных СМИ. Рассматриваются вопросы использования интенсифицирующих средств, фигур, построенных на базе категории отрицания.

Ключевые слова: *категории интенсивности и неопозитивности, субъективная модальная оценка, способы выражения категории отрицания.*

Радченко Иван Иванович – канд. филол. наук, докторант кафедры русского языка и культуры речи Педагогического института Южного федерального университета

Тел.: 8-951-497-37-61
E-mail: rgalina@inbox.ru

Исследование вопросов, связанных с семантикой отрицания и средствами ее отражения, представлено в работах К. А. Долинина, И. М. Кобозевой, Б. С. Мучника, Е. В. Падучевой и др.

Цель отрицательного предложения не столько информация о каком-то факте, сколько его воздействие на сложившееся мнение адресата речи. То есть субъективный смысл отрицательного предложения содержит элемент волевого начала и чаще всего сопровождается экспрессией.

Органическая связь категории отрицания с модальностью, экспрессивно-эмоциональным значением предложения признается целым рядом ученых, занимающихся этой проблемой.

Так, В.М. Труб, рассматривая семантические функции отрицания, выделяет как одну из ее главных функцию негативной оценки истинности. В данном случае отрицание анализируется в коммуникативном аспекте «негативная оценка истинности всегда является производным высказыванием, полученным в результате применения оператора отрицания к коммуникативно более ранней пропозиции.» [Труб, с. 44].

Однако не все ученые включают отрицание в круг модальных значений, подменяя таким образом категорию отрицания модальности, многие стараются обосновать свой взгляд на отрицание, как на самостоятельную категорию.

Мы в своем исследовании придерживаемся концепции, представленной такими лингвистами, как Е. И. Шендельс, В. В. Виноградов, И. В. Толстой, связывающих

отрицание с субъективной модальной оценкой содержания суждения [Виноградов; Толстой; Шендельс].

В языке негация находит выражение при помощи формального сигнала – частиц «не, ни», специальной интонации, преобразованного словопорядка, специальных лексико-фразеологических единиц.

Категория отрицания предполагает определенный багаж когнитивных знаний у адресанта. Как отмечает В.М. Труб, говорящий, отрицая нечто, знает, что адресат уверен в противоположном. [Труб, с. 44].

Ср.: «Она смотрела в зеркало и ничего не видела» – адресат твердо знает, что говорящий уверен в противоположном – «когда смотрят в зеркало, видят свое отражение». В силу знаний, противоположных знаниям адресанта, адресат неизменно испытывает удивление, чувство обманутого ожидания.

Анализ языка газетных статей показал, что изолированное использование интенсифицирующих средств, фигур, построенных на базе категории отрицания, встречается на страницах газет редко. Зачастую различные стилистические фигуры, построенные на базе категории неопозитивности, используются в комплексе. Средства выражения категорий интенсивности и неопозитивности служат для создания приема контраста и в конечном плане выполняют главную задачу газетного текста – воздействие на читателя.

Средства категории отрицания характерны для газетных статей, несущих информацию, как правило, негативного характера.

Для анализа возьмем статью, посвященную теме смены губернаторов в одном из регионов страны и напечатанную в газетах «Вечерний Ростов» и «Город N».

Сама статья построена в форме сопоставления фактов, приведших к низложению кандидатуры старого губернатора и назначению нового. Характерно, что при такой манере изложения автору удалось в какой-то мере скрыть свою позицию, свое отношение к произошедшей смене властных первых персон, но и одновременно потребовало от него особого мастерства воздействия на читателя с целью формирования у него нужного корреспонденту мнения на произошедшие события, его оценку.

Статья как бы состоит из двух параллельных тем: первая – повествование о том, почему не переназначили старого губернатора, а вторая – вследствие чего и как была назначена новая кандидатура, и ее характеристика.

Надо отметить, что чаще всего в статье используются лексические средства отрицания (не – нет), зачастую усиленные отрицательной частицей «ни»: *«Но в двух других пари – о том, последует ли за переделом сфер влияния в новой команде и передел собственности и ресурсов предшественников, а также кто важнее для нового губернатора – президент или премьер, – победителей пока нет.»* («Город N», 2010, 28 дек.).

«Ни у одного местного наблюдателя не хватит связей и компетенции, чтобы понять, как все было на самом деле, – считает один из собе-

седников N» (Там же) – отрицание совмещено с качественными интенсификациями «все» и «ни одного».

Интересно, что отрицания используются при характеристике просчетов В. Чуба в его экономической и социальной политике, а также при характеристике первых шагов в политике нового губернатора, не допустившего тех или иных нежелательных акций, приказов, выступлений молодежи.

Например: *«Он (В.Чуб, – И.Р.) нарушил первый принцип придворного: нельзя служить двум господам, этого ему и не простили», «По другой версии, не сумев решить вопрос с продлением полномочий в администрации президента, Владимир Чуб с помощью старых влиятельных друзей – среди них называют даже имя вдовы Бориса Ельцина, Наины Иосифовны, – смог добиться аудиенции у премьера»* («Город N», 2010, 28 дек.).

«Нарушил первый принцип» – имплицитное отрицание: «нельзя служить двум господам» – отрицание в прецедентном тексте.

А вот характеристика первых шагов работы нового губернатора: *«Вопервых, команда только сформировалась и не успела себя проявить», «Критерии отбора инвестпроектов, которым область намерена оказывать поддержку, сроки и формы поддержки должны были появиться в виде постановлений губернатора. В окончательном виде этих документов нет до сих пор, проекты очень спорны», «Областные власти получили сразу два плюса: один за то, что не допустили разгона молодых людей, а стали выяснять причины протеста; второй – за смелость: не стали маскировать конфликт, признав проблемы, которые есть у молодежи в межнациональном общении»* (Там же).

Отрицание используется в изложении оправдания незначительных достижений нового губернатора.

Широко используются устойчивые сочетания: *«Федералы подпустили тумана, заявив, что “еще есть темные лошади, о которых никто не знает...”»* (Там же). В данном примере использовано устойчивое выражение *«не темная лошадка, которую никто не знает»*.

То есть отрицание вводится в прецедентные обороты.

Также в анализируемом тексте довольно продуктивно использование частиц: (вряд ли, едва ли), которые вносят значение отрицания. Например:

«Кто и когда делал подобные предложения губернатору, едва ли станет известно.» (Там же).

В данном примере использование частицы «едва ли» равнозначно отрицательной частице «не» т. е. «не станет известно».

Часто используются отрицания с обратным смыслом: *«Да и сейчас, комментируя происшедшее и делаясь предположениями о будущем, большинство не последних в области людей, с которыми тему смены власти обсуждал корреспондент N, предпочли, чтобы их имена на страницах газеты не назывались»*. В данном примере выражение «не последних» равнозначно «первых». Или: *«Многие с интересом наблюдают за тем, как будут складываться отношения новой команды с теми, чей бизнес-успех»*

не в последнюю очередь был связан с предшественниками» (Там же). («Не в последнюю очередь», т. е. «в первую очередь»).

«Я думаю, губернатор в ситуации не из легких» (Там же). Так говорит собеседник корреспонденту газеты, и надо понимать, что речь идет о «тяжелой ситуации». В данном примере отрицание представлено в активном взаимодействии с категорией интенсивности и с использованием живых разговорных оборотов.

Необходимо отметить использование лексических средств отрицания с обратным смыслом: частные отрицания (существительные, прилагательные, причастия), равные присутствию частных отрицаний с «не».

Таким образом, отрицательные конструкции могут передавать не только отрицательные оценки (неудачные мероприятия, задуманные и осуществленные Чубом). «В его (В. Чуба. – И. Р.) объяснительном стихе была одна фраза, которую теперь связывают и с версиями неудавшихся согласований, и с ситуацией на отдельных предприятиях области», «Чуба убрали из-за несговорчивости по НЗПП, из-за него он попал в опалу у премьерского блока...» (Там же). Но эти же отрицательные конструкции использует автор, рисуя и положительные характеристики Голубева, как «опытного стратега, руководителя, хорошо обдумывающего свою линию поведения», («не познакомившись тщательно с ситуацией», «не осуждать своего предшественника», «не расправляться с собравшимися по поводу убийства их товарища студентами...»). «Сильно ожидание того, что Василий Голубев не просто озвучивает идеи, а уже знает, как добиться их решения».

В последнем случае мы наблюдаем фигуру еще и контраста.

Поведение человека, избегающего необдуманных отрицательных поступков, отрицательных оценок, описанное с помощью отрицательных конструкций, является одной из прагматических возможностей отрицания и, по существу, не описано в научной литературе.

Позитивную информацию адресат – читатель получает, анализируя содержание отрицательных высказываний. Отсутствие «отрицательных» явлений расценивается как факт наличия противоположных им, «положительных» явлений, не получивших, однако, прямых обозначений в семантической структуре высказывания. Наблюдаемое при этом противоречие имеет характер несоответствия между тем, что показано в предложении, и тем, что мы из него извлекаем. Двуплановость смысловой организации высказывания создает экспрессию повествования и является средством выражения авторской позиции, зачастую в скрытой или открытой форме иронии.

Язык исследуемой корреспонденции позволяет представить языковые отрицания, обычно не отмеченные в научной литературе («вряд ли», «едва ли»), а также устойчивое употребление в роли отрицания таких частей речи, как существительные, наречия и др. Использование предложений с «не» в обратном утвердительном смысле, а также использование устойчивых оборотов живой разговорной речи.

Таким образом, отрицательные конструкции в данной статье позво-

ляют автору за счет умелого использования самих конструкций и средств интенсификации различного языкового уровня, их экспрессивности решать важный вопрос – проблему, рождающую сомнения в умах по поводу необходимости замены старого губернатора.

Автор отмечает в своей статье определенное недовольство, вызванное у элиты назначением Голубева, недоумение: почему прислали издадека? *«В Ростовскую область парашютиста присылать нельзя»*. («Город N», 2010, 28 дек.).

В данном примере эксплицитное отрицание, выраженное отрицательным наречием, используется для отрицания смысла, заложенного в значении устойчивого выражения разговорного стиля «присылать парашютиста» – метафора.

«Ни у одного местного наблюдателя не хватит связей и компетенции, чтобы понять, как все было на самом деле...». (Там же).

Эксплицитное отрицание, выраженное отрицательной частицей «не» в предложении усиливается за счет использования усилительной частицы «ни», причем сама усилительная частица связана со смыслом количественного деинтенсификатора, выраженного числительным «ни у одного».

Не остаются без внимания и существенные недостатки правления предыдущего губернатора. Например: *«К тому же из-за доходов, полученных в прошлом году супругой, Владимир Чуб не просто нажил кучу завистников, но и получил свою долю славы.»* (Там же).

Эксплицитное отрицание в данном предложении выражено отрицательной частицей «не» с деинтенсификатором, выраженным наречием «просто».

Характеризуя нового губернатора, автор проявил определенную осторожность в освещении старых проблем, отмечает у нового губернатора отсутствие необдуманных оценок и решений. *«Неоднократно упоминаемый собеседниками N автозавод в Таганроге, переживающий сложные времена, Василий Голубев почти демонстративно объезжает стороной, ссылаясь на недостаточную изученность проблем автостроения.»* (Там же). В этом предложении имплицитное отрицание выражено устойчивым оборотом «объезжает стороной», т. е. не заезжает.

«Депутат Заксобрания считает, что хотя все ключевые посты в администрации уже заняты, но всех новых и оставшихся руководителей назвать командой сложно.» (Там же). Форма имплицитного отрицания выражена устойчивым оборотом «назвать командой сложно» т. е. – «нельзя».

Таким образом, автор умело избегает прямых отрицательных конструкций в оценке действий нового губернатора.

Если же такое случится, то обязательно со ссылкой на некий источник и, как правило, с дальнейшим положительным толкованием. Таких примеров найдено только два в числе почти 60 отрицательных конструкций.

Например, одни из них: *«Я думаю, он (В.Ю. Голубев. – И.Р.) не стал*

и не станет частью прежней элиты, ему придется выстраивать свою систему, – считает эксперт.» (Там же). В данном примере эксплицитное отрицание выражено повторяющейся частицей «не». А значение отрицания еще и усиливается лексическим повтором, выраженным глаголом в разных временных формах от прошедшего «не стал», в сумме выражающих постоянство через настоящее, которое в тексте опущено, до будущего «и не станет». И здесь же для нейтрализации такого отрицательного выпада в сторону нового губернатора приводится и другая точка зрения на эту же проблему: «Есть другая точка зрения – губернатору с элитой повезло: – Чуб очень хорошо вымуштровал ее.» (Там же).

Характеристика, данная в статье элите, доставшейся по наследству новому губернатору, с лингвистической точки зрения характеризуется почему-то также отрицательными конструкциями: «Буйных давно отсекли, нейтрализовали» – предложение с явным имплицитным отрицанием, активно взаимодействующим с качественным интенсивом «буйных». Далее: «Или их нет в области, или они сидят по углам, а те, кто есть, привыкли повиноваться первому лицу.» (Там же).

То есть в предложении три типа представителей элиты. Первые – которых нет – в предложении это эксплицитное отрицание, выраженное словом «нет».

Вторые – «сидят по углам» – иными словами их тоже нет – форма имплицитного отрицания. И, наконец, третьи – они есть, но уже «не буйные» – такая имплицитная форма отрицания: «буйных отсекли».

Интересно, что даже дальнейшие шаги нового губернатора описываются с помощью отрицательных конструкций и интенсивов. «Всем интересно, как сильно обновится состав ростовских депутатов, в ком увидят задатки эффективного лоббиста.» (Там же). В приведенном примере использована форма имплицитного отрицания, подразумевающего следующее смысловое значение «в ком увидят, а в ком и не увидят». И хотя действия нового губернатора описываются отрицательными конструкциями, в целом в описании создается позитивное мнение социума о первых шагах его деятельности.

Таким образом, критические статьи всегда наполнены отрицанием «не», которое, повторяясь, усиливает силу протеста против явлений, на критику которых нацелена статья.

Кроме критических статей, богаты отрицанием – частным, общим, эксплицитным и имплицитным – статьи опровержения какой-либо точки зрения. Так, статья «Не так страшен астероид, как космический мусор» (частное отрицание), опровергает своим названием точку зрения об опасности астероида для существования Земли и насчитывает 9 таких отрицаний. Эксплицитное отрицание «бояться нам нечего, не долететь до планеты». «И человек не способен предсказать, когда и где это (столкновение) произойдет». «Он (астероид) не может сгореть полностью при вхождении в атмосферу.» («Вечерний Ростов», 2011, 28 июня).

Частные отрицания: «фрагменты космических кораблей неконтролируемо вращаются вокруг Земли.» (Там же).

Скрытое имплицитное отрицание: «*Это искусственные объекты, давно уже переставшие функционировать.*» (Там же). То есть «не функционируют».

Таким образом, категория отрицания – это сложная, объемная, многоаспектная категория языка. В исследовании этой категории необходим учет всех ее сторон, многоплановости ее содержательной стороны.

Известно, что использование резервных конструкций должно быть регламентировано целью стратегии. Считается, например, недопустимым использование отрицаний и императивов, если задача речевого сообщения заключается в создании позитивного мнения социума. Однако в газетной статье, как показывает наше исследование, возможно использование отрицательных конструкций для формирования у читателей положительного мнения по поводу фактов, описываемых событий или явлений.

Отрицательные конструкции, как правило, экспрессивны, так как цель их – воздействие на эмоции и сознание адресата, потому что отрицать можно лишь положительное значение в наличии предметов, существующих в когнициях читателя. Это касается и отрицаний в положительных характеристиках персонажа, но они носят оправдательный характер: «не успел, не мог, не имел возможности».

Проведенный нами анализ употребления категории негации в языке газетных текстов говорит о том, что авторами данная категория используется не только в своем прямом назначении – для выражения отрицательных значений, но и для выражения экспрессивной оценки, как отрицательной (чаще), так и положительной. Негация может усиливаться за счет использования средств категории интенсивности различного языкового уровня. И этот процесс носит взаимообусловленный характер, что характерно для стиля СМИ.

Литература

Виноградов В.В. Русский язык. М.; Л., 1947.

Толстой И. В. Грамматическое отрицание и его функционирование в простом повествовательном предложении (на материале публицистики) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.

Труб В.М. О коммуникативных аспектах отрицания как негативной оценки истинности // ВЯ. 1994 № 1.

Шендельс Е.И. Отрицание как лингвистическое понятие // Учен. записки 1-го НГПИИЯ. М., 1959. Т. 19.

УДК 651.51.8
ББК Ш1

С. А. Ярцев

**ВЛИЯНИЕ РОЛЕВЫХ
ХАРАКТЕРИСТИК
АВТОРА РЕЗЮМЕ
НА УСПЕШНОСТЬ
РЕШЕНИЯ
КОММУНИКАТИВНОЙ
ЗАДАЧИ (на примере
информации
об образовании автора)**

Предпринимается попытка выявить, насколько сообщаемая автором резюме информация о полученном им образовании соответствует коммуникативной задаче написания резюме, в какой степени полнота и ясность представленных данных зависит от таких ролевых характеристик автора-соискателя, как его пол, возраст и профессиональная принадлежность. Установлено, что наибольшее влияние на качество сообщаемой автором информации оказывает его профессия. Кроме того, обнаружено, что формирования вопросов, содержащиеся в анкетных резюме, слишком общи и не позволяют работодателю составить корректное представление о соискателе должности.

Ключевые слова: *резюме, деловая коммуникация, коммуникативная задача, документ, самопрезентация.*

Ярцев Сергей Анатольевич – аспирант кафедры русского языка Южного федерального университета
Тел.: 8(863)545-24-86
E-mail: sergyartsev@gmail.com

© Ярцев С.А., 2012.

Резюме как текст официально-деловой речи выступает основным средством самопрезентации соискателя должности. Именно с грамотно составленного резюме начинается процесс трудоустройства. Пытаясь при помощи резюме обратить на себя внимание потенциального работодателя, автор текста стремится показать себя с выигрышной стороны, т.е. провести рациональную самопрезентацию.

В.И. Карасик предлагает следующее определение самопрезентации: «намеренное конструирование собственного имиджа в сознании адресата, то есть акцентирование говорящим нескольких значимых для него оценочно-маркированных образных признаков, которые должны создавать положительное отношение к нему» [Карасик, с. 39]. Значит, в процессе самопрезентации ее субъект пытается привлечь внимание адресата к своим сильным сторонам, не упоминая при этом об имеющихся недостатках.

Важными содержательными составляющими резюме являются данные об образовании соискателя, сведения о приобретенных им навыках и умениях, о наличии опыта работы. От того, удовлетворяют ли эти данные работодателя, зависит, примет ли он решение о трудоустройстве претендента на должность.

В силу того что резюме в качестве средства самопрезентации при поисках работы в нашей стране используется недавно, жанр резюме пока может квалифицироваться как проходящий стадию становления, его формуляр, в от-

личие от других документов, не имеет единой структуры. Эта черта отмечается и в посвященной данному жанру литературе. Так, И.В. Клоков и В.С. Пташинский [с. 81] указывают, что «каждый кандидат составляет резюме по собственному усмотрению», помещая выигрышную информацию в наиболее выгодном, с его точки зрения, месте текста. И все же нельзя говорить о полной свободе составления текста резюме. Появляясь по большей части в электронном коммуникативном пространстве, такие тексты укладываются в схемы анкет, которые размещены в Интернете на специализированных сайтах.

Резюме сочетает в себе признаки информационной и императивной речи. С одной стороны, в нем излагаются сведения, с которыми предполагается ознакомить потенциального работодателя, с другой же – сообщаемые факты и характеристики важны не сами по себе, а лишь потому, что ознакомление с ними должно убедить адресата в профессиональной ценности адресанта, в необходимости использовать именно его в качестве работника. Таким образом, резюме можно рассматривать как косвенно-императивный текст, нацеленный на то, чтобы заставить читателя «изменить взгляды, призвать (адресата. – С.Я.) к определенному действию» [Гвоздарев, Савенкова, с. 121].

Единственными параметрами авторов-соискателей, истинность которых может быть подтверждена документально, являются возраст, пол и профессия кандидатов. Все остальные характеристики допускают ту или иную степень субъективности интерпретации. Так, авторы резюме могут по-разному излагать информацию о профессиональном образовании, хотя на первый взгляд она также должна расцениваться как объективная (у соискателя должен быть документ об образовании).

Для того чтобы проследить, как способ подачи информации влияет на ее качество, в ходе настоящего исследования были проанализированы 358 резюме анкетного характера, в которых авторы-соискатели сообщили о своем образовании.

Большинству людей данный вид информации видится наиболее важным критерием соответствия соискателя предполагаемой должности, так как именно в процессе профессионального образования он получает необходимые для работы знания, навыки и умения.

Адекватное заполнение данного раздела включает в себя сообщение полного названия учебного заведения, где автор резюме проходил профессиональную подготовку, сроков обучения и полученной соискателем квалификации.

В таком виде информацию о своем образовании предоставили 154 кандидата (43% текстов). Менее всего эта информация была отражена в резюме самой младшей (до 20 лет) и самой старшей (после 50 лет) возрастных подгрупп (21,9 и 20,0% соответственно), у остальных возрастных подгрупп распределение ответов прошло примерно на одном уровне (от 20 до 29 лет – 40,8%, от 30 до 39 лет – 40,5%, от 40 до 49 лет – 41,4%). Гендерное различие также не выявило значительного расхождения в текстах: 32% у мужчин и 36,5% у женщин. Тем не менее при

анализе резюме с учетом типа должности, на которую претендует автор текста, уровни данного показателя различаются сильно: среди рабочих только 20,6% из 131 сообщили о своем образовании, тогда как среди служащих этот показатель обнаружился более чем в половине текстов (56,9% из 223).

Никакой информации о своем образовании не предоставили только 27 кандидатов (7,5% от общего числа рассмотренных текстов). Среди возрастных групп в этом отношении из общего ряда достаточно сильно выбивается самая младшая группа, где количество ничего не сказавших о своем образовании авторов-соискателей составило 41,5% от числа лиц, входящих в данную группу. Наиболее вероятной причиной этого может служить убеждение лиц в возрасте до 20 лет, что им практически нечего сообщить об этом, кроме названия среднего учебного заведения и года его окончания. Однако и эти сведения могут представлять определенную ценность для читателя резюме, в силу того что на сегодняшний день учебные заведения сферы среднего общего образования могут различаться как по профилю, так и по уровню и качеству подготовки выпускников. Поэтому, если автор-соискатель уверен, что получил среднее общее образование в учебном заведении высокого уровня, представляется логичным отметить этот факт в тексте резюме, чего, однако, ни в одном из исследованных текстов замечено не было.

Кроме того, соискатели должностей до 20 лет могут только получать или уже получить среднее профессиональное образование либо проходить профессиональную подготовку в высших учебных заведениях. Некоторые из таких авторов назвали те организации, где они получают образование, а также направление подготовки, сроки и актуальную на время написания текста степень подготовки – такое заполнение раздела об образовании можно считать адекватным. Однако в рамках наиболее юной возрастной группы таким образом отдел «Образование» заполнили только 37,5% женщин-служащих. Также в небольшом количестве резюме, написанных авторами, не достигшими 20 лет, данные об образовании соискателя были представлены в недостаточной мере: «среднее профессиональное» – 33% (мужчины-рабочие) и «неполное высшее» – 12,5%. Эти случаи будут подробнее рассмотрены ниже.

Если вернуться к совокупному рассмотрению всех возрастных групп, то гендерное распределение умолчания о своем образовании авторами резюме снова не выявляет зависимости этого показателя от пола соискателя должности. В среднем никакой информации о полученном или получаемом образовании не предоставили 15,4% мужчин и 13% женщин.

Однако профессиональный критерий классификации резюме показал, что соискатели, претендующие на рабочие должности, приблизительно в два раза чаще не сообщают о своем образовании (19,9%) по сравнению с теми авторами резюме, которые ищут работу служащих (8,9%).

В 168 резюме (47% проанализированных текстов) авторы-соискатели предоставили информацию о своем образовании, но сделали это не в пол-

ной мере, умолчав или недостаточно точно сообщив о сроках обучения, полученной квалификации или названии учебного заведения, где они проходили подготовку. По сути, из этих резюме можно извлечь только самую общую информацию об уровне образования. В данных текстах авторы отметили четыре таких уровня: высшее образование, неоконченное высшее, среднее профессиональное и среднее общее.

Тех авторов-соискателей, которые имеют высшее профессиональное образование, но не сообщили о нем полных сведений, было обнаружено 45 человек (12,5%). По причине юного возраста, кандидаты из младшей возрастной группы таких данных не предоставили. В остальных возрастных группах степень полученного образования таким образом обозначили 10,7% соискателей до 30 лет, 16,9% авторов до 40 лет и 13,4% кандидатов до 50 лет. Лишь в старшей возрастной группе данный показатель значительно выделяется на фоне остальных: в среднем 32,3% авторов резюме от 50 лет, имеющих высшее образование, предоставили неполные данные о своей профессиональной подготовке, что практически в два раза больше, чем в занявшей второе место по этому показателю возрастной группе до 40 лет.

В гендерном и профессиональном отношении подобное определение уровня образования авторов резюме различается незначительно. Из тех соискателей, кто имеет высшее образование, неточную информацию о нем указали 11,5% мужчин, 17,8% женщин и 12,0% рабочих, 17,3% служащих соответственно.

В ходе анализа резюме было выявлено 19 текстов (5,5% от общего числа), авторы которых имеют неоконченное высшее образование, и предоставили о нем недостаточно полные данные. По возрастному критерию лидером снова стала наиболее старшая группа, в ней средний уровень данного показателя составил 32,3%.

В отношении пола и профессии кандидатов в этой группе резюме также не было выявлено сильных различий в заполнении данного раздела текста. Однако, если в группе тех, кто имеет высшее образование, но не предоставил о нем полных данных, было больше женщин и служащих, то в данной группе, наоборот, число мужчин (8,5%) и рабочих (9%) несколько превышает число женщин (5,7%) и служащих (6,6%).

Недостаточное количество данных о полученном среднем профессиональном образовании предоставили 45 авторов-соискателей (12,5% от общего числа). Среднее значение этого показателя по всем возрастным подгруппам было достаточно низким, достигнув пика в подгруппе авторов, чей возраст находится в пределах от 30 до 40 лет – 22%.

Что касается пола кандидатов, то о среднем профессиональном образовании сообщило в среднем одинаковое количество женщин и мужчин – по 16,4%.

Однако в профессиональном отношении обнаружилось достаточно сильное различие: среди лиц, ищущих работу служащих, неполно сообщили о своем среднем профессиональном образовании 1,2%, в то время как в числе соискателей рабочих должностей таких оказалось 31,4%.

Причиной этого, по всей видимости, стало то, что среднее профессиональное образование получают именно те, кто хотел бы освоить рабочую профессию и строить карьеру именно в этой области. В тех же случаях, когда автор резюме сообщает об имеющемся среднем профессиональном образовании и претендует на вакансию, которая согласно Классификатору профессий [ОКПДТР, 2003] определяется как профессия служащего, это та вакансия, для выполнения служебных обязанностей которой среднего профессионального образования будет достаточно. Это следующие вакансии: секретарь, торговый представитель, охранник и проч.

Неполные данные об имеющемся среднем общем образовании сообщил 31 автор. Из наиболее юной возрастной подгруппы ни один автор не предоставил сведений о своем образовании подобным образом. В остальных подгруппах этот показатель также был невысок, его максимальное значение составило 13,8% в подгруппе авторов от 40 до 50 лет.

По признаку пола авторов резюме средний уровень предоставленных сведений не маркирован: 9% мужчины и 9,3% женщины.

В то же время в профессиональном отношении снова был отмечен более чем трехкратный разрыв между группами. Неполные данные о среднем общем образовании сообщили 14,2% рабочих и только 4,1% служащих. Представляется, что, как и в случае со средним профессиональным образованием, это обусловлено спецификой квалификационных требований для занятия должностей служащих: среднего общего образования для большинства из них явно недостаточно.

Предоставленные авторами-соискателями недостаточные данные можно классифицировать и с точки зрения их содержания.

Минимальную информацию, т. е. только сведения об уровне образования (высшее, среднее профессиональное и проч.), сообщило абсолютное большинство кандидатов на должность: 134 из тех 168, которые сообщили неполные данные о своем образовании.

Однако некоторые предоставили немногим более полные сведения:

1) полное название учебного заведения и полученная специальность (Российский государственный торгово-экономический университет. Отделение средне-профессионального образования, бух. учет) – 6 соискателей;

2) только название учебного заведения, (Российская академия музыки имени Гнесиных; Ростовский институт архитектуры и искусств) -- 7 соискателей;

3) сокращенное наименование обучающей организации и специальность (РИНХ, бух. учет, анализ и аудит; Техникум советской торговли по специальности техник-технолог приготовления пищи) – 14 соискателей;

4) факультет обучения (физмат; факультет экспертизы управления недвижимости) – два соискателя.

Также по одному разу в рассмотренных резюме встретились: 1) указание на уровень подготовки и сокращенное название учебного учреждения (СПбГУСЭ высшее, специалист); 2) указание направления под-

готовки (высшее экономическое, высшее юридическое); 3) сокращенное название учебного учреждения (ПЛ-47 (Россия, г. Тотьма)); 4) название учебного учреждения и указание срока обучения (ереванское училище аверта-хоравакан, 1978-1979); 5) указание полученной специальности (повар 4 разряд).

Описанные неточности представляют собой достаточно серьезную помеху для рациональной самопрезентации автора-соискателя, а следовательно, и для успеха коммуникации посредством резюме. Указание исключительно на уровень полученного автором образования не дает читателю текста практически никакой полезной информации. Соискатель мог получить свое образование совсем недавно и не успеть применить приобретенные компетенции в практической деятельности (особенно если, как в 81 проанализированном тексте, еще нет и адекватного указания на опыт работы), или обучение соискателя закончилось достаточно давно, и полученные им теоретические знания устарели либо утрачены. Также автор резюме мог получить подготовку не в той области, работу в которой он хочет найти, и считает изложение соответствующей информации препятствием в поиске желаемого рабочего места.

Коммуникативная ценность резюме с заполненным подобным образом разделом «Образование» достаточно низка, а значит, такие тексты не способствуют решению стоящей перед их авторами коммуникативной задачи.

Тем не менее, если резюме, даже в таком неполном виде, смогло привлечь внимание адресата, в процессе дальнейшего трудоустройства полная и достоверная информация о полученном соискателем образовании станет известна работодателю. Несовпадение ожиданий адресата и реального положения дел вкупе с обнаружившимся фактом сокрытия информации может сказаться самым негативным образом на результате коммуникации при помощи резюме. Поэтому со всей уверенностью можно сказать, что сообщение неточных и недостаточных данных об образовании никоим образом не способствует, а лишь препятствует решению коммуникативной задачи, стоящей перед автором резюме.

В целом проведенное исследование показало, что основной ролевой характеристикой автора резюме, влияющей на способ и полноту представления информации о его образовании в тексте резюме, является профессиональная принадлежность кандидата на должность. В то же время пол автора-соискателя и его возраст (за исключением наиболее младшей возрастной группы) практически не оказывают влияния на качество представления сведений о полученном им образовании.

Тем не менее полученные данные позволяют говорить о недостаточно ясном понимании автором сути той информации, которую необходимо сообщить в резюме. Возможным решением данной проблемы, мешающей работодателю сформировать полное и ясное представление о кандидате на должность, видится составление более подробных анкет, вопросы в которых не дали бы кандидату на должность скрыть свои

слабые стороны или, наоборот, забыть упомянуть о сильных. Анкетный вопрос «Образование», поставленный в проанализированных резюме, неконкретен и оставляет автору-соискателю слишком широкие возможности для искажения информации в свою пользу. Представляется, что в анкетах должен быть затронут каждый из аспектов верного представления информации о резюме (учебное заведение, направление подготовки, сроки обучения), например: «Укажите уровень Вашего образования (высшее, неоконченное высшее, среднее профессиональное, среднее)», «Назовите учебное заведение, в котором Вы проходили обучение (полное название и город)»; «Расскажите о направлении своей профессиональной подготовки и полученной Вами квалификации»; «Укажите сроки Вашего профессионального обучения. Подобные формулировки анкетных вопросов смогут, с одной стороны, независимо от личностных особенностей автора резюме, сориентировать его по отношению к содержанию интересующей работодателя информации и, с другой стороны, облегчат работодателю отсеивание потенциально бесполезных для него кандидатов на предоставляемую им должность.

Литература

Гвоздарев Ю.А., Савенкова Л.Б. Основы коммуникативной стилистики. Ростов н/Д., 2008.

Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. М., 2010.

Клоков И.В., Пташинский В.С. Эффективное делопроизводство. СПб., 2008.

Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов (ОКПДТР). 2003. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.etks.info/okprdst/> (дата обращения: 27.03.2012).

УДК 81'342
ББК 81-112

Г.Т. Поленова

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ – ИСТОРИЧЕСКИ БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ

Рассматривается вопрос диахронического развития категории времени глагола на материале енисейских языков. Автор исходит из оппозиции «настоящее время/прошедшее время» и прослеживает путь возникновения этой оппозиции как исходной в системе глагола. Делается вывод, что формальное выражение глагольной бинарной оппозиции «настоящее/прошедшее время» восходит к противопоставлениям действия состоянию, активного действия инактивному, длительного мгновенному, совершённого несовершённого.

Ключевые слова: *глагол, оппозиция, категория времени, формант, дейктическая частица, класс, действие, состояние, предикативные показатели.*

Поленова Галина Тихоновна – докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой немецкого языка Таганрогского государственного педагогического института им. А.П.Чехова

Тел.: 8(634)37-17-12
E-mail: polenova@mail.ru

© Поленова Г.Т., 2012.

Сущность грамматического времени – соотношение действия глагола с моментом речи. Выполнение действия может предшествовать моменту речи, сопутствовать ему или же иметь место в какой-либо отрезок времени, следующий за ним. Соответственно этому все формы изъявительного наклонения подразделяются на три группы: формы прошедшего, настоящего и будущего времени. Время является дейктической категорией, выступая одновременно как свойство предложения, так и высказывания. Вид в отличие от категории времени не является дейктической категорией; он не соотносится с временем высказывания [Лайонз, с. 333].

Время высказывания, по Ю.С. Степанову, это класс 'сейчас' в его координате 'я – здесь – сейчас'. Класс 'сейчас' определяется как класс слов и показателей, выражающих время говорения субъекта речи, определяющего себя как 'я'. Это время – всегда актуальное настоящее, в его ряду нет других времен [Степанов, с. 243].

Настоящему противостоит, прежде всего, прошедшее время, хотя уже и неактуальное для говорящего, но реальное, имевшее место в опыте говорящего в отличие от иллюзорного будущего. В данной работе мы исходим из оппозиции «настоящее время/прошедшее время» и постараемся проследить путь возникновения этой оппозиции как исходной в системе глагола.

По А. Мейе, праиндоевропейские глагольные основы не обозначают «собственно времени», а «развивающееся действие»,

«действие само по себе». «завершённое действие» [Мейе, с. 212], т.е. они выражают категорию вида, а не времени.

В енисейских языках, в частности в кетском и югском, категории вида и времени настолько переплетены, что некоторые кетологи совсем отрицают наличие категории времени, оставляя только категорию вида (см., например: [Валл, Канакин, с. 15]). Э. Вайда выделяет единый маркер «время-наклонение-вид» [Vajda, с. 17].

Мы провели диахронический анализ видо-временных показателей в современном кетском языке. Рассматривались только простые глаголы с основой в конце слова, которые вместе с корневыми существительными и прилагательными восходят к древнейшему пласту лексики. В семантическом плане это глаголы, перечисленные Г.А.Климовым при анализе языков активного строя [Климов, с. 84 – 95]. Первую группу мы относим к классному строю, когда ещё нет частей речи, а лишь первичные дейктические частицы формируют определённые лексемы (см. [Поленова, 2012, с. 30 – 42]).

1. Глагол ‘говорить’, сопровождающий чужую речь (комментатив): 1-е л. *nima*, 2-е л. *kuma*, 3-е л. (он) *bada*, 3-е л. (она) *mana*. Этот глагол не имеет ни категории времени, ни наклонения, ср. *qaj danijil'vet, bu bada: ket at dayaj* – Лось подумал, говорит (сказал): ‘Человека я убил’; императив: *qan' guma!* ‘скажи!’ (букв. пусть ты скажешь!); *at bis'epdaja nima n'an' kas'nam* ‘я брату говорю: ‘Хлеб возьми (купи)’.

2. Глагол ‘резать’:

Настоящее время

kaja ‘резнет его’

kija ‘резнет ее’

kaba ‘резнет это’

Прошедшее время

kopa ‘резнул его’

kitna ‘резнул ее’

komna ‘резнул это’

Ср.: *ad s'eja qojda ka:ba* ‘я печень медвежью вырежу’; *don' tam aks' bən' kaba, abij nado* ‘нож ничего не режет, точить надо’. Оппозиция «настоящее/прошедшее» передана чередованием первичных дейктических частиц.

3. Глагол ‘резать’:

ha:s'a ‘режу, пилю, стригу’ *hal'a* ‘пилил, резал, стриг (я, ты, он)’

Императив: *ha:l'a!* ‘пили! режь! стриги!’, т.е. форма императива омонимична форме прошедшего времени. Сравним примеры А.Я. Кусаминой (нашего информанта): *ad don'as' da:n' has'a/hal'a* ‘я ножом траву режу/резала’; *s'el'da kit at hal'a* ‘оленью тушу я резала’.

4. Глагол ‘есть’:

s'i ‘я ем, ты ешь, он ест’ – *s'i:l'a* ‘я, ты, он ел’; *s'il'a!* ‘поешь!’ *at sija kLktas* ‘я ем ложкой’; *tip tas'ka bil'a* ‘собака чашку вылизала’; *en' at s'il'a* ‘теперь я поела’.

Оппозиция «настоящее/прошедшее» передана с помощью первич-

ных дейктических частиц.

В начале активного строя происходит грамматическое оформление имени и глагола. Глагольные основы получают субъектные показатели и показатели вида.

5. Глагол 'ложиться, лежать':

А. Неоднократное действие

Настоящее время

ditadde 'я ложусь, лягу'

kta:gde 'ты ложишься, ляжешь'

Прошедшее время

tol'di:de 'я ложился'

tol'gide 'ты ложился'

tol'ade 'он ложился'

Императив: *tal'gude!* 'ложись! приляг!'

Б. Предельное действие

tadit 'я лягу [спать]'

taut 'ты ляжешь'

tajat 'он ляжет' / 'она ляжет'

Императив: *tal'gut!* 'ляг!'

tol'di:t 'я лег'

tol'gut 'ты лег'

tol'at 'он лег' / 'она легла'

dito:γot 'лежу'

toluγut 'я, ты, он

лежал'

kuto:γot 'ты лежишь'

duto:γot 'он лежит (спит)'

dato:γot 'она лежит (спит)'

ta:but 'это лежит'

В югском языке зафиксированы нижеследующие формы прошедшего времени этого глагола. Сравним прилагательное в роли предикатива.

to:ritdi 'я спал, лежал'

to:ritku 'ты лежал'

to:ritdu 'он спал, лежал'

to:ritda 'она лежала'

at axtadi 'я хороший'

u axtaku 'ты хороший'

bu axtadu 'он хороший'

bu axtada 'она хорошая'

Этот пример свидетельствует о том, что грамматическое оформление глагола сначала было осуществлено в формах настоящего времени.

6. Глагол 'есть, кушать' (переходный):

Класс вещей

diba 'я это-ем'

kuba 'ты-это-ешь'

duba 'он-это-ест'

daba 'она-это-ест'

d-bil' (< *bil'a*) 'я-это-ел'

u-bil' 'ты-это-ел'

d-bil' 'он-это-ел'

da-bil' 'она-это-ела'

Императив: *il!* 'ешь!' Ср.: *tip at duba* 'собака кость ест'; *hisseybay bok dIba* 'лес горит' (букв. 'лес огонь ест'), *ad n'an' diba* 'я хлеб ем', *tip duba* 'собака это ест'; *is' at kuba!* 'рыбу не ешь!'

7. Глагол 'мокнуть, промочить':

dul's'a 'я мокну'

kul's'a 'ты мокнешь'

ul'ba 'это мокнет'

buda ul'is'i 'она промокнет'

Императив: *ul'na!* 'промокни!'

du:l'na 'я вымок, подмок'

kul'na 'ты промок'

ul'imna 'это намокло'

bu da u:l'na 'она вымокла'

Таким образом, в эту группу вошли глаголы, структура словоформ которых трудно объяснима с точки зрения синхронного состояния кетского и югского языков. Первый глагол, комментатив, восходит, по всей вероятности, к классному строю по схеме Г.А. Климова (см. [Климов, с. 291]). Вторые компоненты в структуре глагола '*nima*' представляют собой первичные дейктические частицы широкого плана, состоящие из классного показателя и дейксиса, получившие здесь значение предикативных показателей: **-ma**, **-da**, **-na**. Рассматриваемый глагол, не имея категории времени, не имеет и специальной формы императива. Императив выражает форма '*guma*', идентичная с формой 2-го лица единственного числа '*kuma* (*g<k*)'.

Варианты других классно-предикативных показателей дают остальные глаголы первой группы. Так, глаголы 'резать', 'резать' имеют предикативные аффиксы для настоящего времени **-ja**, **-s'a**; для прошедшего времени **-na**, **-l'a**.

Последний суффикс оформляет и прошедшее время глагола 'есть, кушать'.

Глагол 'ложиться, лежать' имеет предикативный показатель **-de** < ***da** в формах действия. Формы состояния, если отбросить видовой суффикс **-t**, имеют лично-предикативные показатели: 1-е лицо **-di-**, 2-е лицо **-u-**, **-gu-**; 3-е лицо **-ja-**, **-a-**, **-bu-**. Более четко, занимая конечную (правую) позицию, представлены личные предикативные аффиксы в югских формах состояния прошедшего времени: 1-е лицо **-di**, 2-е лицо **-ku**; 3-е лицо **-du** (м. кл.); **-da** (ж. кл.). В формах настоящего времени те же показатели уже занимают маргинальную левую позицию.

Глагол 'мокнуть, промочить' имеет предикативные окончания **-s'a**, **-s'i**, **-ba**, **-na**.

В целом в представленной группе глаголов выделяются классные предикативные показатели: **-ma**, **-da**, **-na**, **-ja**, **-s'a**, **-l'a**, **-am**, **-aŋ**, **-s'i/-s'e**, **-ba**, **-bo**, **-no** и личные предикативные аффиксы: **-di**, **-ku**, **-du** (м. кл.), **-da** (ж. кл.).

Приведём непереходные глаголы с субъектными показателями группы *D*, восходящие к первичным собственно глагольным формам (активный строй). Это глаголы, не имеющие категории лица в прошедшем времени.

8. Глагол 'смотреть':

Настоящее время:

diyado 'я смотрю'

kujado 'ты смотришь'

dujado 'он смотрит'

dayado 'она смотрит'

diyadu:n 'мы смотрим'

kujado:n 'вы смотрите'

dujado:n 'они смотрят'

Прошедшее время:

kol'do 'смотрел (я, ты, он)'

dakol'do 'она смотрела'

kol'dun 'мы, вы, они
смотрели'

9. Глагол 'видеть':

dituŋ 'я вижу'

kutuŋ 'ты видишь'

duŋ 'он видит'

datuŋ 'она видит'

Императив: *tal'aŋ!* 'смотри!'; *en' at s'el' dituŋ* 'теперь я плохо вижу';
am datuŋ thun' s'ugatn 'мать видит, ее дочь домой идет'.

tol'uŋ 'видел (я, ты, он)'

datol'uŋ 'она видела'

10. Глагол 'спать':

ditayut 'я сплю'

kutayut 'ты спишь'

duŋ 'он спит'

datayut 'она спит'

tabyut 'это лежит'

ditdamin 'мы спим'

kutdamin 'вы спите'

duŋ 'они спят'

tabdamin 'эти лежат' (вещи)

Ср.: *bek dutagut* 'он вечно спит'; *tam aks' tabyut* 'что-то лежит'; *ujga hin'a däl' dutayut* 'в зыбке маленький ребенок лежит'; *u at' kutayut!* 'ты не спи!'; *tal'yut!* 'ложись!'; *tal'ut!* 'лежи!'.

tol'yut 'спал (я, ты, он)'

datol'yut 'она спала'

tobil'yut 'это лежало'

tol'damin 'мы, вы, они спали'

tobil'damin 'эти (вещи) лежали'

11. Глагол 'проснуться':

sitti 'я просыпаюсь'

sitku 'ты просыпаешься'

sitaja 'он просыпается'

sitja 'она просыпается'

sitdaja 'мы просыпаемся'

sitkajana 'вы проснетесь'

sitajana 'они проснутся'

нет формы

нет формы

sitona 'он проснулся'

sitditna 'она проснулась'

sitdajana 'мы проснулись'

sitkajana 'вы проснулись'

sitajana 'они проснулись'

Приведенные глаголы являются дефектными на фоне других глагольных образований. Отсутствие категории лица в прошедшем време-

ни говорит о том, что это не временная форма, а форма состояния агенса в прошлом. Глагол женского класса первым был представлен личной формой. Очевидно – это конец классного и начало активного строя, когда ведущая роль женщины в роду ещё не была утрачена

Глагол ‘проснуться’ подобно югскому глаголу ‘лежать’ имеет личные показатели не слева, а справа. То есть это ещё не субъектные глагольные показатели, а классно-личные предикативные форманты, сменяющиеся в имеющихся формах прошедшего времени другими: 3-е лицо единственного числа **-a-ja : -o-na** (мужской класс); **-ja : -na** (женский класс). Временной план представлен чередованием дейксисов **-a- : -o-** в 3-м лице единственного числа мужского (активного) класса. Активный строй языка. Именно это чередование представляется первым проявлением категории времени. В этот период появляются и субъектные аффиксы множественного числа, сначала в постпозиции, а затем и в препозиции.

Форманты **-l-** и **-n-** в формах прошедшего времени демонстрируют видовое значение. Последний формант выражает необратимость наступившего состояния, предел, а **-l-** – длительность и беспредельность. Ср.:

12. Глагол ‘плакать’:

Настоящее время

didan ‘я плачу’

kudan ‘ты плачешь’

dudan ‘он плачет’

dadan ‘она плачет’

didanɗan ‘мы плачем’

kuɗanɗan ‘вы плачете’

duɗanɗan ‘они плачут’

Показатель **l** выражает длительное не актуальное для говорящего состояние.

Прошедшее время

dil'dan ‘я плакал’

kil'dan ‘ты плакал’

dil'dan ‘он плакал’

dail'dan ‘она плакала’

dil'danɗan ‘мы плакали’

kil'ganɗan ‘вы плакали’

dil'anɗan ‘они плакали’

13. Глагол ‘летать’:

didoq ‘я лечу’

kudoq ‘ты летишь’

dudoq ‘он летит’

dadoq ‘она летит’

didanɗoqɗ ‘мы летим’

kuɗanɗoqɗ ‘вы летите’

duɗanɗoqɗ ‘они летят’

din'doq ‘я прилетел’

kin'doq ‘ты прилетел’

din'doq ‘он прилетел’

dain'doq ‘она прилетела’

din'danɗoqɗ ‘мы прилетели’

din'ganɗoqɗ ‘вы прилетели’

din'anɗoqɗ ‘они прилетели’

Показатель **n** выражает предельность действия.

Итак, анализ структуры простых глаголов приведенных групп глаголов показал, что их словоформы сохранили следы доминативного состояния енисейских языков.

Наиболее древней представляется группа супплетивных глаголов, что типологически оправдано. Супплетивные глаголы ‘говорить’ (ком-

ментатив); 'резнуть', 'резать', 'есть', 'знать', 'ложиться', 'лежать', 'бросать', 'получать'; 'есть, имеется'; 'есть, кушать'; 'мокнуть, промочить'; 'отдыхать, набирать силу'; 'плести' не имеют категории времени. А их предикативные показатели представляют собой сочетание дейксиса с классным показателем, указывающим на способ выполняемого действия и на актуальность/неактуальность этого действия для говорящего, ср. чередования: **-ja-** : **-na-**, **-s'a-** : **-l'a-**, **-s'a-** : **-na-**, **-bo-** : **-no**, **-ba-** : **-na-**.

Глагол 'есть' чередует \emptyset : **-l'a**.

Глагол 'проснуться' (пример 11) имеет в настоящем времени в 1-м лице суффикс **-di**, во 2-м лице **-ku**, в 3-м лице **-ja**; в прошедшем времени 1-е и 2-е лица не выражены совсем, а в 3-м лице предикативным показателем является **-na**. Пожалуй, этот глагол является реликтом переходного состояния классной структуры к классно-личной. Его можно считать памятником этапа становления глагола как части речи, его обособления от имени. Категория времени еще отсутствует. Форма прошедшего времени – это фактически проявление категории состояния, ср. югский глагол 'лежать' (пример 5) в прошедшем времени.

Очень важно, что и для коттского глагола М.А. Кастрен выделил претеритальные аффиксы **-la** (*lo*), **-na** (*no*), **-ra** (*ro, ru*) и т.п. [Castren, S. 105].

Если учесть былой синкретизм енисейского имени и глагола (см. [Поленова, 2012, с. 15 – 22]), то слова А. Чикобава о грузинском глаголе кажутся вполне справедливыми и в отношении енисейского языка: «'Глагольное' идет от 'именного', в становлении 'глагольного' статические глаголы образуют древнейшую формацию, они ближе всего к именам» [Чикобава, с. 40]. Сравним кет. *bu don' kajn'am* 'он нож взял' и *abaŋa tajam* 'мне холодно', югск. *to:ditda* 'она лежала' и *sujat ugda* 'платье длинное'; *kan'u:s'a i:s* 'там есть рыба' и *oŋas'a* 'прежний'; кет. *du:l'na* 'я вымок' и *kina* 'эти', *tuna* 'эти, те', *qana* 'те'; *de:s'i* 'я кричу' и *bo?ls'i* 'толстый'; *sitdi* 'я проснусь' и *qadi* 'я большой'.

Глаголы, оформленные по типу предикативных имен, бесспорно древнейшие. Если глагол 'говорить'(комментатив) – реликт классного строя, то остальные глаголы этого типа отражают разные ступени активной формации. Раннеактивный период характеризовался наличием двух форм у одного и того же глагола: формы действия и формы состояния. В кетском языке это отражается в наличии двух серий личных показателей: группа *B* и группа *D*.

Следующая ступень – специализация предикативных показателей **-la** и **-na** для выражения категории состояния, не актуального для говорящего. Причем **-la** означало состояние-процесс, а **-na** – состояние-факт.

Ср. *has'a* 'режу': *hal'a* 'резал', *kaja* 'резну': *kona* 'резнул'; *sitaja* 'он проснется': *sitona* 'он проснулся'.

Из этих примеров ясно видно, что классный показатель **-s'** передавал идею длительного, актуального для говорящего действия. Ему противостоял классный показатель **-l'**, выражавший длительное неак-

туальное для говорящего состояние. Формант *j* передавал представление о быстром действии, актуальном для говорящего. Показателю *-j-* соответствовал показатель состояния-факта *-n-*.

Дейксис 3-го лица *-a-*, *-on'* в формах состояния менялся на *-o-*, что тоже давало два ряда: активный ряд – *-a*, инактивный – *-o-*.

Следующий этап можно назвать периодом «оглаголивания» предикативных словоформ: выражение активности/инактивности, действия/состояния берут на себя личные показатели в препозиции: показатели группы *B* оформляют активные глаголы (глаголы действия), а группы *D* – инактивные глаголы (глаголы состояния), ср. глагол 'смотреть':

кет.	<i>diyado</i>	<i>baŋsuɣo</i> 'я смотрю'
	<i>kuyado</i>	<i>kuŋsuɣo</i> 'ты смотришь'
	<i>duyado</i>	<i>buŋsuɣo</i> 'он смотрит'
	<i>dayado</i>	<i>dabuŋsuɣo</i> 'она смотрит'

Следы категории состояния обнаруживают некоторые стативные глаголы кетского и югского языков, ср. глаголы 'лечь спать', 'отдыхать' (пример 10). Формы 'прошедшего времени' этих глаголов отражают тот процесс, который пережили стативные глаголы, отбрасывая именное оформление и приобретая глагольное.

Справа словоформа наращивается показателем способа действия и вида, соответственно: однократного / многократного; предельного / неопредельного. В глаголе 'лечь спать': *tadit* 'я лягу спать' – конечное *-t* выражает предельность. В кетском языке это суффикс, а в югском – инфикс.

Продвижение *-l'* и *-n-* внутрь глагольной словоформы изменило и их значение. Они стали выражать соответственно аорист и перфект, т.е. *-l'* – длительное действие или состояние, а *-n-* – результат.

Подобным образом описана эволюция категории времени в общеиндоевропейском языке: «Древнейшие окончания индоевропейского глагола выражали не только лицо, но и действие-состояние, вследствие чего они составляли две парадигмы. Из окончаний одной парадигмы развились впоследствии окончания презенса (кет. *-s-*, *-j-*. – Г.П.) и аориста (кет. *-l-*. – Г.П.), из другой – перфекта (кет. *-n-*. – Г.П.) и медиа (кет. *-bi-*. – Г.П.) – (см. [Савченко, с. 362]).

В глаголах с показателями группы *D* еще долго сохраняется различие между аористом и перфектом, т.е. соответственно между показателями *-l'* и *-n-*.

Ряд глаголов отражает переход от категорий действие/состояние к категориям презенс/аорист : перфект. Они имеют в прошедшем времени полные личные аффиксы (префиксы), совпадающие с личными предикативными показателями имени. А инфигированные *-l-* и *-n-* сохраняют свои первичные значения, соответственно 'длительное состояние' и 'мгновенное действие' (ср. 'резнуть').

Стативные глаголы (показатели группы *D*) получили субъектно-объектные показатели вначале только в презенсе. Перфект же представлял собой бессубъектную форму.

Признаки номинативной типологии приобретают глаголы движения. Глагол 'идти', как и неопределённый инфинитив, даёт пример первичных показателей категории времени у бывших активных глаголов: **-a-** – настоящее-будущее время, **-o-*** – прошедшее, ср. *boγat'n* 'я пойду, иду': *boγon* 'я пошел, шел'. Глаголы, имеющие чередование **-a- -j- : -o- -l'**, с точки зрения современного состояния дважды выражает категорию времени.

В конце активного периода глагольные словоформы выражают оппозиции «настоящее время: перфект» или «настоящее время: аорист». Затем вырабатывается категория времени с показателями **a : o**, соответственно настоящее : прошедшее время.

Таким образом, формальное выражение глагольной бинарной оппозиции «настоящее / прошедшее время» восходит к противопоставлениям действия состоянию, активного действия неактивному, длительного мгновенному, совершённого несовершённому.

* Не исключено, что чередование **-a- : -o-** представляет собой реликт версионности: **-a-** 'здесь, сейчас', **-o-** 'там, тогда, не сейчас, не здесь' [Поленова, 1987].

Литература

- Валл М.Н., Канакин И.А. Категории глагола в кетском языке. Новосибирск, 1988.
- Климов Г.А. Типология языков активного строя. М., 1977.
- Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
- Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 2009.
- Поленова Г.Т. Вопросы генезиса некоторых формантов кетского глагола // ВЯ. 1987. № 4.
- Поленова Г.Т. Диахрония грамматических категорий глагола (Истоки грамматической семантики). Saarbrücken, Germany, 2012.
- Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков: учеб. пособие. М., 2003.
- Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.
- Чикобава А.С. Грузинский язык. // Языки народов СССР. Т. IV. М., 1967.
- Castrèn M.A. Versuch einer Jenissei-Ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen. SPb., 1858.
- Vajda E.I. Morphotactic Rules in Ket finite verb form creation. // Междисциплинарное изучение этносов Сибири. Томск, 2001.

УДК 81'27
ББК 81.2-3

Г.Д. Скар

**ПРИНЦИП
КОНЦЕПТУАЛЬНОГО
ВКЛЮЧЕНИЯ
ТЕМАТИЧЕСКИХ
КОМПОНЕНТОВ
КАК АВТОРСКАЯ
СТРАТЕГИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ТЕКСТЕ**

Рассматриваются случаи, когда дискурсивное пространство художественного текста обладает более чем одной темой. Если в данном пространстве выявляется множественность тем, то одна из них предстает включающей. Отношения концептуального включения влияют на порядок представления тематических компонентов в художественном тексте. Если текст содержит темы различных типов, они репрезентируются не в произвольном порядке. На организацию данного порядка воздействуют как способ соотношения тем, определяемый концептуальным включением, так и жанр художественного текста, в котором актуализируются тематические компоненты.

Ключевые слова: *тематический компонент, множественная тема, отношения включения, дискурсивное пространство художественного текста.*

Скар Галина Дмитриевна – канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка Ростовского государственного медицинского университета

Тел.: 8-918-557-18-96; 8(863) 250-67-01
E-mail: sknar.galinadmitrievna @ yandex.ru

© Скар Г.Д., 2012.

Индикаторами темы художественного высказывания выступают как формальные, так и концептуальные показатели. Связность дискурсивного пространства художественного текста в значительной степени определяется тематическим компонентом. Однако множественный характер темы может разрушить когерентность текста. В связи с этим в тексте актуализуются различные способы ограничения этой множественности.

Одним из действенных способов ограничения множественности тем выступает принцип концептуального включения: одна тема концептуально включается в другую тему, если между данными темами обнаруживаются отношения дополнительности. Включаемая тема в этом случае моделирует «мыслительную подструктуру» включающей темы.

В проанализированных нами текстах, когда в дискурсивном пространстве обнаруживается цель и другая тема, то данная тема непосредственно включается в цель (темой в данном случае является персонаж, который обладает определенной целью); макропредикация также включает в себя другие темы на основании отношений дополнительности (макропредикация суммирует то, что высказывание сообщает о другой теме).

Таким образом, сказанное можно отобразить в виде цепочки включений, представленной на схеме.

Ситуационная тема не обладает устойчивыми отношениями с другими темами. В общем, данная разновидность темы включает другие

темы, которые до этого были представлены в дискурсивном сегменте, а сама всегда включается в макропредикацию.

тема \subset цель \subset макропредикация
ситуация \subset макропредикация

Концептуальное включение между темами и дискурсивным пространством

Отношения концептуального включения, показанные на схеме, оказывают непосредственное влияние на порядок представления тематических компонентов в художественном тексте. Если текст содержит темы различных типов, они репрезентируются не в произвольном порядке.

На организацию данного порядка воздействуют два фактора:

1) способ соотношения тем, определяемый концептуальным включением;

2) жанр художественного текста, в котором актуализируются тематические компоненты.

Когда художественное высказывание обладает тематическими компонентами различных типов, включаемая тема непосредственно не употребляется после включающей темы. Этот принцип, последовательно соблюдаемый, как представляется, способствует адекватному восприятию художественного текста читателем. Ср.:

(1) «⁽¹⁾ Совсем недавно, во время пересмотра старых, затиснутых в шпагат рукописей и книг, она снова попала мне под пальцы: плоское, изыгненное узорами тело в блекло-голубом шелку, со свесившимся двуклиньем шлейфом.

⁽²⁾ Мы давно не встречались: я и моя книжная закладка.

⁽³⁾ События недавних лет были слишком не книжны и увели меня далеко от шкафов, набитых гербаризованными смыслами, – я бросил закладку где-то меж недочитанных строк и вскоре забыл и о прикосновениях ее скользкого шелка, и о тонком аромате книжных красок, исходящем из покорно впластанного в буквы мягкого и гибкого тела, забыл и о том... где я ее забыл.

⁽⁴⁾ Так дальнее плавание разлучает моряков с их женами... » (С. Кржижановский. Книжная закладка).

С учетом заголовка текста высказывание (1) вводит глобальную тему (она), которая также является дискурсивной. В высказывании (3) содержится ситуация, объясняющая, почему закладка оказалась среди рукописей и книг, и передающая отношение повествователя к объекту речи (ситуационная тема).

Тема-цель актуализуется только в последующем изложении, когда

читатель узнает, для чего оказалась нужной закладка повествователю («Тем более что практически важно – поскольку всякая встреча обязует – за подаренное прошлое отплатить хоть каким-нибудь будущим. Конкретнее: **надо было, не откладывая мою старую знакомую в долгий ящик, включить ее в мое ближайшее очередное чтение, предложить гостье вместо череды воспоминаний очередную пачку книг...**»).

Проанализированный в примере (1) текст выявил следующие закономерности: глобальная тема обычно вводится в иницирующих текст высказываниях; тема-цель моделируется, как правило, в процессе художественного повествования; пропозициональная тема выявляется к концу повествования.

Указанные закономерности отражают порядок концептуального включения, отмеченный на схеме. В данном случае целесообразно говорить о том, что не текст «соблюдает» указанный выше принцип концептуального включения тематических компонентов, а читатель использует его для адекватной интерпретации художественного текста. Вместе с тем исследователи отмечают, что в современном художественном дискурсе наблюдается тенденция опускать предварительные информационные установки моделирования повествования, распределять эту информацию в рамках последующего изложения.

В результате повествование иницируется как бы «в середине» излагаемых событий, предварительные информационные установки читатель выявляет косвенно на протяжении всего повествования. Подобная творческая манера конструирования художественного дискурса определяет тот факт, что в тексте нарушается отмеченный на схеме принцип концептуального включения тематических компонентов. Ситуационная тема представляется в тексте до актуализации участников данной ситуации. Ср.: (2) *«Госпиталь переполнен. Находчивый полковник медицинской службы Вильченко приказал сдвинуть койки. Теперь на двух спальных местах размещаются по трое. Дембеля и «деды» спят на панцирной сетке, «черпаки», «слоны» и «духи» посередине, на железном стьжке. Госпиталь все поставил с ног на голову. Здесь носят не форму, а казенные пижамы, больше похожие на робы. Упразднена двухъярусность казарменных кроватей, и старослужащие лишены привилегии первого этажа. В палате язвенников на двадцать «дедов» приходится семеро «духов»: Саша Кочуев, Федор Шапчук, Мамед Игаев, Роман Сапельченко, дуэт Глеб Яковлев – Андрей Прасковьян и я. Каждый выживает, как умеет. Кочуев родом из Белгорода. Кочуев обладает потусторонней особенностью. Он невидимка, человек-маск-халат, чуть что сливающийся с больничным ландшафтом. Глаз «деда», рыщущий в поисках жертвы, смотрит сквозь Кочуева и видит кого угодно, но только не самого прозрачного Кочуева. Он даже не получил кличку, потому что его никто не заметил. Деревенского Шапчука прозвали Шапкой. Это громоздкий и запуганный парень из-под Львова. Он говорит на украинском, с бабьим привизгом. Шапчуку достается больше других...»* (М. Елизаров. Госпиталь). В иницирующих текст высказываниях автор представляет ситуацию с точки зрения одного

из персонажей (псевдоавтора). Таким образом, ситуационная тема актуализуется до того, как вводятся персонажи, являющиеся дискурсивной темой текста. Фактически, участники моделируемой в тексте ситуации вводятся постепенно. Подобная авторская стратегия требует от читателя больших усилий по переработке поступающей информации.

Достижение определенного прагматического эффекта является доминирующей целью автора, в соответствии с которой осуществляется отбор языковых средств и частотность их функционирования в тексте [Семененко; Таюпова]. Нарушение принципа концептуального включения тематических компонентов как авторская стратегия в тексте рассчитана на определенную вербальную поведенческую реакцию читателя. Как представляется, подобная иерархическая организация тематических компонентов в тексте отражает современную модель отношения человека к вещам, которая носит признаки глубокой перверсивности, т.е. взаимной детерминированности, отождествления материальных и ментальных явлений. В тексте наблюдается своеобразная антропологизация повседневного быта, овеществление потребительского сознания современного человека. Доминирующее положение ситуационной темы в тексте отражает модус «вещистской» психологии современного человека. В процессе «распредмечивания» ситуации читатель выявляет сугубо экзистенциальное содержание ситуации, антропологический смысл повседневности, в которой, по воле автора, оказываются персонажи. Ситуативная тема оказывается мерой опредмеченного желания персонажа, функционально символизируемая языком. Возможно поэтому, она, реализуя большую смысловую нагрузку по сравнению с другими типами тем, занимает в тексте иницирующую позицию.

Поскольку тема предстает концептуальным понятием, установление дискурсивной темы в процессе читательской рецепции текста действует как формальные, так и собственно концептуальные показатели. Наиболее эксплицитным формальным показателем в процессе установления дискурсивной темы является формальное введение: референт, первоначально указанный в заголовке и предстающий синтаксическим фокусом высказывания. Высказывание в этом случае, как правило, обладает презентационной информативной структурой. Ср.: (3) «У самых морских выплесков стояла избушка: ветром подперта, облаком прикрыта. В избушке за мутным окном жил-был **старик**, продававший вопро- сительные знаки» (С. Кржижановский. Старик и море).

Установление компонента высказывания в качестве темы не ограничивается исключительно целями введения в повествование. В отношении некоторых тематических компонентов характерен другой композиционный принцип: за вводным высказыванием следует другое высказывание, содержащее перекодированное указание на тему, часто сопровождаемое указательным местоимением. Ср.:

(4) «*Это произошло в ранний предслужебный час на окраинах одной из столиц Европы. К трамвайной остановке, запруженной торопящимися портфелями, медленно огибая закругления, подкатил вагон... Эти порт-*

Фели, вхлынувшие в оба вагона, второпях не заметили, что конструкция заднего легка отличалась от обычного типа...» (С. Кржижановский. Желтый уголь).

Указательное местоимение отражает активный когнитивный статус референта. В частности, указательное местоимение *тот* предполагает контрастивную – по отношению к активному референту – референцию, которая переключает внимание читателя с одного референта на другой. Ср.: (5) «...они переругиваются вполголоса, но я-то понимаю, что это просто репетиция ночного спектакля, днем они оттачивают интонации, шлифуют диалоги. Их выдуманная самоагрессия полностью гасит агрессию внешнюю, дескать, им и так от самих себя досталось. **Тот пониже**, Сапельченко, заводит рассказ о себе. Это невероятные, наверняка выдуманные истории из его доармейской никчемной жизни, выставяющие Сапельченко в жалком и комичном виде» (М. Елизаров. Госпиталь). Подобный тематический компонент семантизирует следующую установку автора: я повествую об активном референте, который только что был введен, а не о том, о котором говорилось до этого. В процессе установления дискурсивной темы, следовательно, указательное местоимение может потенциально выступать текстовым индикатором переключения с одного актуального тематического компонента на другой компонент или, иными словами, подтверждать факт подобного переключения.

Отношения включения характеризуют когнитивную функцию дискурсивных тематических компонентов, задействованных в художественном тексте, которая состоит в конструировании фантазматического экрана, маскирующего опыт персонажа. Понимание глобальной темы текста, смысл которой представлен имплицитно, предполагает мыслительность читателя. Этот смысл опредмечивается в текстообразующих средствах, предполагающих активизацию иерархически соподчиненных типов рефлексивного понимания (семантизирующего, когнитивного, смыслового). В процессе периодической реактивации глобальной темы выявляются очередные идентифицирующие компоненты домена темы.

Литература

Семенов Л.П. Основы коммуникативно-целевой семантики : учеб. пособие. Орел, 1999.

Тялова О.И. Современные подходы к изучению текстов // Вестн. Башкирского университета. 2009. Т. 14, № 3. С. 775 – 779.

УДК 811.11
ББК 81.0

А. С. Румянцева

МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО ЯДРА МНОГОЗНАЧНОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО «HARD» И ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

В статье раскрывается методика поиска содержательного ядра, лексического прототипа, многозначного слова в английском языке. Лексический прототип служит основой актуализации значения слова в речи и включает «ближайший» лексический прототип, т.е. номинативно-непроизводное значение слова, и «дальнейший», являющийся более высоким уровнем абстракции, позволяющим осмыслить все значения слова, в том числе и переносные. Коммуникант использует лексический прототип для интерпретации речевых высказываний. Предлагается пересмотреть вопрос о природе значения слова.

Ключевые слова: *семантика, значение слова, биология познания, лексический прототип, метафорический перенос.*

Румянцева Анна Сергеевна – аспирант кафедры английской филологии РГПУ им. А. И. Герцена
Тел.: 8-921-234-75-67; 8 921 874 66 50
E-mail: smile_like_annie@yahoo.com

© Румянцева А.С., 2012.

Сторонники лингвистики Ф. де Соссюра считают, что язык представляет собой «самоорганизующуюся», пассивно усваиваемую носителями языка систему, зеркально представленную в речи. При этом язык является готовым коллективным продуктом. В рамках системы языка значение слова представляет собой «отпечаток в мозгу» коммуниканта о некоем объекте действительности [Соссюр, с. 57]. Что касается семантической структуры многозначного слова, то она состоит из «склада» готовых к употреблению значений данной языковой единицы или набора признаков, которые являются как обязательными для идентификации смысла высказывания, так и привносящими новые оттенки значения [Там же, с. 52, 109].

Исходя из сказанного очевидно, что функционирование системы языка основано на осознанном выборе коммуникантом готовых значений из «склада», находящегося в голове каждого носителя языка. Поэтому роль индивида в процессе создания и усвоения языка сводится скорее к роли субъекта познания, чем творца.

Однако изучение человека в рамках биологии и психологии влечет пересмотр сложившихся представлений о природе языка, его функционировании и роли индивида в этом процессе. Новое направление в рамках когнитивной лингвистики, а именно, биология познания, обращая внимание, прежде всего, на деятельность человека как механизм познания, на котором основывается поведение людей для приспособления к окружающей среде [Maturana],

отводит носителю языка иную роль. Человек является точкой отсчета всех лингвистических исследований, и язык вне его поведения не существует [Кубрякова, с. 212]. Только человек способен создавать язык, генерировать и конструировать смысл сообщений и определять, соответствуют ли они онтологии мира.

Внимание к человеческому фактору в языке обусловлено учетом биологических свойств индивида: ограниченности его способности хранить информацию и уникальности в каждый конкретный момент той среды, в которой живет и развивается каждый носитель языка. Это приводит, в частности, к пересмотру сложившихся представлений о значении слова и о наличии их «складов». С точки зрения биологии познания, значение не может существовать как нечто заранее готовое. Оно выводится коммуникантами всегда заново и соответствует состоянию организма, которое возникает как результат изменений как окружающей, так и его внутренней среды. При этом поступающая информация соотносится с существующим у человека понятием о ценности того или иного объекта [Златев, с. 311]. Значение возникает и функционирует в теле носителя языка на основе его опыта взаимодействия с окружающим миром. Понимание коммуникантами друг друга в процессе общения обеспечивается за счет того, что языковые личности развиваются в более или менее одинаковых условиях. Таким образом, значение определяется оценкой организмом чего-либо с точки зрения приспособления к условиям физической и культурной среды, и тем самым, в конечном счете, предпосылкой выживания [Cowley; Arkhipov].

Создание значения в каждый конкретный момент общения основывается частично на уже существующем в теле знании и частично создается в момент коммуникации на основе оценки состояния организма и окружающей среды [Arkhipov]. Следует отметить, что коммуникант не может заранее предугадать, какие факторы внешней среды будут оказывать на него влияние в каждой предстоящей ситуации общения, следовательно, он реагирует на все непредвиденные обстоятельства. Однако исследователь может изучать то знание о языковых единицах, которое хранится в долговременной памяти носителя языка и которое является основой понимания людьми друг друга. Таким, в частности, является знание содержательного ядра слова или, в концепции И.К. Архипова, «лексического прототипа» [Архипов, 2008].

Лексический прототип (далее ЛП) рассматривается как инвариант, «наилучший представитель» семантики слова на уровне лексико-семантической системы языка. Он является «минимальным пучком интегральных и дифференциальных признаков, необходимых для идентификации предмета или понятия». Это дает возможность представить совокупность необходимых для каждой ситуации общения переносных смыслов, которые известны любому носителю языка [Архипов, 2008, с. 115; Песина, с. 52]. Кроме того, ЛП служит основой формирования всех остальных значений слова и, очевидно, не выходит за грань восприятия среднего представителя данного языкового сообщества [Песи-

на, с. 53].

Исходя из сказанного становится ясно, что в основе формирования ЛП лежит наивная картина мира обыденных носителей языка, что и служит основой формирования ЛП слов. В нем отражаются наиболее существенные, с точки зрения большинства носителей языка, денотативные и различительные признаки [Архипов, 2008]. ЛП позволяет отказаться от учета узких и редко встречающихся значений слова в пользу того, что известно любому носителю языка.

Функционирование ЛП происходит следующим образом: имея, в целом, тот же ЛП, что и слушающий, и оценивая изменение состояния окружающей его среды, говорящий создает актуальное значение слова, отсылает его форму в виде звукового или графического сигнала и тем самым выстраивает языковой контекст. Восприняв форму, коммуникант выводит прямые и переносные значения, «прикладывая» ЛП слова к различным ситуациям [Архипов, 2008, с. 157; Песина, с. 52]. Таким образом, слушающий использует тот же механизм на основе ЛП в обратной последовательности.

Рассмотрим методику поиска и механизм функционирования ЛП на примере английского многозначного прилагательного «hard». Начальным шагом к достижению поставленной цели является анализ первых дефиниций толковых словарей английского языка, приведенный в таблице, с целью определения «усредненного» номинативно-непроизводного значения слова (далее ННЗ). Поскольку принято считать, что ННЗ служит отправной точкой и основой деривации всех остальных лексико-семантических вариантов слова, ННЗ является и единственной базой формирования всей семантической структуры многозначного слова [Архипов, 2008, с. 153 – 154].

Определение ННЗ

Словарь	Дефиниция первого ЛСВ	Интегральные признаки	Дифференциальные признаки
1. OED	<u>Resisting</u> force, pressure or effort of some kind: expressing consistency of matter: that doesn't yield to blows or pressure; not easily penetrated or separated into particles; firm and resisting to the touch; solid, compact in substance and texture.	<i>Firm and difficult to damage</i>	<i>By force, pressure or blows</i>

Продолжение таблицы

2. W3	Not easily penetrated, cut or separated into parts: not easily yielding to pressure	<i>Firm and difficult to damage</i>	<i>By pressure or cutting</i>
3. CIDE	Firm and stiff, not easy to bend, cut or break	<i>Firm and difficult to damage</i>	<i>By bending, cutting or breaking</i>
4. AHD	Resistant to pressure, not readily penetrated	<i>Firm and difficult to damage</i>	<i>By pressure</i>
5. COBUILD	Smt that is hard is very firm and stiff rather than soft to the touch and usually not easily bent, cut or broken	<i>Firm and difficult to damage</i>	<i>By bending, cutting or breaking</i>

В соответствующих дефинициях методом компонентного анализа выделяются общие элементы значения – семы, которые составляют «ближайший ЛП», т.е. то, что прежде всего приходит человеку на ум, когда он сталкивается с формой слова [Архипов, 2008, с. 153 – 154]. На основе выявленных признаков «усреднённого» ННЗ можно сформулировать ближайший ЛП прилагательного *hard* как «*firm and difficult to damage by external physical force*».

Следующим шагом является проверка и подтверждение прототипичности признаков, входящих в ближайший ЛП, посредством объяснения значений остальных ЛСВ прилагательного *hard* на его основе. Если указанные признаки прослеживаются от значения к значению, можно констатировать, что они входят в содержательное ядро прилагательного *hard*, т.е. в его дальнейший лексический прототип.

Hard (2) not easily impressed or moved, unfeeling, callous, hard-hearted (Shorter): e.g. *He can be such a hard taskmaster* (Shorter) = This person is firm and difficult to change by external (physical) force, as it were.

Значение переносится на основе сравнения качеств личности и свойств твердых предметов: *the characteristics of a hard taskmaster are like those of a hard object*. Подобное объяснение позволяет считать данное значение образованным по **метафорическому переносу** (*hard₁ object* → “*hard₂” person*), так как характер и качества человека не могут быть твердыми на ощупь.

Аналогичным образом можно проинтерпретировать **метафорический характер** следующих словарных значений прилагательного *hard*:

Hard (3) requiring effort or skill, occasioning trouble, difficult, laborious, fatiguing, troublesome (Shorter): e.g. *It was hard work on the farm but satisfying*. (CIDE) = It was work which resisted great external

physical force, *as it were*: процесс работы, характеризующийся при помощи прилагательного *hard*, сравнивается с работой над изменением состояния твердого предмета. Сходство заключается в количестве усилий, которые нужно приложить для достижения нужного результата в обоих случаях.

Hard (4) difficult to comprehend or explain: obscure, dark, thorny (W3): e.g. *To ask hard questions*. (Shorter) = To ask questions that are difficult, laborious, and fatiguing; that are firm and difficult to damage by external physical force, *as it were*: отождествление усилий, которые нужно затратить на решение сложной умственной задачи и процесса, требующего приложения физической силы.

Hard (5) not speculative or conjectural, based on fact, objectively existent, factual, actual, reliable (W3): e.g. *Backed by evidence which he considers hard*. (W3) = the evidence which was firm and difficult to damage (deny) by external physical force, *as it were*: сравнение характеристик бесспорного факта или доказательств с характеристиками твердых предметов. Для того чтобы изменить характеристики и того, и другого, нужно приложить большие усилия.

Hard (6) of money: in specie as opposite to paper currency, or in currency as opposite to cheques (Shorter): e.g. *They require payment in dollars, pounds and other hard currency*. (W3) = Currency, money that is firm enough to withstand external (physical) pressure, *as it were*: сравнение устойчивости к повреждениям металлических монет и устойчивости курса определенной валюты к влиянию различных экономических факторов. При этом понятия о валюте и чеках являются абстракциями.

Hard (7) not easily moved by sentiments, of a practical, shrewdly intelligent character (Shorter): e.g. *My books don't tell me... a good heart gets on in the world: it is a hard head*. (Shorter) = It is a head that resists a firm object which is difficult to damage by external (physical) force, *as it were*: сравнение свойств твердого предмета и свойств характера или ума человека, который никогда не может быть твердым на ощупь.

Hard (8) harsh or unpleasant to the eye or ear, aesthetically unpleasant (Shorter): e.g. *Painted in colors of the railway stations and schools: hard green and dirty cream*. (Shorter) = colors that were so intense that an exposure to it was difficult to withstand, *as it were*: сравнение эффекта от встречи с твердым предметом и попыток изменить его свойства. На твердые предметы сложно воздействовать, что оставляет негативные впечатления. Кроме того, твердый предмет есть что-то жесткое, часто холодное, поэтому неприятное.

Hard (9) of water: characterized by the presence of dissolved substances (as salts of magnesium or calcium) that prevent the formation of lather with soap. (W3): e.g. *One way to counteract hard water is by using a water softener*. (COBUILD) = water the exposure to which is difficult to withstand, *as it were*: сравнение сложности вступления в химическую реакцию твердых предметов и «твердой» воды, которая, согласно сте-

реотипу, состоит из частиц воды и твердых примесей, например солей магния и кальция, что делает ее «жесткой».

При определении содержательного ядра слова необходимо учитывать его инвариантный характер, так как оно должно быть основой формирования всех значений слова [Архипов, 2008, с. 109]. Поскольку говорящий знает ЛП и схемы вывода и создания нужных речевых значений на основе картины мира и своего опыта взаимодействия с миром [Архипов, 2009], человек имеет возможность осмысления любого объекта или его признака с помощью ЛП. Так, абстрактные признаки могут быть осмыслены на основе использования механизма уподобления «like», «as if», «as it were» [Песина, с. 26], что позволяет сформулировать лексический прототип прилагательного *hard* в общем виде следующим образом: «*firm and difficult to damage by external physical force, or as it were*». Подводя итог, можно сделать вывод, что на системном уровне хранятся единицы высокой степени абстракции.

Теория ЛП позволяет пересмотреть взгляды на лексическое значение слова как на нечто заранее готовое и на механизмы его вывода. На основе данной теории было показано, что (материальный) предмет – форма слова (акустические колебания воздуха или пометки на бумаге) – воздействуют на рецепторы человека таким образом, что в его сознании формируется значение и закрепляется на уровне системы языка в виде абстракции, инварианта, – ЛП, концентрирующего суть данного понятия. Включение в ЛП абстрактных компонентов на основе сравнения придает ему статус семантического ядра, достаточно компактного для хранения в долговременной памяти. «Прикладывая» ЛП к ситуациям общения, коммуникант получает возможность выводить семантические признаки сущности, релевантные в данном контексте [Архипов, 2008, с. 153 – 154; 2009, с. 135 – 136].

В рамках этой теории все значения слова оказываются равностатутными, т.е. актуализациями, равноудаленными от прототипа и не зависящими друг от друга. Поэтому теория ЛП представляется адекватной, так как она описывает механизмы речепорождения и интерпретации смысла актуального высказывания в реальном времени и пространстве в условиях коммуникации, проходящей на исключительно высоких скоростях, измеряемых в пико-секундах [Архипов, 2008, с. 215 – 230].

Преимуществами теории ЛП, судя по всему, является то, что, во-первых, механизм действия ЛП учитывает человеческий фактор, так как известно, что только говорящий способен выделять предметы и явления из окружающего мира, находить связи между ними и их неотъемлемыми частями и давать им имена. Во-вторых, ЛП, очевидно, соответствует в большей степени реальностям функционирования системы языка, состоящей из единиц содержания высокой степени абстракции, которые являются основой вывода всех ЛСВ. Такое предположение более соответствует действительности и природе значения, которому на биологическом уровне соответствует изменение состояния организма в ответ на изменение окружающей среды.

Литература

Архинов И. К. Язык и его функция: смена парадигм научного знания // *Studia linguistica cognitiva*. № 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. Иркутск, 2009.

Архинов И. К. Язык и языковая личность. СПб., 2008.

Златев Й. Значение = жизнь (+культура): набросок единой биокультурной теории значения // *Studia linguistica cognitiva*. № 1: Язык и познание: методологические проблемы и перспективы. М., 2006.

Кубрякова Е. С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. М., 1992.

Песина С. А. Методика определения содержательного ядра многозначного существительного современного английского языка // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. №11. СПб., 2005.

Соссюр Ф., де. Труды по языкознанию. М., 1977.

Arkhipov I. K. Biology of Cognition, Biosemiotics, and Second Language "Acquisition" // *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions*. – Newcastle upon Tyne, 2012 (in press)

Cowley St. J. Cognitive Dynamics: Language as Values Realizing Activity // *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions*. – Newcastle upon Tyne, 2012 (in press).

Maturana H. R. Biology of Cognition // Biological Computer Laboratory Research Report BCL 9.0. University of Illinois, 1970. URL: <http://www.enolagaia.com/M70-80BoC.html>.

Словари

CIDE – Cambridge International Dictionary of English. Cambridge University Press, 1995.

COBUILD – Collins Cobuild English Language Dictionary. Collins Reference, 1996.

AHD – the American Heritage Dictionary of the English Language. Houghton Mifflin Company, 2009.

OED – the Oxford English Dictionary. Oxford University Press, 1961.

Shorter – the New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Clarendon Press, Oxford, 1993.

W3 – Webster's Third New International Dictionary unabridged. Encyclopedia Britannica, Inc., 1993.

УДК 413.161+413.13
ББК 81.2 Рус. – 4

О.Ю.Руденко

ПОНЯТИЕ ИНОЯЗЫЧНОСТИ

Представлен широкий подход к иноязычности. Рассматриваются такие ее разновидности, как лексическая – актуальная иноязычная лексика, словообразовательная – превращение компонентов иноязычных слов в форманты, графическая – совмещение в пределах одного слова кириллицы и латиницы. Иноязычность представлена также через призму языковой игры, что позволяет говорить о многофункциональности иноязычности в современном русском языке и, прежде всего, в языке современных СМИ.

Ключевые слова: *иноязычность, актуальный неологизм, иноязычный формант, графодериват, графоглибридизация.*

Руденко Ольга Юрьевна – соискатель кафедры русского языка Южного федерального университета
Тел.: +7-961-299-23-23
E-mail: palma2323@yandex.ru

© Руденко О.Ю., 2012.

Вынесенное в заголовок ключевое для нашего исследования слово *иноязычность* отсутствует в известных нам толковых словарях русского языка, тем не менее его словообразовательная структура вполне очевидна, поэтому обратимся к словарям для уточнения значения прилагательного *иноязычный*, ср.: 1. Говорящий на ином языке. 2. Принадлежащий иному языку [Ожегов, с. 11]. Очевидно, производное существительное *иноязычность* может иметь значение «принадлежность иному языку».

В словаре О.С.Ахмановой это прилагательное имеет значение «заимствованный из другого языка» [Ахманова, с. 178]. Исходя из этого определения иноязычность можно понимать как «заимствование из другого языка». В задачи нашего исследования входит именно эта сторона исследования иноязычности, при этом под *иноязычностью* мы вслед за Е.А. Земской будем рассматривать довольно широкий круг явлений, активно функционирующих, прежде всего, в языке современных СМИ. Это, во-первых, иноязычная лексика, во-вторых, так называемые иноязычные строительные элементы словообразования. И, наконец, иноязычные написания. Первое из явлений достаточно хорошо изучено и описано в отечественной лингвистике. Нелишним будет заметить, что в понятие *заимствование* обычно вкладывают именно заимствование слов, ср.: «В 90-е годы XX столетия одним из наиболее активных и социально значимых языковых процессов оказался процесс заимствования

иноязычных слов» [Валгина, с. 108]. На важность исследования второго проявления иноязычности обращает внимание Е.А.Земская: «Рассматривая процесс заимствования, необходимо учитывать еще один важный аспект этого явления – включение иноязычных элементов в грамматическую систему русского языка. Словообразование приобретает новые функции – способствует включению иноязычных элементов в русский язык» [Земская, 2004 с. 518]. Л.П.Крысин объединяет оба названных процесса общим термином *интернационализация*, ср.: «В самом процессе лексического заимствования следует отметить тенденцию к интернационализации как словаря, так и способов образования слов» [Крысин, 2008, с. 172].

Третье из проявлений иноязычности представлено, в свою очередь, следующими разновидностями. Во-первых, «в русский текст могут включаться иноязычные слова, написанные, как им положено, в оригинале. Так, в текстах о моде постоянно встречаются выражения типа коллекция *prêt-à-porter*, выставка *haute couture* [Земская, 2004, с. 519]. Во-вторых, ученые отмечают такое новое явление в процессе иноязычного заимствования, как «образование так называемых слов-«кентавров»: одна часть такого слова – русифицированная или просто русская, а другая (обычно начальная) представляет собой слово или морфему, перенесенные из другого языка в «нетронутым» виде, т. е. изображаемые на письме латиницей: *web-сайт*, *web-служба*, *webразработка*, *e-mail-адрес*, *e-почта*, *WWW-сервер*, *WWW-страница*, *Internet-карта*, *ISQ-сервер*, *VIРобслуживание*, *TV-программа* и под.» [Крысин, 2008, с. 173].

Таким образом, иноязычность в современном русском языке представлена достаточно разнообразно. Не менее важным моментом является и многофункциональность иноязычности. Сошлемся на авторитетное мнение Е.А.Земской, которое находит поддержку и у ряда других ученых: «Наряду с серьезной номинативной функцией иноязычность используется как средство языковой игры» [Земская, 2004, с. 519].

Представим иноязычность в перечисленных разновидностях и функциях.

1. Актуальные иноязычные неологизмы

Активный приток в русский язык новой заимствованной лексики нашел выражение в формировании новой терминологии для ее обозначения. Одним из удачных терминов является термин *актуальные неологизмы*, которым Е.В.Маринова обозначает «заимствованные из чужой действительности и ставшие актуальными в нашей действительности реалии, понятия» [Маринова, с. 426]. Актуальные неологизмы тематически принадлежат к самым разнообразным сферам коммуникации – экономике, политике, социальной сфере, культуре и т.д. и т.п. В данной статье мы представим такое актуальное для наших дней понятие, как:

Инаугурация. В толковых словарях русского языка это слово фиксируется начиная с конца XX в., ср.: **Инаугурация**, и, ж. [англ. *inauguration*]. Торжественное вступление в должность главы государства [ТС-98, с. 266]. В таком авторитетном издании, как «Толковый

словарь иноязычных слов», словарная статья выглядит следующим образом: **ИНАУГУРАЦИЯ**, и, ж. [англ. inauguration<лат. inauguration начало], *полит.* Торжественная церемония вступления нового *президента* страны в должность (преимущ. В США, а также в нек-рых других странах) [Крысин, 2009, с. 298].

Слово постепенно обрастает производными. Так, вполне логично появление прилагательного *инаугурационный* со значением «относящийся к инаугурации» [ТС-2001, с. 399]. Словообразовательное гнездо пополняется с участием СМИ, ср: Путин в 2004-м *инаугурировался* в бордовом (галстуке. – *О.Р.*) (КП, 2008, 6 мая).

Блестящий пример обыгрывания как существительного инаугурация, так и производных от него – глагола и причастия – представлен в статье под затейливым заголовком: *В России новая беда – массовая «кенгурация»* (КП, 2001, 17 февр.). Иронизируя над прокатившимся по России парадом губернаторских инаугураций, оценивая его как стихийное бедствие, автор замечает, что «в некоторых районах заморское слово “инаугурация” никак не выговаривалось, потому для простоты произношения помпезный ритуал стали называть “кенгурацией”. В итоге за каких-то два месяца “откенгурировались” 32 региональных вождя – 19 “старых” и 13 “новоиспеченных”. Сейчас эстафету перехватывают мэры, а за ними, по прогнозам политологов, настанет черед других уважаемых руководителей – от глав районов до домоуправов. <... >Газетная площадь позволяет нам прокрутить лишь несколько “кенгурационных” кадров».

Другой актуальный неологизм относится также к активно пополняемой лексике – *компьютерной*:

Блог, а, м. [англ. blog<web-log]. *Информ.* [ТС-2006, с.140]. Наряду с лексемой *блог* в словарь актуальной лексики включены заимствования *блогер* и суффиксальное производное от последнего *блогерство* [ТС-2006, с. 140 – 141]. Таким образом, можно говорить о формировании словообразовательной цепочки, которую дополнило имеющее разговорную окраску агентивное существительное *блогерша*, активно функционирующее в Интернете.

Одновременно неологизм *блог* активно участвует в языковой игре (ЯИ), «специализируясь» при этом на создании так называемых *орфографических окказионализмов* – слов, внешне напоминающих узуальные слова, но производящих впечатление их искаженного двойника [Ильясова, 2010, с. 467]. Покажем это на примерах. Так, орфографические окказионализмы создаются на базе церковнославянского слова *благо*, закрепившегося в русском языке вместо исконно русского *болого*. При этом, как правило, происходит замена узуального слова на орфографический окказионализм в устойчивом словосочетании, ср.: **ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЛОГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ** (заголовок). *Российская власть решила сыграть с активными пользователями Рунета на их поле* (подзаголовок) (Версия, 2008, № 39); **Блоготворное** (заголовок). *Выудить важную информацию из мутного потока мировой блогосферы поможет сайт www.lazureed.com*. (Итоги, 2010, 25 янв.); **БлОгие** намерения (АиФ, 2009,

№ 36 – о предложении губернатора Пермского края О. Чиркунова найти порочащие его факты в его блоге); **БЛОГИЕ НАМЕРЕНИЯ** (Версия, 2010, № 16 – о намерении Б. Акунина издать книгу по его записям в Живом Журнале).

2. Иноязычные форманты

Напомним, что в известной работе «Словообразование как деятельность» Е.А.Земская в качестве одного из показателей деятельностного характера словообразования называет появление новых строительных элементов, ср.: «В активное словопроизводство вовлекаются сегменты заимствованных слов типа *-дром*, *-тека*, которые на наших глазах превращаются в аффиксы» [Земская, 1992, с. 125].

Отмеченный процесс идет в современном русском языке достаточно активно. Проиллюстрируем его примером перехода строительного элемента *-бургер* в статус форманта. Элемент *-бургер* в сознании носителей русского языка прочно ассоциируется с актуальным неологизмом *гамбургер*. Это слово является новейшим заимствованием, при этом мнения авторов словарей иностранных слов несколько расходятся в оценке его происхождения, ср.: **ГАМБУРГЕР**, а, м. (англ. hamburger, от нем. Hamburg = название города в Германии) [Булыко, с. 160]. Более осторожный комментарий дается в другом авторитетном издании, ср.: **ГАМБУРГЕР**, а, м. [англ. hamburger – вероятно, от назв. одного из нем. городов – Гамбург (Hamburg)] [Крысин, 2009, с. 177]. Нелишним будет привести более ранний комментарий, принадлежащий тому же автору, ср.: *гамбургер* (англ. hamburger – от названия одного из американских городов – Гамбург, где впервые начали делать подобные бутерброды) [Крысин, 1996, с.148].

Как единица лексической системы русского языка слово представлено в ТС-98, ср.: **Гамбургер**, а, м. Бутерброд с горячей мясной котлетой, обычно приправленный майонезом, кетчупом [ТС-98, с. 168]. Заметим, что в этом определении содержится отсылка к более раннему заимствованию – *бутерброд*. В ТС-2001 представлено несколько иное толкование значения – «разрезанная пополам булочка с заложённым в нее горячим бифштеком с различными приправами» [ТС-2001, с. 166], это же значение сохранено и в ТС-2006.

Имея нулевую словообразовательную производность, слово в то же время оказывается втянутым в ЯИ, ср.: **Какабургер** (АиФ, 2001, № 25). По механизму создания это контаминация, где первой частью является устаревшее слово *кака* – «испражнения, дрянь, гадость» [Фасмер, с. 162]. По сути дела, это слово соответствует английскому *shit*, которое тоже выступает первой частью в контаминации, ср. *шитбургер*. Но если *какабургер* воспринимается как игровое слово, правда, с ярко выраженной установкой на оценку, то слово *шитбургер* употребляется в разных сферах коммуникации для обозначения такого изобретения японских ученых, как изготовление мяса из человеческих нечистот. Это слово употребил и автор заметки, правда, взяв его в кавычки и тем самым обо-

значив его новизну и необычность: *Получилось «мясо», якобы неотличимое от настоящего, из которого сделали «штурбургеры».*

3. Графодериваты

Графодериват – продукт *графодеривации*, т.е. графико-орфографического способа словообразования [Попова, с. 230]. Родовой термин графодеривация объединяет целый ряд способов, из которых нас будет интересовать «**поликодификация**, или **графогибридизация** – оформление новообразований с помощью графических средств разных языков» [Там же, с. 231]. Графодериваты этого типа достаточно частотны в языке СМИ и рекламы. Оценки их неоднозначны, в данной работе выскажем мнение, что вряд ли стоит оспаривать положение о том, что графогибридизация более уместна с опорой на иноязычный компонент. Можно говорить об удачных находках в обыгрывании иноязычности. Одной из них является игра с брендами автомобилей, примеры которой приводит С.В. Ильясова, см.: «**AUDI**»ениция с прекрасным; **Lancer**изация; **Saab**разно обстоятельством; **ML**адая душа и т.д. и т.п. [Ильясова, Амири, 2009, с.82]. Дополним эти примеры как нашим: **nRAV**о на выбор (7 Дней, 2012, № 7), так и примером из работы другого исследователя: **БезОРЕЛЯционное решение** <... >

Концерн General Motors отказался продавать свое немецкое подразделение консорциуму австро-канадской Magna и российского Сбербанка. «Группа ГАЗ» готова была использовать для сборки автомобилей Opel в России простаивающий конвейер модели Volga Siber (АИФ-НН, 2009, 10 нояб.) [Шумилова, с. 253].

Таким образом, как показало наше исследование, иноязычность представлена широко и многообразно. Полагаем, что можно говорить об иноязычности в современном русском языке как о системном явлении и многофункциональном явлении.

Литература

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
 Булыко А.Н. Современный словарь иностранных слов. М., 2005.
 Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2003.
 Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
 Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства// Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М., 1996.
 Земская Е.А. Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. М., 2004.
 Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М., 2009.
 Ильясова С.В. *Блогие намерения: к вопросу о правомерности создания так называемых орфографических окказионализмов (на материале языка СМИ конца XX – начала XXI века)* // Русский язык: исторической судьбы и современность: IV Междунар. конгр. исследователей русского языка. М., 2010.
 Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни// Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М., 1996.
 Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование// Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков. М., 2008.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2009.

Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М., 2008.

Ожегов С.П. Словарь русского языка. М., 1973.

Попова Т.В. Графодеривация в русском словообразовании конца XX – начала XXI века // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгр. исследователей русского языка. М., 2007. С.230 – 231.

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. СПб., 1998. (ТС-98)

Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. М., 2001. (ТС-2001)

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. М., 2006.(ТС-2006).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М., 1986.

Шумилова А.В. Новообразования в газетном заголовке: структурно-функциональный аспект (на материале нижегородских СМИ): дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2011.

УДК 811.2
ББК 81

Л.А.Брусенская

В ЧЕМ СОСТОИТ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ЯЗЫКУ?

Рассматривается содержание понятий «экологический подход к языку» и «лингвистическая экология», обсуждаются проблемы современного состояния русского языка, соотношения стандарта и субстандарта, культивирования публичного коммуникативного пространства.

Ключевые слова: *экология языка, лингвистическая экология, стандарт и субстандарт, культура речи, современная языковая ситуация.*

Брусенская Людмила Александровна – докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой теоретической и прикладной коммуникативистики Ростовского государственного экономического университета (РИНХа)

Тел.: 8-905-450-84-72
E-mail: brusensk@yandex.ru

Термином «экология», как известно, именуется наука, изучающая все связи организмов с окружающим миром, со средой обитания. С середины XX в. в понятие среды обитания человека последовательно включаются также и культурно-исторические ценности, вследствие чего возникли и новые терминологические сочетания: *экология культуры, экология истории, экология нравственности, экология этики и эстетики, экология мышления*, а также *экология слова, экология языка* и наконец – *лингвистическая экология*. Последнее стало широко использоваться применительно к проблемам исчезающих, вымирающих языков (задача, как и в случаях с вымирающими видами животных, виделась в их сохранении).

Но экологическая интерпретация возможна не только в тех экстремальных ситуациях, когда языку грозит подлинная гибель, но также для многих гораздо менее серьезных ситуаций. Соответствующая терминология все чаще стала применяться в связи с проблемами оскудения, инвективации речи, разрушением равновесия языка и культуры, немотивированным потоком заимствований (прежде всего – американизмов), а также в связи с расширением сферы применения субстандарта – жаргонов и просторечия. Поэтому у лингвистической экологии высокая социальная, культурологическая, духовно-нравственная значимость.

Такие области, как культура речи, общая и частные риторики, интерпретируются в экологиче-

ском аспекте как часть здоровой окружающей речевой среды современного человека.

Сегодня остро стоит вопрос об особом виде прав человека – лингвистическом праве, которое может стать составной частью зафиксированных международными документами прав человека. Это право состоит из нескольких компонентов, среди которых право на лингвистическую экологию: по этому праву человек не должен оказываться во враждебной языковой среде, где он терпит коммуникативный ущерб. Если человек испытывает унижение и стресс от бранной лексики, то общество обязано защитить его «лингвоэкологическое право». Один из способов защиты предлагает известный сатирик Михаил Задорнов. В период предвыборной кампании 2012 г. он опубликовал дополнения к программам наших кандидатов в президенты с таким предложением: «Год тюрьмы тому, кто матерится в общественном месте. Хочешь сквернословить – собери достойную компанию у себя дома и давай начинай!» (Советская Россия, 11 февраля 2012 г.)¹.

Практически все «большие языковые культуры» располагают развитыми субстандартными ярусами, и характерная всеобщая примета современной коммуникации состоит в том, что идет мощный процесс снятия табу на крайние проявления субстандарта – инвективы и обсценизмы. Истоки табуирования, действующего как безусловный императив, всегда экстралингвистические – исторические, культурные, социально-политические, эмоциональные. Сегодня процесс детабуизации обсценизмов захватил многие, в том числе и славянские, культуры.

Развитый национальный язык не может быть «монолитным»; он закономерно являет собой «систему систем», которая формируется как в соответствии с общим законом корреляции культуры и языка, так и в соответствии с национально-специфическими закономерностями развития конкретного социума. Общим свойством современных языков справедливо называется количественный рост жаргонизмов и усиление их влияния на многие аспекты коммуникации. В этом видят один из главных признаков «упадка» и русского языка.

Общественные дискуссии о русском языке, которые время от времени затевались в последние годы, имели либо очень узкий, частный характер (ср. общественный резонанс на изменение пометы рода при слове «кофе»), либо они касались использования языка в речи и прежде всего – проблемы жаргонизации публичных сфер коммуникации. А то, что русский язык по-прежнему велик и могуч, многим (и филологам – в первую очередь) кажется неоспоримым. Проблема видится лишь в том, что носители языка, особенно молодые, не овладели этими богатствами.

М.Н. Эпштейн [2006] предложил иной ракурс проблемы – состояние русского языка в целом, языка как общего достояния, как системы. К великому сожалению, слова о величии и богатстве русского языка сегодня лишь штамп позапрошлого века, который не отражает действительного положения дел. Русский язык претерпел такие потери, что ни

о каком величии говорить уже не приходится. Это особенно ясно видно при сравнении с другими европейскими, да и азиатскими языками, которые, наоборот, на протяжении XX в. бурно развивались.

М.Н. Эпштейн обращается к самой измеряемой сфере – количеству слов в языке. У Даля, как известно, 200000 слов, но они «областнические» – не общерусские. Словник Даля и в XIX в. был скорее обращен к прошлому, а не к будущему – к вещам домотканого быта, к старинным промыслам, ремеслам. Эти слова ни вернуть, ни возродить невозможно (да и не нужно). Самый полный словарь русского языка советского времени – БАС – насчитывает 120 тыс. слов. В новом академическом словаре предположительно будет 150 тыс. слов. Это очень мало, если сравнить со словарями английского языка: третье издание Вебстеровского словаря 1961 г. – 450 тыс. слов, полный Оксфордский словарь (1992 г.) – 500 тыс. слов, причем более половины слов в этих словарях не совпадает.

М.Н. Эпштейн указывает на авторитетные свидетельства, из которых следует, что в современном английском языке (с учетом околотерминологической лексики) около миллиона слов. М.Н. Эпштейн обращает внимание на то, что в 120 тыс. слов, зафиксированных в БАС, входит огромное число «дутых» единиц, каковыми он считает суффиксальные образования (от *рука* – *ручка*, *рученька*, *ручонка*, *ручища* и под.). Почти от каждого существительного возможно образование 4-5 производных с уменьшительными или увеличительными суффиксами. Они автоматически предсказуемы, регулярны. Благодаря им, реальное число существительных как минимум утраивается. Конечно, они передают важные прагматические оттенки, но они не фиксируют новых понятий, новых «мыслеобразов». Что касается глаголов, то там своя система «приписок»: глаголы совершенного и несовершенного вида, возвратные и невозвратные формы как отдельные словарные единицы. То есть наряду с экономическими, демографическими, статистическими и прочими приписками в России XX в. сложилась и система лексикографических приписок: официальная лексикография с самыми добрыми патриотическими намерениями систематически завывшала словарный фонд языка. Кстати, В. Даль этого не делал: при всей его неумной собирательской жадности к русскому слову он не включал уменьшительные и увеличительные формы как самостоятельные словарные единицы «без особых причин». От «приписок» избавлял сам принцип расположения слов – гнездовой, а не алфавитный. Даль считал, что алфавитный способ расположения слов в словаре «крайне туп и сух», ибо «самые близкие и сродные речения разносятся далеко врозь и томятся тут и там в одиночестве». Когда слово воспринимается в окружении родственных слов, оно по-особому отзывается в душе человека: особое звучание слова *родина* проистекает оттого, что в нашем сознании оно связано со словами *родиться*, *родной*, *род*, так что *родина* – это не то, что *государство*.

Получается, что реальное число слов русского языка можно вывести так: $120 : 3 = 40$ тыс. слов, и это удручающе мало. Это катастрофа сродни демографической. Это свидетельство истощения воли к жизни, воли к

смыслу.

Количество слов – мера того, насколько тщательно, подробно язык отражает реальность. В русском языке оказываются неразработанными целые области именований. М.Н. Эпштейн обратил внимание на то, что в русском языке нет любовной лексики: она либо медицинская, терминологическая, либо тяготеет к сквернословию. Средней зоны нет. Одно слово *любить* для всего: *люблю невесту* и *люблю макароны*, как будто это одно и то же. Нет нюансов, поэтому так трудно переводить на русский язык современные романы.

Когда в XVIII в. у нас не было языка науки, не было языка философии, лучшие представители нации понимали проблему и трудились над ее решением: создавались сотни новых книжных слов, и большинство из этих слов прижились. Ломоносов, Карамзин настойчиво вводили в обиход слова прежде всего отвлеченного характера, в которых в первую очередь нуждался язык – например, образованные с помощью исконных словообразовательных средств – абстрактные наименования с суффиксами *-ств*, *-ость*. Ломоносову принадлежат слова *притяжение*, *созвездие*, Карамзин ввел *промышленность*, *будущность*, *общественность*, *человечность*, *общеполезный*, *усовершенствовать*, он начал употреблять слово *трогательный* применительно к репертуару чувств, до него не было этой краски, не говорили *трогательное зрелище*.

Тот же словарь Даля не только дескриптивный – описывающий то, что есть, но и прескриптивный: в нем 14000 так называемых потенциальных слов, образованных по продуктивным моделям, а потому жизненных. Конечно, языку ничего нельзя навязать, но можно предложить в надежде, что предложенное не будет отвергнуто. И многое предложенное Далем вошло в общий язык. Кстати, слово «толковый» применительно к словарю впервые употребил Даль. У него были критики, которые говорили: а что, может быть бестолковый словарь? Но термин прижился: толковый значит «толкующий, раскрывающий значение слова». Если всеми другими словарями неспециалисты пользуются от случая к случаю – когда надо справиться, узнать значение неизвестного слова, уточнить ударение или грамматическую форму, то словарь Даля читают как книгу, и это в высшей степени увлекательное чтение. Это самый читаемый русский словарь и сегодня. Огромный интерес к электронному Далю².

Сегодняшние же попытки типа «Русского словаря языкового расширения» А.И. Солженицына и даже проект «Дар слова» М.Н. Эпштейна картину со словарным составом языка практически не меняют.

Русский язык переживает не самые лучшие времена. Язык – это динамика, в XX в. русский язык отстал в своем развитии от многих современных языков. Но даже с тем, что в нем имеется, мы обращаемся плохо. У нас совершенно нет культуры политических дебатов, культуры публичного красноречия – того, чем славились демократии прошлого, когда победа достигалась силой убеждения. В нашей публичной сфере торжествуют демагогия и манипуляция. У Даля в собранных им народ-

ных речениях говорится в том числе и о проблемах коммуникации: *Много говорено, да мало сказано; Красно говорит, а слушать нечего; Думка чадна, недоумка бедна, а всех тошней пустослов*. Как видим, лишь форма архаична, но сама мысль как нельзя более актуальна: все сегодня устали от пустых бездоказательных слов, от демагогии и словесного манипулирования.

Общий посыл экологии языка — дать объективную картину состояния языка, оценить все ее стороны, указать на опасности и предложить средства сбережения и приумножения богатств языка. Мнение о том, что наш язык переживает период смуты, нестабильности, кризиса, основано на фактах многочисленных словарных потерь.

Совершенно точно известно, что русское языковое пространство сокращается за счет утраты многочисленных производных слов. Русский язык называли морфологически одаренным: в нем оттенки смысла, эмоциональные нюансы часто передаются многочисленными суффиксами. В XIX в. на один корень *добр-* приходилось 200 производных, к XXI в. слов с этим корнем осталось всего 56. Например, было слово *доброрадство*, но исчезло. А *злорадство* осталось, и очень актуально. То есть радоваться чужому несчастью — актуально. А смысл 'радоваться чужому счастью' оказался невостребованным. Слов с корнем *люб-* было 120, осталось 40. И так со многими однокоренными словами. И если представить язык в виде дерева, где словообразовательные гнезда — это ветви, а отдельные слова — листья (а это старинная метафора, существующая во многих лингвокультурах), то мы видим засыхающее дерево. Оскудение словарного запаса свидетельствует об оскудении мыслей и чувств. С русским языком происходит примерно то же, что с населением: население России чуть ли не втрое меньше того, каким должно было быть по демографическим подсчетам начала XX в. [Эпштейн].

Экологический подход к языку заставляет критически осмыслить ситуацию с иноязычными заимствованиями. Особенность этой ситуации не только в том, что количество этих заимствований угрожает самобытности языка, но и в отсутствии (на фоне заимствований) собственного словотворчества.

Еще в прошлом веке был сделан вывод о том, что литературный стандарт становится все менее стандартным, и этот вывод еще более справедлив в XXI в., когда приходится констатировать торжество субстандарта над стандартом. В середине прошлого века причину жаргонизации языка пытался осмыслить К.И. Чуковский, писавший, что на многих жаргонных словах ему видится печать того душевного убожества, которое Герцен называл «тупосердием». С острой пронзительной жалостью глядел Чуковский на этих «тупосердных (и таких самодовольных) юнцов». Злокачественность жаргона заключается в том, что он не только вызван обеднением чувств, но и сам, в свою очередь, ведет к обеднению чувств. В свое время Чуковский видел такую причину жаргонизации: изрядная доля людоедских словечек создана, так сказать, в противовес той нудной, фальшивой и приторной речи, которую продолжают культивиро-

вать в школах. Уж очень опостытели «типичные представители», «показ отрицательного героя» и тому подобные шаблоны схоластической речи. Дети как бы сказали себе: уж лучше мура и потрясно, чем типичный представитель, показ и наличие. «Облагородьте нравы молодежи, и вам не придется искоренять из ее обихода грубый и беспардонный жаргон. Так оно и будет, я уверен» – вот заключительные слова книги «Живой как жизнь». Но и «бескрасочная, дистиллированная» «гладкопись», которая формируется из боязни моветонной безвкусицы, аляповатой вульгарщины и фальши, по Чуковскому, нисколько не лучше жаргона [Чуковский, с. 467 – 652].

Сегодня многие экспрессивные субстандартные единицы вследствие постоянного употребления не только в устной, но и в письменной речи постепенно утрачивают свою образность, все более приближаются к литературному стандарту или теряют свою обособленность, расширяют границы своего использования. Традиционные качества жаргона – его исключительно разговорный характер и позиция ниже стандарта речи культурных людей – сегодня в значительной степени корректируются в связи с его активным влиянием на сам литературный стандарт. Это хорошо видно на примере текстов М. Задорнова, который сегодня взял на себя и такую важную функцию, как сбережение русского языка: он собирает и комментирует речевые «перлы», он организовал в Риге публичную библиотеку, он анализирует в своих выступлениях важнейшие языковые процессы, к нему обращаются с письмами в том числе и по вопросам, связанным с использованием языка, с ЕГЭ по русскому языку и т.д. И при всем этом оказывается, что жаргонная лексика – неотъемлемая часть его собственных текстов, причем она используется отнюдь не для «речевой характеристики персонажей», а как единственный способ наиболее точного и выразительного именованя; ср. примеры из его статьи, вышедшей накануне президентских выборов:

Если чубайсам и другим «рубильникам света» это не нравится, пускай уезжают из России. У них для «свалинга» бабла вполне достаточно.

*Конечно, надо бы их всех покадить, но об этом нельзя даже мечтать. Они – **друганы** главных жрецов приватизации.*

***Во накосячил** наш топ-менеджер всяя Руси, наш заводной медвежонок, пластилиновый президент!*

*Похоже, многим надоел даже Куршевель! Хочется чего-то более **прикольного!** Ой, как бы Болотная не стала местом новой **тусовки** – нашим адренилиновым «Куршевелем»!*

*На этот раз хорошо бы уберечь свою **крышу**, чтобы ее не снесло. Иначе **крышу** нам дадут извне (М. Задорнов. Народ не безмолвствует // Советская Россия, 2012, 11 февр.).*

Жаргон вообще построен по прототипу игры как глубинного, основополагающего свойства психической и социальной деятельности человека. Как видим, людическая функция жаргона проявляется даже в текстах поборников правильной русской речи, причем в таких текстах, которые претендуют на роль политической программы.

Коренное свойство языка – его динамичность, но в разные периоды язык меняется с разной скоростью. За последние 20 лет изменений в русском языке произошло столько, сколько обычно происходило за несколько веков. Слом социальный и технологический (Интернет) определяет язык, речевое поведение и этикетные формы. В магазине мы сегодня здороваемся и прощаемся – это вежливо, 20 лет назад вежливо было не здороваться и не прощаться. В этой этикетной перемене отражается огромное количество других изменений – экономических, социальных, психологических. Но витальность языка не беспредельна, и всякий язык нуждается в том, чтобы люди задумывались о его сбережении, сохранении. Главное – это следование общеэкологическому принципу (сформировавшемуся, как известно, в медицине) – «не навреди». При этом лингвистическая экология требует массового воспитания носителей языка, привития им навыков речевой культуры, поддержанию коммуникативного пространства, понимаемого как общее благо всех носителей языка. Владение языком изначально, в традициях, идущих из античности, имело этическую составляющую, связывалось с компетентностью, правдивостью, искренностью.

Как известно, понятие экологии, в том числе лингвистической экологии, становится особенно актуальным, когда ощущается противопоставление, даже конфликт между сиюминутными, краткосрочными потребностями и потребностями длительными. Всеобщее благо состоит в сохранении высокой культурной планки (особенно для публичного общения), и оно должно ограничивать проявление деструктивного начала, даже если для каких-то конкретных целей в определенной целевой аудитории оно оказывается актуальным.

Примечания

¹ Ср., как известный российский филолог, писатель и публицист Вл. Новиков пишет о массовости инвектив, о том, что инвективное словоупотребление слабо поддается правовому регулированию: *Сквернословие одержало очередную победу. Я имею в виду провал внесенного Николаем Губенко в Мосгордуму законопроекта об ужесточении наказаний «за употребление ненормативной лексики, жаргонных и сленговых выражений». <...> Следуя примеру Замятина и Оруэлла, попробовал я виртуально осуществить губенковскую идею. Вообразил себя честным милиционером, облеченным полномочиями, и стал гулять по городу, прислушиваясь к речи москвичей и гостей столицы. Кто матерится – тот хулиган, подлежащий задержанию. За четверть часа я «арестовал» полсотни лиц обоего пола и на этом остановился. Если «процесс пойдет», только им и должны будут заниматься все органы правопорядка и все суды. Да и то не справятся* (Вл. Новиков. Роман с языком).

² Многие выдающиеся деятели нашей культуры черпали в этом словаре не только информацию, но вдохновение. Например, Александр Ширвиндт в своих мемуарах написал: «Я люблю заглядывать в словарь Даля, чтобы прояснить корневую первооснову какого-либо понятия. Встречаю выражение «поэтический дар» – ну вроде кто не знает, но обращаюсь к Далю, а там – ‘отрешиться

от насущного, возноситься мечтою и воображением в высшие пределы, создавая первообразы красоты'. Персонаж, над ролью которого работает актер Ширвиндт, говорит: «Удивительная вещь – симпатия». И Ширвиндт пишет, что начиная готовить роль, по привычке первым делом обращается к Далю, а там написано: «Симпатия – беспричинное, интуитивное влечение к кому-то или чему-то...» Но надо прояснить, что такое «интуиция». Она, оказывается, «непосредственное постижение истины без предварительного логического рассуждения» (А. Ширвиндт. Schirwindt, стертый с лица земли. Книга воспоминаний).

Литература

Чуковский К.И. Живой как жизнь // Чуковский К.И. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М., 1990.

Эштейн М.Н. Русский язык в свете творческой филологии разыскания // Знамя. 2006. № 1.

ELR 81'25: [811.161.1+811.112.2]
ББК 81.2 Рус-7+81,2 Нем-7

И.Л. Кравченко

**К ПРОБЛЕМЕ
ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ
ПЕРЕВОДА
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ТЕКСТА**

Рассматриваются различные определения понятия эквивалентности перевода художественного текста. Автор обращается к трем основным подходам, раскрывающим термин «эквивалент» в современном переводоведении, определяет задачи переводчика. Анализируется подлинник стихотворения великого немецкого поэта Г. Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam» и различные переводы этого произведения на русский язык с точки зрения эквивалентности. Предпринята попытка разграничения собственно переводов, а также подражаний и пародий, источником которых является текст Г. Гейне.

Ключевые слова: эквивалентность, художественный перевод, язык перевода, творческая индивидуальность, национальная языковая картина мира.

Кравченко Ирина Леонидовна – ассистент кафедры русского языка и культуры речи факультета лингвистики и словесности Педагогического института Южного федерального университета

Тел.: 8-918-532-81-50

E-mail: vojtrina@yandex.ru

© Кравченко И.Л., 2012.

Эквивалентность в переводе можно рассматривать с нескольких точек зрения. Многие гуманитарные науки пытаются объяснить это понятие, и каждая – с помощью своей терминологии. Невозможно не признать вклад в разрешение этого вопроса, внесенный логикой, семиотикой, психологией, но теория художественного перевода должна выработать в вопросе эквивалентности собственную позицию.

В философском словаре дается следующее определение: «Эквивалентность (лат. *aequivalens* – равносильный, равнозначный) в логике – отношение между высказываниями (суждениями, предложениями, формулами), выражающие тот факт, что два высказывания имеют одинаковые значения истинности (т.е. оба истинны или оба ложны)» [Румянцева, с. 784]. Термин «эквивалентность» употребляют и в более широком смысле – для обозначения всевозможных отношений типа равенства, т. е. отношений, обладающих свойствами рефлексивности, симметричности и транзитивности. Примерами таких отношений могут служить подобие или равновеликость геометрических фигур, равноценность множеств, изоморфизм каких-либо систем, параллельность прямых или плоскостей.

В теории и практике перевода оперируют такими сходными понятиями, как эквивалентность, адекватность и тождественность. В широком плане эквивалентность понимается как нечто равноценное, равнозначное чему-либо, адекватность – как нечто вполне равное, а тождество – как нечто

обладающее полным совпадением, сходством с чем-либо. «Тождество» слова определяет его воспроизводимость в речи. Это является, как говорит А.И. Смирницкий, необходимым условием «самого существования и функционирования языка как средства общения» [Смирницкий, с. 14].

Как отмечает В.Н. Комиссаров, оценочная трактовка эквивалентности делает излишним употребление термина «адекватность» [Комиссаров, с. 56]. В современном переводоведении можно обнаружить три основных подхода к определению понятия «эквивалент». Некоторые определения перевода фактически подменяют эквивалентность тождественностью, утверждая, что перевод должен полностью сохранять содержание оригинала, А.В. Федоров, например, используя вместо «эквивалентности» термин «полноценность», говорит, что эта полноценность включает «исчерпывающую задачу смыслового содержания подлинника» [Федоров, с. 48].

Л.С. Бархударов же утверждает, что «текст перевода никогда не может быть абсолютным эквивалентом текста подлинника», однако остается непонятно, как это совместить с тем, что у него же «неизменность плана содержания» была указана в качестве единственного определяющего признака перевода [Бархударов, с. 15].

Второй подход к решению проблемы переводческой эквивалентности заключается в попытке обнаружить в содержании оригинала какую-то инвариантную часть, сохранение которой необходимо и достаточно для достижения эквивалентности перевода. Наиболее часто на роль такого инварианта предлагается либо функция текста оригинала, либо описываемая в этом тексте ситуация.

Третий подход к определению переводческой эквивалентности можно назвать эмпирическим. Суть его заключается в том, чтобы не пытаться априори решать, в чем должна состоять общность перевода и оригинала, а сопоставить большее число реально выполненных переводов с их оригиналами и посмотреть, на чем основывается их эквивалентность. [Комиссаров, с. 116 – 119].

На наш взгляд, под эквивалентностью следует понимать сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально – коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе. Особо необходимо подчеркнуть, что эквивалентность оригинала и перевода – это, прежде всего общность понимания содержащейся в тексте информации, включая такую, которая воздействует не только на разум, но и на чувства реципиента и которая не только эксплицитно выражена в тексте, но и имплицитно отнесена к подтексту. Эквивалентность перевода зависит также от ситуации порождения текста оригинала и его воспроизведения в языке перевода. Данная трактовка эквивалентности отражает полноту и многоуровневость этого понятия, связанного с семантическими, структурными, функциональными, коммуникативными, прагматическими, жанровыми и т. п. характеристиками.

В книге «Проблемы художественного перевода» А. Попович стремится разработать научно строго обоснованную теорию художественного перевода, преодолев узость и ограниченность лингвистического подхода к его проблематике; этим и определяется ее место среди других концепций. В основе его рассуждений лежит понятие «текста» – текста оригинального произведения (прототекста) и вторичного текста переведенного произведения (метатекста). Автор подробно рассматривает он всевозможные аспекты взаимоотношений, в которых оказываются друг с другом эти два факта двух разных литератур, а также всех, кто принимает участие в их создании (продюценты) и в их восприятии (реципиенты), делает детальный анализ всей совокупности фактов и соответствий, определяющих место перевода в системе литературной коммуникации [Попович, с. 39].

Важно подчеркнуть, что главное – это передача смысловой информации текста. Все остальные ее виды и характеристики, функциональные, стилистические (эмоциональные), стилевые, социолокальные и т. п. не могут быть переданы без воспроизведения смысловой информации, так как все остальное содержание компонентов сообщения наслаивается на смысловую информацию, извлекается из нее, подсказывается ею, трансформируется в образные ассоциации и т. п.

По мнению С.Л. Сухарева-Мурышкина, переводчик должен установить эквивалентность между структурой оригинала и структурой перевода, воссоздать в переводе единство формы и содержания, под которым понимается художественное целое, т.е. донести до читателя тончайшие нюансы творческой мысли автора, созданных им мыслей и образов, уже нашедших свое предельно точное выражение в языке подлинника. [Сухарев-Мурышкин, с. 169].

Необходимо заметить, что в то же время перевод содержит известные изменения по сравнению с оригиналом. Когда переводчик приступает к работе, его первая задача – понять, «интерпретировать» оригинал. Но интерпретация зависит и от интерпретаторов и от других аспектов, что приводит к модификации оригинала.

Основное поле деятельности переводчика связано с поисками и выбором стилистических эквивалентов тексту оригинала. При этом под стилистической эквивалентностью выражения следует понимать эквивалентность в языке перевода. Так как образная структура и тема не переносятся с языка оригинала на язык перевода без «потерь», непосредственно, прямо и адекватно, то приходится считаться с известными сдвигами.

В художественном переводе – особые законы эквивалентности оригинала и перевода. Перевод может лишь бесконечно сближаться с подлинником, но не более, потому что у художественного перевода есть свой творец, свой языковой материал и своя жизнь в языковой, литературной и социальной среде, отличающейся от среды подлинника. Художественный перевод порождается подлинником, зависит от него, но в то же время обладает относительной самостоятельностью, так как стано-

вится фактом переводящего языка. Поэтому освоение одного и того же произведения в разных культурах имеет свою специфику, свои отличия, свою историю. Таким образом, не только оригинал и перевод различаются характером осмысления, социальным значением и репутацией, но и разноязычные переводы одного и того же литературного источника. Но есть и другие причины относительной эквивалентности художественного перевода подлиннику. Они вызваны своеобразием восприятия оригинала переводчиком, разносистемностью языков, различиями социокультурной среды. Проявится и индивидуальность переводчика, определяемая его художественным восприятием, талантом, своеобразием отбора языковых средств. Эти обусловленные индивидуальностью переводчика черты не имеют никакого отношения к авторскому стилю оригинала, не соотношены непосредственно с текстом подлинника. Их парадокс в том, что они нежелательны, но неизбежны. Это элементы переводческого стиля. Проблемы стиля переводчика теоретически еще не осмыслены в переводоведении, хотя отдельные высказывания на этот счет уже имеются [Виноградов, 143].

Не следует забывать, что иногда переводчик смотрит как бы из будущего на переводимые им творения, что приводит к смещению некоторых акцентов. Еще один источник уменьшения уровня эквивалентности — это вертикальный контекст, различные аллюзии, намеки на другие тексты или ситуации, а также различные символы, реалии и т. п. Часто уменьшение уровня эквивалентности наблюдается именно в поэтическом тексте, иногда дистанцированно от оригинала во времени и пространстве. Так, знаменитое стихотворение Г. Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam» имеет в России длительную историю. Последователями русской поэтической гейнеаны наряду с Ф. Тютчевым М. Лермонтовым, А. Фетом, считаются В. Яковлев, М.Л. Михайлов, П.И. Вейнберг, В. Тиханович, А. Майков, Каролина Павлова, М. Катков, Н. Огарев, А. Кронберг и многие другие видные русские поэты и литераторы средней руки.

Перевод Тютчева гораздо ближе к оригиналу и по содержанию и по форме. В нем соблюдено гендерное различие, и тем самым через образ кедра, находящегося на севере и мечтающего о далекой южной пальме, передается иносказательно любовь мужчины к женщине, которые разделены непреодолимыми препятствиями. Это стихотворение ближе к подлиннику и в отношении лексическом и фразеологическом. Тютчев попытался также частично воспроизвести гейневский тонический стих. Есть, разумеется, и уменьшение уровня эквивалентности языковыми реалиями, а в переводе данные языковые реалии подвергаются интенсификации. В оригинале просто «север», а скала — «холодная», в переводе же — «север мрачный», скала — «дикая», вместо «белого покрова» «инистая мгла» и так далее.

Необходимо отметить, что М. Лермонтов гораздо дальше отошел от оригинала, выражая во много свою творческую индивидуальность, отказавшись от любовной темы и развивая мотив романтической разделен-

ности и одиночества двух стремящихся друг к другу существ, используя языковые реалии, которые актуальны для русской национальной языковой картины мира.

В самой Германии слово «Fichte» во многих местностях употребляется в смысле «сосна», и, по всей вероятности, Гейне под «Fichtenbaum» понимал именно «сосну». Для образа, созданного Лермонтовым, сосна не совсем годится, между тем как для Гейне ботаническая порода дерева совершенно неважна [Щерба, с. 99].

Творение А. Фета занимает промежуточное положение в отношении эквивалентности между тютчевским и лермонтовским переводами. Если перевод Тютчева «верен, но не красив», а Лермонтова «красив, но не верен» (все это, разумеется, условно, ибо и тютчевский имеет в себе поэтический заряд, и лермонтовский определенную достоверность в отношении прототипа), то фетовский и «не верен, и не красив». Появление языковой реалии «дуба», заменившей «сосну» означает уход от специфики немецкой языковой картины мира, для которой обращение к северу было характерно. Языковая реалия «дуб» вошла в ряд последующих поэтических интерпретаций 33-го стихотворения Гейне из «Лирического интермеццо», а украинский поэт и драматург М. Старицкий ввел в качестве эквивалента в один из своих переводов типичную для языковой картины мира «березу». И все же «дубовая роща», «лиственный лес» реже украшали первую строфу этого стихотворения в истолкованиях наших отечественных поэтов: в основном в их произведениях вырастает «хвойный лес» (кедры, сосны, ели). Гейневская пальма сохраняется почти во всех вторых строфах переводов, один лишь раз заменившись «лотосом». Это объясняется тем, что и для немецкой, и для русской языковых картин мира данная языковая реалия не характерна.

Интересно, что перевод М. Михайлова, пожалуй, наиболее точен в деталях, – во всяком случае в сравнении с переводами 40-х гг., за исключением самого главного. Передав «Fichtenbaum» как «ель», М. Михайлов, подобно М. Лермонтову, отказывается от темы любовной тоски и воспроизводит лишь разобщенность двух существ, разделенных в прямом смысле географическими, а в переносном – социальными препятствиями.

Очень многие авторы отходили далеко от оригинала стихотворения. Например, А.Н. Майков был весьма свободен в переработке творения Г. Гейне. Майковский вариант или, точнее, вариация на мотивы исследуемого произведения немецкого поэта является началом искусственно сформированного русским истолкователем Гейне «Романа в пяти стихотворениях». Отказ от равного количества строк («эквилинеарности») есть лишь одно из свидетельств свободного обращения А.Н. Майкова с подлинником. Помимо полного отказа от гейневской формы и объема стиха, А.Н. Майков изменяет и функцию второго персонажа этого произведения. У Гейне, у Лермонтова и многих других переводчиков этого стихотворения действует «кедр» (или «сосна»), мечтающий о пальме, жительнице юга или востока. У А.Н. Майкова, выраженные иносказа-

тельно, чувства взаимны. Однако следует заметить, что с точки зрения эквивалентности, гейневская лексика и фразеология сильно изменены. Исчезла «холодная вершина», «кедр» стал «могучим», что несколько противоречит «одинокому» [Гордон, с. 18].

В заключение необходимо отметить, что история переводов и переделок, обработок и пародирования известного стихотворения Гейне весьма разнообразна. Нами был приведен далеко не весь ряд произведений. Однако и это представленное количество дает нам представление о том, насколько произведение Г. Гейне, ставшее фактом нашей отечественной поэзии, вросло в русский литературный процесс. Она демонстрирует нам различные степени и формы переработки произведения немецкого поэта в поэзии, сатирической литературе и подчеркивает эффективность контактов русской литературы с немецкой в лице наиболее значительного ее поэта XIX века – Генриха Гейне.

Несмотря на стремление переводчика воссоздать (воспроизвести) как можно полнее содержательную, эмоционально-экспрессивную и эстетическую ценность оригинала и добиться равновеликого с оригиналом воздействия на читателя, ему можно рассчитывать лишь на относительную эквивалентность художественного перевода тексту оригинала. Эквивалентность воздействия оригинала и перевода на читателя будут относительными в еще большей степени. Причина этого заключается не только в разных языковых системах, но и в разных когнитивных основаниях, которые определяются национальной языковой картиной мира.

Литература

- Бархударов Л. С.* Язык и перевод. М., 1975.
- Виноградов В. С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М., 2001.
- Гордон Я. И.* Гейне в России. Душанбе, 1979.
- Комиссаров В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М., 1990.
- Румянцева Т.Г.* Новейший философский словарь : 3-е изд., исправл. Минск, 2003.
- Смирницкий А. И.* К вопросу о слове // Труды ИЯ АН СССР. 1954. Т. 14.
- Сухарев-Мурышкин С.Л.* Некоторые особенности строфического стиха и стихотворный перевод : сб. науч. работ. Л., 1977.
- Попович А.* Проблемы художественного перевода. М., 2000.
- Федоров А. В.* Основы общей теории перевода. М., 1983.
- Щерба Л.В.* Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом // *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку / АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка. М., 1957.

УДК 81'42
ББК 81.2

Т.П. Трошкина

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТЕМЫ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

**(на примере романа
В. Аксенова «В поисках
грустного беби»)**

Статья посвящена проблеме лексической структуры произведения, времени и пространства в тексте. Анализ текстообразующей роли пространственных и временных номинаций позволяет сделать вывод о неразделенности понятий пространства и времени как об одном из факторов, оказавших огромное влияние на лексическое структурирование романа.

Ключевые слова: *индивидуальное видение мира, временной и пространственный планы, лексикоматематические группы.*

Трошкина Татьяна Петровна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Казанского (Приволжского) федерального университета
Тел.: (843)277-10-31
E-mail: t_troshkina@mail.ru

Когнитивный подход в изучении пространства текста позволяет понять, что «язык – отнюдь не простое зеркало мира, а потому фиксирует не только воспринятое, но и осмысленное, осознанное, интерпретированное человеком» [Краткий словарь..., с. 83]. Чтобы лучше понять, что такое авторская художественная картина мира, логично «описывать саму картину мира как когнитивный уровень языковой способности личности. Именно личностные доминанты позволяют рассматривать художественный текст как определенную «когнитивную карту» и считать художественное произведение формой представления выражаемого содержания (смысла)» [Грунина, с. 145].

Тексты романов В.П. Аксенова, отражая определенное индивидуальное видение мира, образуют целостную разветвленную картину мира, т. е. несут в себе модель действительности, которая предполагает наличие как пространственных, так и временных характеристик. Рассмотрим эти положения на примере романа «В поисках грустного бэби». Содержание этого романа составляют воспоминания о новой жизни в Европе и Америке. Такие воспоминания и размышления характеризуются, прежде всего, противопоставлением повествования во времени и пространстве: прошлое – настоящее и соотношенными подобными планами между двумя пространствами Советского Союза и зарубежья.

Особенности содержания романа и лексических средств, использованных в его текстовом

воплощении, выступают во многом как следствие субъективной разделенности, а именно: наличия субъекта-повествователя (S-1) и субъекта повествования (S-2). Текстовые ипостаси одного субъекта соотносены в повествовании с разными пространствами, различными временными планами.

С каждым субъектом в тексте романа связана определенная картина мира в ее пространственно-временных ориентирах. Таким образом, в тексте романа переплетаются не только временной и пространственный планы, но и два в чем-то различных, а в чем-то похожих способа видения. В картинах мира субъекта-повествователя и субъекта повествования, с присущими им ориентирами и способами видения, фундаментальной значимостью обладают номинации временных и пространственных понятий, которые в великом множестве представлены в лексической структуре текста романа «В поисках грустного бэби».

Лексические темы пространства и времени рассматриваются в той последовательности, которая предполагается определением их связей, так как восприятие любой материальной сущности нельзя осуществить без определения ее пространственной природы как необходимого условия существования.

В лексической структуре текста анализируемого романа понятие *пространство* охватывает пространственные представления двух субъектов: субъекта-повествователя и субъекта повествования. Следовательно, учет двусубъектности повествования представляется одним из важнейших критериев выделения лексико-грамматических групп «пространство и время» в лексической структуре романа.

Текстовая лексико-грамматическая группа «пространство» определяется словами *там* и *тут*, входящими в лексическую структуру текста и обладающими самым общим противопоставлением. Слово *там* представляет пространство субъекта повествования в прошлом (студенчество, молодые годы, определенная известность). Слово *тут* является пространством субъекта-повествователя, пространством его настоящей жизни. Выделенные слова создают определенную базу для системной структурной организации текстовой лексико-грамматической группы пространства и имеют большое значение для выражения субъективированных пространственных отношений. Сравните: *там*, мест. нареч. В том месте, не здесь; *тут*, мест. нареч. То же, что здесь. [Ожегов, Шведова].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что данные слова образуют определенные пространственные границы и являются организующими личное пространство для субъекта-повествователя и субъекта повествования.

Текст романа изобилует именами собственными, в первую очередь топонимами: а) названия стран и континентов (Америка, Европа, Африка, Япония, Англия, Китай и др.); б) названия населенных пунктов (Париж, Милан, Вашингтон, Нью-Йорк, Филадельфия, Бруклин); в) названия особенностей географических рельефов (береговая линия

Флориды, плоскость Канзаса, зеленые склоны Вермонта, осенние холмы Вирджинии, необозримые пляжи Калифорнии) и многое-многое другое – для S-1. Для S-2: Советский Союз, Казань, Ленинград, Москва, бездорожье Рязанской области и др. (*Мы в Казани часами охотились на наших громоздких приемниках за обрывками этой музыки, а тут она присутствовала в своем полном блеске...*)

Нарицательные имена представлены именами существительными с пространственными семами, в пределах текстовой лексико-тематической группы они образуют своеобразную микрогруппу. В результате сплошной выборки а тексте романа «В поисках грустного бэби» выявлено более 700 пространственных номинаций.

Особого внимания заслуживают номинации так называемых *малых пространств*, которые обладают четким различием в своей субъективной отнесенности: *тут* (для S-1) *квартира, таможня, отель, номер, хозяйский дом, круг знакомых*; *там* (для S-2) *дом, кружок, друзья, Союз писателей, жилплощадь*. Слово *дом* для S-2 – это все то, что связано с прошлой жизнью в Советском Союзе, с жизнью не принимаемой, критикуемой и критически осмысленной автором. Интересным представляется следующий факт: смысловой объем слова *дом* не делает его особенно частотным в границах темы пространства. А общий смысл пространственных номинаций для S-1 (*тут*) составляет «не у себя дома», «временно». Сравните: *квартира* – жилое помещение в доме, имеющее отдельный вход, обычно с кухней, передней [Ожегов, Шведова].

В тексте романа частотными являются межсубъектные лексемы с пространственным значением: *местность, пустыня, горизонт, пространство, холмы, склоны, плоскость* и т.д.

Текстовая лексико-грамматическая группа *времени* структурируется в тексте романа лексическим противопоставлением слов *тогда* и *теперь*, где слово *тогда* представляет время, связанное с прошлой жизнью в Советском Союзе для S-2, а *теперь* – время, связанное с настоящей жизнью S-1. В текстовую лексико-тематическую группу *время* входят периоды жизни человека, различные календарные понятия, обозначения определенных промежутков времени, т. е. слова различных частей речи, обозначающие временные понятия. В результате сплошной выборки из текста романа извлечено 277 временных номинаций. Лексема *время* является в романе достаточно частотной.

Рассмотрим теперь лексико-тематические группы времени, структурированные лексическим противопоставлением *тогда* – *теперь*: *тогда* (для S-2) – молодость, студенчество, праздник, девушка, вечеринка, провинциальный стилижка, юноша; *теперь* (для S-1) – мужчина, писатель, уважаемый профессор, лектор, зрелость. Другие слова, входящие в текстовую лексико-тематическую группу, по-иному представляют отношение к двум субъектам: 1) слова *до сих пор, нынешний, с тех пор* соотносятся с субъектом-повествователем, говорят о важности прошлой жизни для S-1; указывают на длительность раздумий или действий во времени, разделенных двумя точками отсчета. Например: «Берусь утверждать, что

у русских, несмотря на десятилетия пропаганды, *до сих пор* еще не выработался антиамериканский комплекс. Русский, как ни странно, *до сих пор* относится к американцам как к своим»; 2) слова *навсегда* и *никогда* свидетельствуют о глубинной значимости для автора произведения событий прошлой жизни в СССР. Вот как, например, рассказывает В. Аксенов о знаменитой «бульдозерной» выставке: «Стоял блаженный день бабьего лета, и несколько тысяч человек... собрались... смотреть картины, шутить. Незабываемый день. Больше он *никогда* не повторится»; 3) слова *после*, *потом*, *затем* указывают на разобщенность точек отсчета времени для S-1 и S-2. Например: «Сейчас, *после* четырех лет жизни в этой стране, я все еще задаюсь вопросом, что вызывает у многих людей в Латинской Америке, в России и в Европе антиамериканские чувства такой интенсивности, что их иначе, как ненавистью, и не назовешь». Или: «*После* четырех лет жизни здесь можно твердо сказать, что американцы не любят унижать людей... ведь ты же *после* эмиграции в Париже, и в Иерусалиме, и в Лондоне, и в Берлине, и в Риме, где только не побывал»; 4) слова *сейчас*, *теперь* предстают средством соотнесения точек отсчета двух субъектов в процессе сопоставления и противопоставления планов прошлой и настоящей жизни. Местоимения *тот* и *этот* также принимают участие в соотношении отсчета времени для S-1 и S-2. Например: «Вы ведь *сейчас* не в России, сэр, правда? Вы *сейчас* в Америке, так?»; «Продвигаясь дальше к Тихому океану, я думал о том, что *теперь* надо ждать еще какой-нибудь гадости»; «Напротив, *сейчас* я гораздо яснее вижу, что в противовес тоталитарному декадансу в мире может возникнуть (или уже возникает) свежий мир либерализма и благородного неравенства».

Выявленные в романе «В поисках грустного бэби» текстовые лексико-тематические группы *пространство* и *время* представляют в своем составе субъективность восприятия времени и пространства, так как, по мнению Л.О. Чернейко, универсального знания и понимания объективных явлений, которые стоят за терминами *пространство* и *время* нет и быть не может, а знание всегда может замещаться определенным представлением; представление же, в свою очередь, в большинстве случаев является субъективным [Чернейко, 1994, с. 58 – 70; 2000, с. 57 – 68].

Лексемы пространства и времени в тексте романа теснейшим образом связаны с картиной мира конкретного языкового носителя и являются реализацией мировосприятия, миропонимания этого языкового носителя.

Важную роль в лексической структуре романа играет и текстообразующая функция номинации пространственных и временных представлений. В романе субъект-повествователь, воссоздавая содержание своего сознания периода проживания в Советском Союзе, воспроизводит в памяти ушедшее, пережитое, события, отдаленные в пространстве и во времени, и через память и ностальгию связывает их. *Память* и *носталь-*

гия становятся ключевыми лексемами в организации лингвистического тезауруса текста романа.

Как известно, В. Аксенов, он же субъект-повествователь, был лишен советского гражданства. Отсюда ностальгия писателя: это ностальгия не по СССР, а по русской культуре, под влиянием которой он сформировался, это тоска по временам своей молодости, по друзьям, оставшимся в прошлой жизни.

Человеку, приехавшему в другой мир, имеющему иной менталитет и свою систему нравственных ценностей, многое кажется странным и непонятным. Поскольку ностальгия – это память, а память связана со способностью к идентификации того, что когда-то было выучено и пережито, то в тексте романа отражена, как представляется, именно память о пережитом, эмоционально окрашенная память, благодаря чему происходит своего рода оживление опыта прошлого. Сравните: НОСТАЛЬГИЯ (книжн.). Тоска по родине, а также вообще тоска по прошлому [Ожегов, Шведова].

В данном случае *память* и *ностальгия* выступают как пространственно-временные рычаги управления опытом живой системы: «Недавно мне удалось совершить путешествие в недалекое прошлое, а именно в милое всему нашему поколению десятилетие шестидесятых годов. Увы, это были все-таки не ваши, не советские шестидесятые, а здешние, американские, но, тем не менее, все это было очень близко и даже лирично». Осмысливая свои впечатления от новой жизни, автор все время сравнивает реалии прошлой и настоящей жизни: «Разобравшись в своих ощущениях, я пришел к выводу, что мне в Америке *не хватает города, вернее моего города, еще точнее европейского города*, исторически сложившегося и обязательно с прикосновением (хотя бы малым). Здесь, – пишет Аксенов, – нет городской *ностальгии*, к городу относятся чисто утилитарно, поэтому так пусты после заката даунтауны Чикаго, Лос-Анжелеса, Детройта, поэтому так запущены мостовые Нью-Йорка... *Чужая ностальгия* особенно властвует в Лос-Анжелесе. Город без силуэта».

Подобное восприятие новой американской жизни свойственно не только автору романа, но и многим людям, волею судеб оказавшимся в эмиграции: «Поймать, ощутить, уловить жалкие попытки выброшенного из своего мира беженца, построить вокруг себя новую жизнь, *хоть чуточку напоминающую старую*... Вот почему мы выбираем Вашингтон после годовых скитаний. Здесь, на Капитолийском холме, между Конгрессом и Библиотекой, когда сквозь деревья со всех сторон просвечивают коллонады, ты можешь *вспомнить Санкт-Петербург*, перед раскрашенными фасадами Джорджтауна поймать ощущение отчужденной, но присутствующей Британии, в открытых кафе Дюпон-серкла нельзя не уловить дух Парижа». «Любопытно развивалась наша *городская ностальгия*. В поисках жилья... мы поселились на юго-западе. Задним числом, однако, мы поняли, что нашли этот район по принципу его безликости, то есть по принципу его похожести на иные *жилые районы Москвы*».

Мы даже стали называть этот район на советский лад *Звездным городком*, так как он напоминал офицерское поселение под *Москвой*».

В тексте романа «В поисках грустного бэби» первое «Я» (S-1) – это будущее второго «Я» (S-2) субъекта повествования, субъекта воспоминания о прошлом, который, в свою очередь, выступает как прошлое S-1. Этим создаются сложнейшие переплетения различного семантического типа лексем в лексической организации текста. Следует отметить, что субъект-повествователь является доминирующим, именно от него тянутся нити к создаваемой в тексте картине мира субъекта повествования (S-2). Подобное единство субъектов дает возможность проанализировать явления лексической структуры текста в целом, ориентируясь в ходе анализа на ассоциативные связи, которые оживляют воспоминания о событиях, закрепленных в памяти.

Эмоциональная память, наряду с понятийной и словесной, опирается на визуальное ощущение. В тексте лексическими средствами отмечены индивидуальные представления, ощущения, мотивированные особенностями запоминания элементов прошлой жизни. Подобную роль могут выполнять лексические воспроизведения запахов, цветов, вкуса, и т.д., закрепленные в линейных текстовых связях слов. Функциональные качества слов *память* и *ностальгия* предстают в тексте романа двуплановыми. *Память* и *ностальгия* – для одного субъекта и как *содержание воспоминаний* – для другого, т.е. выступают в статике и динамике. Как уже указывалось, *память* и *ностальгия* являются в романе ключевыми понятиями, а следовательно, обозначающие их лексемы имеют высокий ранг, так как и *время*, и *пространство* прослеживаются и раскрываются в своем содержании только через *призму памяти* и тесно связанной с ней *ностальгии*. Лексемы *память* и *ностальгия*, по определенным в их содержании смыслам, вызывают у субъектов совершенно различные ассоциации, что раскрывает и демонстрирует их картину мира. Следовательно, вышеназванные лексемы создают сквозную линию в организации лексической структуры текста.

Любое художественное произведение представляет собой порождение сознания автора и является реализацией его замысла. В свою очередь, замысел текста проявляется в сознании его создателя, а событийный план текста художественного произведения соответственно раскрывается в пространственных и временных параметрах. Так, одной из главных особенностей в лексической организации текста романа «В поисках грустного бэби» является совмещение, пересечение, неразрывность *пространства* и *времени*. Например: «*В 1969 году, во время боев на советско-китайской границе, мне случилось быть поблизости, в Алма-Ате. Однажды в ресторане гостиницы я оказался за одним столом с офицером-ракетчиком*»; «*В 1952 году девятнадцатилетним провинциальным студентом случилось мне попасть в московское “высшее общество”*».

Соотнесение в анализе содержательных пространственно-временных универсалий текста может вызвать вполне закономерный вопрос о вос-

приятию этих универсалий каждым из субъектов, т. е. о лексической экспликации субъекта-повествователя и субъекта повествования. Для первого такой лексической экспликацией является восприятие движения времени в различных ситуациях; преломление времени в сознании характеризует каждого из них, поскольку время в художественном тексте отличается от времени, объективно данного. Первое использует все многообразие восприятия существующих реалий и является одной из форм отражения этих реалий.

В тексте романа В. Аксенова *время* укладывается в различные языковые модели и становится разнообразным и многоликим. Вместе с тем *время* характеризуется в тексте не только соотносительностью с его значениями, но и актуализацией текстового смысла, наполненного знаниями о мире и личном субъективном восприятии. Как правило, время в романе отмечено знаком какого-либо события. Таким образом, сам фактор событийного наполнения – это один из главных признаков, по которому процесс протекания времени значительно противопоставлен другим факторам. Например: «*Последний день этого путешествия стал довольно важной вехой в моей биографии: 21 января 1981 года после захода солнца я узнал, что не являюсь больше гражданином СССР*».

Внутренними ориентирами лексической организации текстовых фрагментов выступают *пространство* и *время*: событие во времени, соотношенное со временем и локализованное в пространстве, является определяющим в самосознании субъекта повествования. Например: «*Несколько лет назад, когда в Европе происходили массовые антиамериканские демонстрации, случилось мне беседовать на эту тему с одним важным лицом в Вашингтоне*»; «*После летней духоты и долгой прозрачной осени (и то, и другое столь не похоже на Россию) наступает середина января, и в Вашингтоне недели на три воцаряется настоящая русская зима...*».

Таким образом, анализ текстообразующей роли пространственных и временных номинаций позволяет сделать вывод о неразделенности понятий пространства и времени как об одном из факторов, оказавших огромное влияние на лексическое структурирование романа В. Аксенова «В поисках грустного бэби».

Литература

Аксенов В.П. В поисках грустного бэби. М., 1991.

Грушина Л.П. Когнитивный взгляд на художественный текст // Социально-экономические проблемы развития России : региональный аспект. Кемерово, 2004.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова и др. М., 1997.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова : 4-е изд., доп. М., 1999.

Чернейко Л.О. Способы представления пространства и времени в художественном тексте // НДВШ. Филол. науки. 1994. № 2.

Чернейко Л.О. Субъективное время и способы его выражения в художественном тексте // Вопросы русского языкознания. Вып. 8. М., 2000.

УДК 811.161.1'37

ББК 81.2 Рус

А.Д. Сергеева**РОЛЬ
КОЛОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ
В ОБЪЕКТИВАЦИИ
МОТИВА
УТРАЧЕННОЙ РОДИНЫ
(на материале произведений
И.А. Бунина)**

Статья посвящена рассмотрению роли колоративной лексики в объективации мотива утраченной Родины в произведениях И. Бунина, написанных с 1918 по 1952 г. С опорой на смысловой анализ поэтических и прозаических текстов раскрываются особенности использования цветообозначений в творчестве Бунина в период эмиграции.

Ключевые слова: *доминантные эмоции, колоративная лексика, лирический герой, личностные смыслы, мотив.*

Сергеева Анна Дмитриевна – аспирант кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка Армавирской государственной педагогической академии.

Тел.: 8-928-408-18-68

E-mail: SergeevaAnnaDmitrievna@mail.ru

© Сергеева А.Д., 2012.

Художественный текст всегда отражает специфику образа мира автора, его ценностные ориентации, объективированные в произведении при помощи разноуровневых средств языка. Язык поэзии ориентирован на раскрытие экзистенциального, жизни человеческой души, что обуславливает особенности семантической организации произведения, способы вербальной манифестации авторских смыслов, выбор средств эстетического воздействия на читателя [Четверикова, с. 34]. Попадая в поэтический текст, слово-понятие «переводится» в слово-образ и, как следствие, становится полисемантическим, «фокусом множественного смыслообразования» [Литвинов, с. 7], функционируя как средство доступа к информационной базе личности [Залевская 2005].

В рамках статьи рассмотрим особенности цветовой палитры произведений И.А. Бунина, в которых звучит мотив утраченной Родины, ибо цвет художественно активен, а сам выбор колоративной лексики зависит не только от этнокультурной символики цвета, но прежде всего от авторского замысла, личностных ассоциаций.

В произведениях, написанных И.А. Буниным в эмиграции, автор не просто вспоминает о своем прошлом, а стремится пережить прошлое заново, преодолевая посредством творчества и своей памяти пропасть между «сейчас» и «тогда», «здесь» и «там». В сюжеты прозаических и поэтических текстов, в историю души лирического

героя автором «вписывается» ностальгический топос – дом, усадьба, звезда над прудом:

*Все снится мне заросшая травой, / В глуши далекой и лесистой,
/ Развалина часовни родовой. // Все слышу я, вступая в этот миш-
стый / Приют церковно-гробовой (1, с. 454);*

*Печаль ресниц, сияющих и черных, / Алмазы слез, обильных, не-
покорных, / И вновь огонь небесных глаз, / Счастливых, радостных,
смиранных, – / Все помню я... (1, с. 455)*

Герой Бунина продолжает жить в мире знакомых с детства запахов, звуков, красок, мастерски переданных автором в произведениях и отражающих специфику его мировосприятия.

В бунинских текстах рассматриваемого периода через цветовой признак характеризуются реалии природного мира и собственно мир человека. Природный мир поэтических произведений Бунина включает в себя: а) небесное, земное и водные пространства: *Где ты теперь? – Дивуешься волнами / Зеленого Бискайского залива (1, с. 438); Густа, ярка синь небесная (1, с. 437); Внизу вода чуть блещет на песке, / А дальше муть, свинцовые просторы (1, с. 452); Луну и звезды: Туманны звезды голубые (1, с. 434); б) объекты живой (растительность, птицы, животные) и неживой природы (горы, камни и т.п.): *На той ли стене павлины сидят, / Хвосты цветут ярью-зеленю (1, с. 437); Зачем зеленым клонится челом / Та ива, что могилу осенила (1, с. 451); Скрылся месяц за синие горы (1, с. 470); в) различные состояния окружающей среды: *Гаснет сумерек алых сиянье (1, с. 445); г) атмосферные явления: *В гелеотроповом свете молний летучих / На небесах раскрылись дымные тучи (1, с. 458).****

Мир человека представлен через: а) религиозные атрибуты: *Вот в углу, где княжский гроб под красной / Трепетной лампадкой, на полу / Молится старушка, в муке страстной / Всю щепоть прижав к челу (1, с. 441); б) здания и их части: *Древняя обитель напротив луны / На лесистом взморье, над речными водами, / Бледно-синеватый мел ее стены (1, с. 433); в) внешность, одежду, предметы обихода: *Она стоит в серебряном венце, / С закрытыми глазами. Ни кровинки / Нет в голубом младенческом лице (1, с. 468).* Природное и человеческое неразрывно связано в текстах Бунина, что позволяет автору мастерски передать все аспекты человеческого бытия.**

В художественном творчестве И. Бунина, безусловно, нашла свое отражение тоска по Родине. Поэтические произведения, в которых встречается мотив утраченной Родины можно условно разделить на две категории: а) стихи, передающие душевное состояние лирического героя. В них Бунин использует цветовую лексику с общей семей 'темный' или 'бледный', 'холодный', часто служащую репрезентации смыслов «одиночество», «страдание».

*Обеднела, оскудела паперть, / Но и в храме скорбь и пустота.
// Черная престол покрыла скатерть, / За завесой царские врата
(1, с. 441);*

*В полночный час я встану и взгляну / На бледную высокую луну,
/ И на залив под нею, и на горы, / Мерцающие снегом вдалеке... //
Внизу вода чуть блещет на песке, / А дальше муть, свинцовые про-
сторы. // Холодный и туманный океан... (1, с. 452);*

б) стихи, в которых лирический герой говорит о России, вспоминает родные места. Эмотивная доминанта авторского сознания обуславливает выбор колоративов, которые выступают маркерами мотива памяти. В подавляющем большинстве случаев это слова с семами 'светлый' и 'яркий'.

*Архангел в сияющих латах / И с красным мечом из огня / Стоял
в клубах синеватых / И дивно глядел на меня. // <...> Ребенок, я ду-
мал о Боге, / А видел лишь кудри до плеч, / Да крупные бурые ноги,
/ Да римские латы и меч... // Дух гнева, возмездия, кары! / Я помню
тебя, Михаил <...> (1, с. 436);*

*«Опять холодные седые небеса, / Пустынные поля, набитые до-
роги, / На рыжие ковры похожие леса, / И тройка у крыльца, и слуги
на пороге...» // – Ах, старая наивная тетрадь! / Как смел я в те года
гневить печалью Бога? / Уж больше не писать мне этого «опять» /
Перед счастливою осеннею дорогой! (1, с. 466).*

В воспоминаниях лирического героя то, что раньше казалось привычным и обыденным, теперь становится дорогим. С грустью вспоминается даже холодный цвет неба и рыжие опавшие листья.

В стихотворении «Изгнание» (1920) нашло отражение самоощущение И.А. Бунина в тот период:

*Темнеют, свищут сумерки в пустыне. // Поля и океан... // Кто
утолит в пустыне, на чужбине / Боль крестных ран? // Гляжу впе-
ред, на черное Распятье / Среди дорог – / И простирает скорбные
объятия / Почивший Бог. (1, с. 443)*

Пространство в тексте представлено номинациями *пустыня, поля* и *океан*, которые являются контекстуальными синонимами. Существительное *пустыня* повторяется дважды и сочетается с номинацией *чужбина*, тем самым акцентируется особая значимость этой лексемы в смысловом поле стихотворения. Чужая сторона воспринимается лирическим героем как пустыня, в которой одинокий и беспомощный человек испытывает физические (*боль, раны*) и душевные (*скорбь*) страдания. Цветовой фон маркирован словосочетанием *темнеют сумерки*; также в стихотворении присутствует прямое упоминание черного цвета (*черное распятье*), который «предстает как цвет негативных сил и печальных событий. Он символизирует тьму смерти, <...> отчаяние, горе, <...> скорбь <...>» [Тресиддер, с. 410]. Помочь человеку во мраке жизненных невзгод может только вера, но в душе изгнанника царит скорбь Великой Пятницы (самый скорбный день церковного года: именно в пятницу совершились распятие и Крестная смерть Спасителя). Душевное состоя-

ние и мироощущение лирического героя передано при помощи словосочетаний: *боль крестных ран, скорбные объятия, почивший Бог*. Черный цвет – маркер эмоциональной доминанты текста. Он символизирует безысходность, неизбежность душевных страданий.

В стихотворении «Канарейка» (1921) цветовая лексика (*золотая – изумрудная*) служит объективации контрастных смыслов.

*Канарейку из-за моря / Привезли, и вот она / Золотая стала
с горя, / Тесной клеткой пленена. // Птицей вольной, изумрудной /
Уж не будешь, — как ни пой / Про далекий остров чудный / Над трактирную толпой!* (1, с. 446)

Тексту предшествует эпитафия из Брэма: *На родине она зеленая*. В этой строчке уже намечается оппозиция «Родина – чужбина». Тема родины в произведении эксплицирована лексемой «изумрудная», а мотив чужбины – лексемой «золотая», что оформляет текстовую оппозицию смысловых полей (далее – СП): СП «Родина»: *птица вольная, изумрудная; далекий остров чудный*; СП «Чужбина»: *золотая стала с горя; тесной клеткой пленена; трактирная толпа*. Таким образом, в стихотворении изумрудный цвет связывается с понятием «воля», а золотой – с понятием «отсутствие свободы», «плен». Зеленый – «цвет весны, нового роста, плодородия, радости» [Шейнина, с. 362]. Изумруд – «христианский символ бессмертия, веры и надежды» [Тресиддер, с. 126]. В тексте И. Бунина колоратив *зеленый (изумрудный)* выступает символом надежды, радости.

Цветообозначение «золотой» во многих культурах имеет исключительно положительную коннотацию, являясь символом божественного начала. В текстах И. Бунина этот колоратив также чаще всего выражает положительные смыслы. Однако в анализируемом стихотворении цветообозначение «золотой» сближается по смыслу с устойчивым сочетанием «золотая клетка» и, приобретая отрицательную коннотацию, символизирует неволю, горе.

Таким образом, в произведениях И. Бунина колоративная лексика способна выражать как доминантные эмоции, так и символические смыслы и служить маркером текстовых смысловых полей.

В творчестве И. Бунина есть произведения, в которых он непосредственно говорит о России, вспоминая родные дом и усадьбу, красоту русской природы. Часто средством объективации этих смыслов является номинация «звезда». Рассмотрим стихотворение «Сириус» (1922), в котором отчетливо звучит мотив памяти:

*Где ты, звезда моя заветная, / Венец небесной красоты? // Очарованье безответное / Снегов и лунной высоты? / Где молодость,
простая, чистая, / В кругу любимом и родном, / И старый дом, и ель
смолистая / В сугробе белом под окном?* (1, с. 450)

Мотив памяти объективируется словосочетаниями *звезда заветная, молодость простая, чистая; круг любимый и родной; старый дом; ель смолистая; сугроб белый под окном*. Память «высвечивает» наибо-

лее значимые для лирического героя объекты из прошлого: звезда, дом, ель. В воспоминаниях присутствует белый цвет – цвет снега. Молодость и чистота белого снега сближаются в сознании героя и создают единый образ прошлого, далекого, светлого и прекрасного, когда вся семья собиралась в родном доме.

Звезда является в тексте наиболее значимым объектом, несущим большую смысловую нагрузку. «Звезда издавна служила символом вечности, а позднее – символом высоких стремлений, идеалов. Звезда – эмблема путеводности, счастья» [Шейнина, с. 9]. В начале стихотворения звезда воспринимается как часть космоса, мироздания (*венец небесной красоты; очарованье <...> снегов и лунной высоты*). Номинация «звезда» конкретизируется прилагательным «заветная», т.е. «свято хранимая, оберегаемая, особенно ценимая по каким-нибудь воспоминаниям, по значению для кого-нибудь» [Ожегов, с. 185 – 186]. Звезда для лирического героя является символом его молодости, прошлого, связанного с родным домом и семьей, символом памяти, духовно соединяющим героя с Родиной и близкими людьми. В последней строфе образ звезды приобретает еще один смысл: звезда становится символом дум, устремлений, творчества, всего того, чем жил человек, того нематериального следа, который он по себе оставил.

*Пылай, играй стоцветной силою, / Неугасимая звезда, /
Над дальнею моею могилою, / Забытой Богом навсегда! (1, с. 450)*

Гиперболический эпитет стоцветная сила отправляет читателя к библейским мотивам и служит побуждению его рефлексии над текстом.

В эмиграции И. Бунин пишет роман «Жизнь Арсеньева» (1927 – 1929, 1933), который «наиболее полно выразил то чувство ностальгии по России, по ее укладу, ее деревням и косограм, которое так остро ощущали многие эмигранты» [Репина, с. 177]. В произведении мы находим эпизод, созвучный проанализированному стихотворению, но в романе описание усадьбы и дома дано в более развернутом виде:

Прекрасна – и особенно в эту зиму – была Батуриная усадьба. Каменные столбы въезда во двор, снежно-сахарный двор, изрезанный по сугробам полозьями <...> Тишина и блеск, белизна толстых от снега крыш, по-зимнему низкий, утонувший в снегах, красновато чернеющий голыми сучьями сад, с двух сторон видный за домом, наша заветная столетняя ель, поднимающая свою острую черно-зеленую верхушку в синее яркое небо из-за крыши дома, из-за ее крутого ската, подобного снежной горной вершине, между двумя спокойно и высоко дымящимися трубами <...> приветливо, шурясь от спящего, веселого света, от ледяной самоцветной игры на снегах, глядят старинные окна с мелкими квадратами рам... (3, с. 369)

В тексте обилие белого цвета и света: *снежно-сахарный двор; блеск, белизна толстых от снега крыш; спящий, весенний свет; самоцветная игра на снегах*. На белом, сверкающем фоне И. Бунин контрастно прорисовывает силуэты деревьев и выделяет ярким цветовым акцентом не-

бесное пространство: *утонувший в снегах, красновато чернеющий голыми сучьями сад; заветная столетняя ель, поднимающая свою острую черно-зеленую верхушку в синее яркое небо*. В ту зиму, о которой вспоминает герой произведения (Алексей Арсеньев. – А.С.), он был счастлив, поэтому в сознании сохранилась светлая картина: запомнились белизна и сверкание снега во дворе и на крышах, контраст черных деревьев на белом фоне и яркость синего неба.

Следует отметить, что в этом отрывке, как и в стихотворении «Сириус», упоминается ель, которая называется «заветной». Таким образом, ель также является символом утраченной Родины, такой же далекой, как и звезда.

В описаниях дома И. Бунин использует слова с семей 'темный', что, на наш взгляд, маркирует смыслы «старина», «родовое гнездо»:

Скрипя мерзлыми валенками по затвердевшему на ступеньках снегу, поднимаешься на главное, правое крыльцо, проходишь под его навесом, отворяешь тяжелую и черную от времени дубовую дверь, проходишь темные длинные сени... В лакейской, с большим грубым ларем у окна, еще прохладно, синевато, – солнце в ней не бывает, окно ее на север, – но трещит, гудит, дрожит медной заслонкой печь. Направо сумрачный коридор в жилые комнаты, прямо напротив – высокие, тоже черные дубовые двери в зал. В зале не топят, – там простор, холод, стынут на стенах портреты деревянного, темноликого дедушки в кудрявом парике и курносого, в мундире с красными отворотами, императора Павла <...> Зато в зале все залито солнцем и на гладких, удивительных по ширине половицах огнем горят, плавятся лиловые и гранатовые пятна – отражения верхних цветных стекол.(З, с. 369)

В описании дома преобладают темные тона: *черная от времени дубовая дверь; темные длинные сени; в лакейской <...> прохладно, синевато; сумрачный коридор; черные дубовые двери в зал; портреты деревянного, темноликого дедушки <...> и <...> в мундире с красными отворотами, императора Павла*. И совсем иная картина в зале: *все залито солнцем; на <...> половицах огнем горят, плавятся лиловые и гранатовые пятна – отражения верхних цветных стекол*. Обилие темных цветов вовсе не создает мрачного настроения, а, скорее, передает отношение к дому. Темные колоративы создают ощущение сакральности, старины, а цветные стекла напоминают церковные витражи. Дом для героя – дорогое, почти священное место.

Вспоминает герой и ель, и ночное небо:

Как несказанно хороша была она в морозные лунные ночи! Войдешь – огня в зале нет, только ясная луна в высоте за окнами. Зал пуст, величав, полон словно тончайшим дымом, а она, густая, в своем хвойном, траурном от снега облачении, царственно высится за стеклами, уходит острием в чистую, прозрачную и бездонную куполообразную синеву, где белеет, серебрится широко раскинутое созвездие Ориона, а ниже, в светлой пустоте небосклона, остро бле-

*щет, содрогается лазурными алмазами великолепный Сириус, любима-
мая звезда матери... (З, с. 370)*

Употребление прилагательного «траурный» в изображении заветной ели (*густая, в своем хвойном, траурном от снега облачении*) и повторение слов с семой 'острый' (*острая верхушка; уходит острием в <...> синеву; остро блещет*) говорит о том, что, вспоминая прошлое, герой испытывает боль, ибо все это безвозвратно потеряно.

В рассматриваемом отрывке преобладают белый и синий цвета: *чистая, прозрачная и бездонная куполообразная синева; белеет, серебрится широко раскинутое созвездие Ориона; остро блещет, содрогается лазурными алмазами великолепный Сириус*. Заметим, что цвета *белый* и *синий* традиционно считаются символами чистоты и духовности, а *лазурь* «представляет <...> духовное образование человека» [Шейнина, с. 362]. Цвет служит здесь для выделения значимых в смысловом отношении объектов – неба и звезд. Взгляд героя направлен ввысь. Куполообразная синева и звезды являются символами его духовных устремлений, юных дум и мечтаний. Более того, упоминание звезды Сириус связывается с темой матери и, как следствие, родины. Таким образом, И.А. Бунин при помощи цвета выделяет наиболее значимые объекты, передает чувства лирического героя, его отношение к реалиям действительности.

Функции колоративов в творчестве писателя не исчерпываются указанием на внешний признак объекта. В текстах, в которых присутствует мотив утраченной Родины, цветовая лексика служит для передачи доминантных эмоций и чувств лирических героев и автора, для выделения наиболее значимых в смысловом плане объектов, побуждает рефлексию читателя, выражает авторские смыслы.

Литература

- Бунин И.А.* Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1, 3. М., 1988.
Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избр. тр. М., 2005.
Литвинов В.П. О статусе лингвистического факта // Исследования по теории немецкого языка. Пятигорск, 1973.
Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. д-ра филол. наук проф. Н.Ю. Шведовой. М., 1972.
Репина И.А. «Жизнь Арсеньева» // Энциклопедия литературных произведений / сост. и науч. ред. С.В. Стаховский. М., 1998.
Тресиддер Дж. Словарь символов. М., 1999.
Четверикова О.В. Когнитивно-прагматический потенциал средств языковой экспликации авторских смыслов в поэтическом тексте (на материале произведений первой половины XX века): монография. Тверь, 2010.
Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. М., 2007.

УДК 811.111'37
ББК 81.2Англ-З

К.А. Насилевич

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СТРУКТУРЫ КОНТЕКСТНО-СВЯЗАННЫХ КОСВЕННЫХ РЕКВЕСТИВНЫХ АКТОВ

В статье доказывается, что анафорические субституты на уровне косвенно-реквестивной диалогической реплики, моделируемые в результате замещения, репрезентации и эллипсиса, демонстрируют действие закона симметрии. Закон симметрии, правила сокращения коммуникативно неактуального компонента являются универсальными при косвенном выражении реквестивного значения в диалогическом общении.

Ключевые слова: *косвенный реквестивный акт, диалогическая реплика, симметрия, замещение, репрезентация, эллипсис.*

Насилевич Каринэ Александровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков для экономических специальностей факультета лингвистики и журналистики Ростовского государственного экономического университета (РИНХа)
Тел.: 8-952-564-15-61
E-mail: karinathebest@mail.ru

© **Насилевич К.А., 2012.**

Для целей нашего анализа существенно выделить такие сегменты диалогического текста, в которых наблюдается повтор сказуемого, и определить их особенности. Нижней границей сегмента будем считать сложное косвенно-реквестивное высказывание, содержащее несколько элементарных речевых актов, связанных сочинительной или подчинительной связью, поскольку оно включает более одного предикативного ряда и семантически эквивалентно последовательности простых высказываний. Верхнюю границу в нашем случае определить труднее, так как действие законов сокращения распространяется лишь на короткую дистанцию и может охватывать не весь тематически связанный сегмент. В этом легко убедиться на примере (1), где адресант, ощущая значительную удаленность репрезентанта от antecedента, повторяет знаменательную часть сказуемого. Ср.: (1) «*I told them I'd look them up in Rome sometime, if I ever got there, but I doubt if I ever will. Could you look them up, I mean?*» (Helprin).

В диалогическом тексте границей сегмента будем считать не смену говорящего, а смену темы, поскольку именно единство темы является предпосылкой вторичного упоминания сказуемого. Для решения поставленной нами задачи выяснения фактов, определяющих способ выражения повторяющегося сказуемого, существенно выделить в сегменте те его части, которые содержат лексически идентичный компонент, оформленный как сказуемое хотя бы в одной из частей. Поэтому мы будем рассматривать как равноправные

различные синтаксические структуры, содержащие эти компоненты. Исследование показывает, что семантическое согласование, состоящее в анафорической субституции или эллипсисе сказуемого, происходит в результате взаимодействия только тех элементарных предикативных единиц, которые содержат лексически идентичные предикативные компоненты. Поскольку именно его структура подвергается изменению, будем называть его зависимым, а конструкцию, содержащую первое упоминание сказуемого, – опорной.

Что касается эллипсиса или репрезентации, которая является частным случаем эллипсиса, то их принято рассматривать как особый тип замещения. «Эллиптические конструкции, – отмечает Е.В. Падучева, – отличаются от конструкций с местоимениями только тем, что слово-заместитель оказывается в них нулевым» [Падучева, с. 59]. Специфика каждого из анафорических средств состоит в их взаимоотношениях с антецедентом. Нулевой заместитель охватывает либо всю группу сказуемого (2), либо только одно сказуемое (3): (2) «*I won't speak to him. Will you speak to me?*» (Brown); (3) «*Could you kindly lead me to her and her to me?*» (Koontz).

Репрезентация характеризуется как «эллипсис с сохранением предстателя» [Реунова, с. 37]. Она наблюдается в зависимом предложении, когда сказуемое выражено сложной глагольной составляющей, благодаря чему его грамматическая и лексическая информация представлены расчлененно-вспомогательным или связочным глаголом и знаменательной частью. Идентичная знаменательная часть эллиптируется, а идентичная вспомогательная часть представляет на уровне предложения всю глагольную составляющую. В зависимости от характера новой, нетождественной информации глаголы-репрезентанты подразделяются на видовременные (4), связочные (5) и модальные (6): (4) «*I'll cry all the time. Will you stop crying?*» (Koontz); (5) «*He is here. Why are you looking at him like an unsuccessful doctor?*» (Clancy); (6) «*You must do something. Could you say if I must go?*» (Silverberg).

Замещение в отличие от эллипсиса во всех его разновидностях характеризуется тем, что у глагола-заместителя анафорическая отсылка входит в состав значения. Существенными являются и синтаксические различия: глагол-заместитель, занимая позицию всей глагольной составляющей, создает полную синтаксическую структуру; репрезентанты оставляют позицию знаменательного элемента глагольной составляющей эксплицитно не выраженной и тем самым создают неполносоставную структуру. Хотя во всех сегментах обсуждаемого типа лексическая часть информации сказуемого зависимой реквестивной реплики одинаково выводима, сказуемые зависимого и опорного предложений различаются степенью совпадения грамматической информации, передаваемой так называемыми темпорально-модальными указателями. При совпадении грамматических параметров степень коммуникативного динамизма оказывается ниже, чем при несовпадении этих параметров. Исследование показывает, что именно этот фактор предопределяет вы-

бор анафорических средств выражения сказуемого в зависимой реквестивной реплике.

В общем виде описываемые правила можно сформулировать следующим образом: 1) сказуемое зависимой реквестивной реплики, характеризующееся теми же грамматическими параметрами, что и антецедент, и имеющее благодаря этому низкую степень коммуникативного динамизма, подвергается эллипсису; 2) сказуемое, выражающее несовпадающую грамматическую информацию и обладающее более высокой степенью коммуникативного динамизма, репрезентируется или замещается.

Рассмотрим действие этих правил на конкретном материале.

Правило 1. Ср.: (7) «*Won't you pass here and there, here and there for a while?*» (Davies); (8) «*Will you say it to them or they to you after the first ten minutes?*» (Hillerman); (9) «*I saw Lora yesterday. It isn't a dream. Say!*» (Clancy). В примерах (7) – (9) представлены сказуемые различных типов: простое глагольное (7), усложненное (8), составное именное (9). Различаются они и по форме, связанной с коммуникативной установкой реплики (вопрос-побуждение – повествование-побуждение). Однако во всех примерах сказуемое зависимой реквестивной реплики не несет грамматической информации, отличающейся от антецедента, сигналом чего является полный эллипсис сказуемого.

Реализация Правила 2 происходит в противоположных условиях, когда известные объекты наделяются новыми свойствами в новые отношения. Ср.: (10) «*Will you invite them to the party? You never do*» (Clancy); (11) «*I am a man. Could I say you never was?*» (Silverberg); (12) «*Could you get up as quickly as you could?*» (Hornby).

На первый взгляд, наши примеры не удовлетворяют требованию наделять известные объекты новыми свойствами: сказуемые во всех репликах идентичны. Однако идентична у них не только лексическая информация. Грамматическая информация у сказуемого каждой зависимой реквестивной реплики относится к плану нового. Новое должно анализироваться здесь как контрастирующее, противопоставленное какой-то альтернативе. В примерах (10) и (11) анафорические заместители контрастируют со знаменательными глаголами по категории времени, в (12) – по модальной окрашенности действия. Как видно из сравнения примеров (10) и (11), репрезентанты и заместитель *do* в одинаковой мере используются как темпоральные указатели, обеспечивая в сумме выражение всех необходимых видовременных категорий глагола.

Что касается новой информации модального характера, то для ее выражения используется обширный класс глаголов, передающих различные оттенки отношений субъекта к действию, обозначенному смысловым глаголом. Ср.: (13) «*I'm clearing out as soon as I should. Couldn't you go?*» (Clancy); (14) «*Could you go to the party alone, but you don't want to?*» (Silverberg); (15) «*She needs to be taken for a walk. Would you like to do it?*» (Hornby).

Г.Г. Почепцов, объединивший эти глаголы в один класс глаголов-усложнителей сказуемого, разбивает их на восемь групп на основе общих

содержательных признаков. Выделяются собственно модальные глаголы, глаголы, выражающие кажимость действия (*seem*), осуществяемость (*try, attempt*), отношение субъекта к действию (*want, mean, love*) и т. д. Все эти глаголы, по мнению Г.Г. Почепцова, «отличаются признаком неполноты предикации» [Почепцов, с. 134] Вместе с полнозначным глаголом они образуют одну минимальную синтаксическую единицу – сказуемое. Эта точка зрения, хотя она не является общепризнанной в той ее части, которая касается глаголов всех перечисленных групп, кроме первой (собственно – модальные глаголы), представляется тем не менее вполне обоснованной, так как «разница между *can* в *can write* и *want* в *want to write*, – как справедливо отмечает Г.Г. Почепцов, – лежит в смысловой сфере и заключается в принадлежности соответствующих значений к различным понятийным сферам. В плане же синтаксическом роль этих глаголов одинакова [Там же, с. 138 – 139]. При этом конструкции с глаголом *want* «выражают динамическое модальное значение, основанное на уверенности, убежденности, надежде в реализации собственного желания или намерения» [Гунченко, с. 7].

Одинаковой она оказывается и при включении в диалогический текст предложений, содержащих глагол типа *want* и предварительно упомянутый полнозначный глагол. Глаголы обсуждаемого типа подобно модальным глаголам выступают в зависимой диалогической реплике как анафорические компоненты, передающие новую, невыводимую информацию. Эти особенности употребления позволяют отнести описываемые глаголы к группе репрезентативов сказуемого, вопреки установившейся традиции рассматривать в качестве репрезентанта только сопровождающую их частицу *to* [Структурный синтаксис английского языка]. Подобный взгляд сложился при изолированном рассмотрении предложения, когда не учитывались его отношения с другими частями текста. Выход за пределы предложения с усложнителем и сопоставление его с опорным показывает, что представителем сказуемого, выражающим невыводимую часть его информации, является именно усложнитель, а сопровождающая его частица *to* лишь сигнализирует об актуализации его глагольной сочетаемости в отличие от субстантивной, обозначаемой в аналогичных анафорических конструкциях местоименным заместителем. Ср.: (16) «*Do let's get a home. Only are you sure you want one?*» (Hornby).

Таким образом, мы установили, что действие коммуникативных факторов, предопределяющих замену предварительно упомянутой знаменательной части сказуемого анафорическими субститутами на уровне реквестивной диалогической реплики, реализуется в виде правил, согласно которым степень эксплицитности повторяющегося сказуемого в контекстно-связанной реквестивной реплике находится в прямой зависимости от коммуникативной актуальности передаваемой информации. Этот же фактор предопределяет, хотя и опосредованно (с учетом характера анафорического субститута) и степень структурной полноты реализующегося при этом предложения.

Следующая задача нашего исследования – выяснение степени универсальности выведенных правил. Наши наблюдения свидетельствуют, что сказуемое, содержащее предупомянутую знаменательную часть, не во всех без исключения случаях подвергается субституции. В нашей картотеке обнаруживаются случаи повторной номинации. Ср.: (17) «*I have come here to listen to your **confession. Could you confess?***» (Sharpe); (18) «*I heard you coming and you still can't hush your **hollering. Would you stop hollering please?***» (Black).

Означают ли примеры такого типа, что выведенные нами правила имеют ограниченную сферу действия? В качестве ответа на данный вопрос целесообразно сослаться на справедливое замечание И.Б. Долининой, высказанное, правда, в иной связи, относительно границ действия универсальных правил: «В первую очередь встает вопрос (если наблюдается отклонение от некоторого универсального свойства), являются ли предложения такого типа свидетельством неуниверсальности этого свойства или они говорят о влиянии других равноуниверсальных факторов. Можно считать, что если имеется возможность перечислить и предсказать все случаи отклонения от какого-либо свойства и при этом перечислить факторы, обусловившие такие отклонения, то дело не в неуниверсальности этого явления, а в том, что имеется ряд других, одинаково важных явлений, которые в каких-то случаях приходят в столкновение друг с другом. Это и объясняет каждый тип отклонений, наблюдаемый в конкретных языках» [Долинина, с. 158 – 159].

Мы полагаем, что именно так обстоит дело и с нашими правилами. Однако, чтобы доказать их универсальность, следует установить, какие не менее существенные факторы ограничивают действие выделенных правил. Эта задача важна и сама по себе – ведь если удастся обнаружить, что отклонения обуславливаются факторами равноуниверсального характера, то тем самым гипотеза о закономерной организации косвенных реквестивных актов в диалогической речи будет доказана, по крайней мере в части, касающейся косвенных просьб с предупомянутым сказуемым.

Анализ начнем с сопоставления примеров (14) и (17). В обоих примерах знаменательная часть сказуемого зависимой части сложного косвенного реквестивного акта имеет опору в предшествующей части.

В обоих случаях имеются также усложнители, способные выполнить прагматическую функцию репрезентации. Однако в (17) этого оказывается недостаточно для сокращения структуры зависимой части. Дальнейшее сопоставление примеров позволяет обнаружить существенное различие между ними. Оно состоит в соотношении структур зависимой и опорной частей. В примере (14) наблюдается идентичность синтаксических связей повторяющегося компонента с другими частями косвенного реквестивного акта, т. е. он занимает одинаковое место в структурной схеме опорной и зависимой частей, являясь и в том и в другом случае частью сказуемого. В примере (17) компонент, впервые вводящий информацию, повторяемую далее сказуемым зависимой ча-

сти, не является сказуемым. Именно в этом мы видим причину отклонения структуры зависимой части от правил сокращения. Закономерно поставить вопрос, почему такой чисто структурный фактор оказывается сильнее, чем фактор предупомянутости, выводимости информации? Дело, по-видимому, в том, что при всех видах субституции возникает необходимость в идентификации того компонента опорной части, чье лексическое значение повторяется в зависимой части, т. е. заместитель должен «найти» свой антецедент. Английские глагольные заместители (включая нулевой) интерпретируют как антецедент только простое или часть сложного сказуемого (в отдельных случаях герундий или причастие). Однако правильно идентифицировать свой антецедент субститут может только, если он действительно содержится в сказуемом опорной части косвенной просьбы. А это возможно лишь при симметричном построении обеих частей. Если, как в примере (17), это условие не соблюдается, то эллипсис знаменательной части приписал бы глаголу *want* репрезентацию *come* или *listen*, образующих группу сказуемого опорной части косвенного реквестивного акта. Необходимость нейтрализовать эту прогнозирующую способность *want to* приводит к повторению выводимого значения *confess*.

Все задействованные в данной публикации примеры с замещением, репрезентацией и эллипсисом демонстрируют действие закона симметрии (примеры 1 – 18). Повторение сказуемого в несимметричных конструкциях косвенных реквестивных актов доказывает его истинность «от противного». Все это дает основание считать, что закон симметрии является столь же универсальным фактором, сколь и правила сокращения коммуникативно неактуального компонента, и отклонения от этих правил, связанные с несимметричностью структур, есть результат столкновения одинаково универсальных закономерностей. Действие закона симметрии так же, как и правил сокращения коммуникативно неактуального компонента, может быть выявлено только, если выйти за пределы изолированного косвенного реквестивного акта, т. е. в условиях ближнего контекста. Эти закономерности относятся к уровню диалогического текста и могут быть охарактеризованы как гиперсинтаксические.

Литература

Гунченко Г.В. Речеактовые свойства базисных волитативных конструкций английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2006.

Долинина И.Б. Системный анализ предложения (на материале английского языка). М., 1977.

Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М., 1974.

Почетцов Г.Г. Коммуникативный анализ структуры предложения. Киев, 1971.

Реунова О.И. Эллипсис как лингвистическое явление. Пятигорск, 2000.

Структурный синтаксис английского языка. Л., 1985.

Black T. After Anna. N. Y., 2008.

Brown C. The Hellbound Heart. L., 2002.

- Clancy T.* Patriot Games. L., 2001.
Davies R. The Rebel Angels. L., 2002.
Helprin M. A Soldier of the Great War. L., 2003.
Hillerman T. The Blessing Way. L., 2003.
Hornby N. A Long Way Down. L., 2004.
Koontz D. Intensity. L., 2001.
Sharpe T. Wilt. L., 1999.
Silverberg R. The Time of Changes. N. Y., 1997.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070. (070.19, 070.2)
ББК 76.01(2)

А.И. Станько

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ДОНСКОЙ ПРЕССЫ

Анализируются причины и обстоятельства недостаточной изученности истории донской журналистики. Уточняются сведения о начале выхода «Донских войсковых ведомостей», охарактеризованы малоизвестные дореволюционные издания, в том числе юмористические и нелегальные политические («Весёлая струнка», нелегальный журнал «Рабочий» и др.), затронут вопрос о псевдонимах донских авторов. Определяются направления дальнейших разысканий ученых.

Ключевые слова: *ведомости, юмористический сборник, нелегальный журнал, цензура, псевдоним.*

Станько Александр Иванович – докт. филол. наук, профессор кафедры истории журналистики Южного федерального университета
Тел.: (863) 243-39-51

© Станько А.И., 2012.

В изучении истории возникновения и развития периодической печати Дона немало «белых пятен». Их существование обусловлено прежде всего тем, что некоторые издания или их отдельные номера, о появлении которых имеются документальные свидетельства, до сих пор не обнаружены. Это относится к первой печатной газете региона – «Донские войсковые ведомости».

Долгое время дата выхода в свет «Донских войсковых ведомостей» указывалась в справочной литературе неточно. Известный русский библиограф Н.М. Лисовский в своем фундаментальном труде «Русская периодическая печать. 1703-1900» (Пг., 1915) датировал выход газеты 1849 г. В справочнике «Периодическая печать дореволюционного Дона. 184 – 1916», выпущенном в 1963 г. областной библиотекой имени К. Маркса для внутреннего пользования, указывалось иное время начала ведомостей – 1841 г. Донской исследователь В.В. Шумов, ссылаясь на свидетельство одного из поздних редакторов ведомостей Х.И. Попова, отнес истоки местного периодического издания к 1839 г. [Шумов]. Газета «Молот» 5 мая 1974 г. опубликовала сообщение Е.В. Ахмадулина о том, что в фондах Новочеркасского музея истории Донского казачества сохранился комплект «Донских войсковых ведомостей» за 1839 г., который открывается №11 от 6 июля [Ахмадулин].

Этот номер имеет 10 страниц книжного формата, каждая из которых разделена на две колонки. На первой странице опубликованы

разного рода внутренние известия и объявления, в том числе о продаже принадлежащего нахичеванскому мещанину дома «без крыши, дверей и окон», о выборах казначея по Кавказской области, о продаже помещицкого имения с сотнями крестьянских душ, о новой «баллотировке в войсковые и окружные должности».

Сообщения напечатаны без заголовков и пронумерованы римскими цифрами. Последнее из них под римской цифрой V гласит: «В Черкасской донской почтовой конторе хранятся письма с деньгами, возвращенные за неотысканием лиц, на имена коих были адресованы». Далее на девяти страницах приведены выдержки из писем «с тем, чтобы подаватели явились в контору для получения обратно» своей корреспонденции. Ныне № 11 «Донских войсковых ведомостей» за 1839 г. представлен в экспозиции Новочеркасского музея истории донского казачества.

Обращает на себя внимание тот факт, что указанная на первой странице одиннадцатого номера дата 6 июля 1839 г. не позволяет с полной уверенностью установить начало выхода «Донских войсковых ведомостей».

В Государственном архиве Ростовской области (ГАРО) хранятся материалы, позволяющие уточнить обстоятельства появления первой местной газеты. В «Журнале войска Донского войскового правления» сообщается о заседании 14 декабря 1838 г., на котором слушали «предложение наказного атамана войска Донского г. генерал-лейтенанта Власова об официальной части губернских ведомостей». Положение об издании губернских ведомостей, разосланное министром внутренних дел, обязывало всех губернаторов страны начать выпуск местной газеты. В протоколе заседания войскового правления записано: «Приказали: означенное циркулярное предписание г. министра внутренних дел об официальной части губернских ведомостей принять для исполнения в подлежащем и отпечатать в войсковой типографии потребное число экземпляров, разослать к непременному исполнению во все сыскные начальства и новочеркасскую полицию» [ГАРО]. В графе «Когда указы посланы» значится дата: 28 декабря. В соответствии с этим указом началось издание «Донских войсковых ведомостей». Тем самым год появления газеты – 1839 не вызывает сомнений. Однако остается невыясненной дата выхода первого номера ведомостей, не обнаружены до сих пор первые десять ее номеров. Возможно, они сохранились в архивах казенных ведомств, в которые состоялась рассылка. Поскольку в официальной части ведомостей печатались распоряжения местных властей и информация о беглых крестьянах, получение каждого номера фиксировалось казенным учреждением и доклад об исполнении передавался по инстанции. Имеется аналог такого рода открытия. Недавно обнаружены подшивки первой провинциальной российской газеты «Тамбовские известия», о существовании которой было известно по воспоминаниям ее основателя Г. Державина, и в течение двух столетий велись ее поиски.

Трудно найти донскую газету или журнал дооктябрьского периода, в которых бы отсутствовали псевдонимы. Особенно часто они встречаются в сатирических и нелегальных изданиях. И расшифровать иные до сих пор не удается исследователям, которые обращаются не только к «Словарю псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф.Масанова, но и к архивам редакций, цензурным документам.

В историко-журналистской литературе значительное внимание уделялось и уделяется ныне социальной сатире и ее представителям в периодике. Сатирические издания Новикова, Фонвизина, Крылова глубоко изучались П.Н. Берковым, А.В. Западовым; сатирический еженедельник «Искра» стал объектом основательного исследования И.Г. Ямпольского. Ученые установили авторство анонимных публикаций, раскрыли многочисленные псевдонимы. В этом отношении менее повезло провинциальным юмористическим изданиям, которые фигурируют в научной литературе как второстепенное явление по сравнению с социальной сатирой или вовсе не упоминаются.

«А ведь смех приносит неоценимую пользу еще и потому, что дает людям своеобразный “очищающий” отдых, несет им чувство легкости, раскованности», – признает А.З. Вулис [Вулис, с. 31]. Он цитирует слова М. Бахтина о «карнавальном» мироощущении, которое возникает в глубинах «разделенного», взаимного смеха, содержит элемент игры и снимает связанные с «иерархическим строем» жизни «формы страха, благоговения, пиетета». При этом юмор и сатира сосуществуют нередко под крышей одного периодического издания, используют одни и те же изобразительно-выразительные средства. Авторами сатирических и юмористических текстов выступают часто одни и те же писатели и журналисты.

К числу юмористических изданий принадлежит малоизвестный сборник, хранящийся в Российской государственной библиотеке, на обложке которого значится: «Неудержимый смех!!! Веселая струнка. Цена 20 коп. Сборник комических сцен и рассказов (составил Сверчокихесть). Ростов-на-Дону. Типография С.Р. Грихилеса. Бол. Садовая ул., № 73, 1903. Дозволено цензурой. Ростов-на-Дону, 26 марта 1903 г.». В сборнике 24 страницы убористого текста.

В «Веселой струнке» помещено несколько десятков миниатюрных юмористических сцен, диалогов, рассказов, авторство которых неизвестно. Каждая юмореска снабжена заголовком, имеются рубрики: «Женские комические рассказы», «Детские рассказы (не для детей)», «Из немецкого быта» и др. Все они касаются бытовых проблем, дают пищу для размышлений и сегодня.

По своему содержанию и форме юморески «Веселой струнки» близки к публикациям, автором которых в «Искре» был издатель столичного карикатурного альбома «Дебютант» и «Карикатурного листка» К.Д. Данилов, деятельность которого вызвала недовольство высоких чиновных особ. Он был вынужден оставить службу в департаменте Министерства

юстиции и покинуть столицу. Переехав в Таганрог, Данилов основал в городе книжную лавку, в которой располагалась контора «Искры», и стал активным сотрудником этого издания, публикуя в нем свои рисунки с остроумными подтекстовками.

Мишенью карикатур Данилова становились стяжательство, тунеядство, невежество, мошенничество. Живость и ярко выраженную индивидуальность рисункам и текстам придавали контрастность подписи и изображения, парадоксальность реплик персонажей, неожиданность финалов. Последнее обстоятельство сближает с его работами публикации авторов «Веселой струнки».

На уроке естественной истории учитель спрашивает маленького Васю, сына колбасника:

- Вася, какие бывают домашние животные?

- Лошадь, корова, овца, осел, баран, кошка.

- А еще?

Ученик молчит.

- Ты не назвал самого главного животного. Скажи Вася, из чего твой отец делает колбасы?

- Этого я не могу сказать, г-н учитель.

- Почему?

- Если папа об этом узнает, что я сказал, так он выпорот меня до полусмерти.

Аналогом подобной ситуации может послужить монолог откупщика, изображенного Даниловым в «Искре» (1859, №25), стоящим в растерянности рядом с винными бочками: *«Дали клятву не пить! Да это черт знает что такое! Это нелепость; это все равно, что я дал бы клятву не разводить вина водою!»*

Если сопоставлять персонажи и ситуации «Веселой струнки» с героями и эпизодами публикаций юмористических журналов, то уместно вспомнить о ранних остроумных миниатюрах Антоши Чехонте. В их числе знаменитая «Жалобная книга» с несуразными записями, сделанными на железнодорожной станции незадачливыми пассажирами. В ростовском сборнике крошечная миниатюра на эту тему называется «На станции»:

- Это черт знает что за безобразие! Дайте мне сейчас жалобную книгу!

Есть она у вас?

- Так точно, есть, а только все равно она для вас без пользы будет.

- Почему?

- Места там уже нет: она вся исписана.

Не только тематика сближает миниатюры «Веселой струнки» с ранними чеховскими юморесками, но и некоторые характерные детали композиции, особенно концовки, в которых концентрируется вся соль анекдотической ситуации или разговора. На связь чеховских миниатюр с публикациями «Искры», «Будильника» и других юмористических журналов указывает А.П.Чудаков: «Главными жанрами юмористической прессы были так называемые «мелочи», писавшиеся по давно

отвердевшим канонам, устоявшимся шаблонам. Чехов работал почти во всех этих жанрах» [Чудаков, с. 67].

Тема обличения угодничества, ярко представленная в чеховском «Хамелеоне», присутствует на страницах «Веселой струнки». Офицер приказал денщику нарезать принадлежащую ему курицу и приготовить из нее суп. На вопрос, почему не выполнено его приказание, денщик отвечает: *«За ними сейчас эмеральдский петух ухаживать изволят»*. Опубликованное в юмористическом сборнике «Веселая струнка» «Письмо управляющего к помещику» напоминает стилистику подобного рода посланий, составленных в VIII в. Фонвизиним, а в XIX в. Чеховым: *«Милостивый государь батюшка сивый жеребец, Никита Петрович умер по каковому случаю в вашу господскую шкуру продал и оныя деньги купил для вашей милости хомут по вотчине вашей милости крестник Андриюшка Ефимов сынишка у него на левой лодыжке вскочила вот такая шишка, а за сим низко кланяюсь раб вашей милости Кондратий Сергеев»*.

Составитель и авторы сборника «Веселая струнка» скрыли свои имена под псевдонимами или инициалами. Некоторые из них пародируют известные псевдонимы, например «Сверчокихость» («Сверчок» – псевдоним А.С.Пушкина). Дальнейшее изучение ростовского юмористического сборника «Веселая струнка», оказавшегося на периферии историко-журналистских исследований, позволит выяснить имена его участников, раскрыть литературные связи той поры.

Причины, по которым издатели и авторы публикаций другого ростовского издания – нелегального журнала «Рабочий» (1883 г.) скрыли свои имена, очевидны. Инициаторами и руководителями журнала были участники «Центрального рабочего кружка», созданного при содействии народников в 1882 г., А. Карпенко и В. Кудряшов – рабочие железнодорожных мастерских г. Ростова-на-Дону. Члены кружка изучали «Капитал» К. Маркса, запрещенную литературу революционного содержания. Ростовский кружок был разгромлен полицией, его руководители арестованы, отправлены в ссылку. В руки полиции попал журнал «Рабочий», изданный кружковцами. Гектографированное издание «Рабочего» было приобщено к делу полицейского дознания, и в материалах следствия единственный экземпляр журнала дошел до наших дней и хранится в Российском государственном историческом архиве.

Журнал «Рабочий» представляет собой небольшую тетрадь без обложки, в которой все статьи написаны фиолетовыми чернилами разным почерком. Под некоторыми статьями значится подпись: *Рабочий*. В содержании журнала выделяются три раздела. Первый – зарисовки о труде и быте рабочих, положении солдат и крестьян: «Письмо к солдатам», «Несколько слов по поводу коронации», стихотворение «Новый царь нам обещает», статья «Как живут рабочие». Ссылаясь на сообщения очевидцев, собственные наблюдения, авторы повествуют о каторжном труде рабочих золотых приисков Сибири, где рабочий день длится 12 – 13 часов, о рогожниках Рославля Смоленской губернии, трудящихся на хозяев 22 часа в сутки.

Второй раздел журнала – исторический – представлен статьей «Очерки русского народа», цель которой – выяснить причины, по которым свободный человек превратился в холопа «под властью разбойничьей шайки». Статьи, составляющие третий раздел журнала – «Товар и ценность», «Записки по политической экономии» излагают взгляд авторов на теорию стоимости, отношения цены и стоимости, теорию прибавочной стоимости. Общий вывод публикаций всех разделов журнала – неизбежность насильственного крушения существующего политического и экономического строя.

Руководители издания рассчитывали, что за первым номером последуют другие выпуски журнала. Под некоторыми статьями имеются пометки о том, что будет продолжение. Дальнейшее изучение «Рабочего», связанное с установлением авторства публикаций, позволит полнее представить состояние общественной жизни региона, имена и деятельность местных публицистов.

Периодическая печать Дона – неотъемлемая часть отечественной журналистики. Изучение ее истории – задача национального значения, актуальность которой укрупняется ныне в год отечественной истории.

Литература

- Ахмадулин Е.В.* Печати Дона 135 лет // Молот. 1974. 5 мая.
Вулис А.З. В лаборатории смеха. М., 1966.
ГАРО. Ф. 301. Оп. 8. Ед. хр. 63. Л. 488 об.
Чудаков А.П. Антон Павлович Чехов. М., 1987.
Шумов В.В. Первая газета на Дону // Вечерний Ростов. 1971. 13 нояб.

ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 808.5
ББК 81.2

**Л.А. Введенская,
Л.Г. Павлова,
Е.Ю. Кашаева**

**УЧЕБНИК «РУССКИЙ ЯЗЫК.
КУЛЬТУРА РЕЧИ. ДЕЛОВОЕ
ОБЩЕНИЕ»: МОДУЛЬНО-
КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ
ПОДХОД**

Рассматривается применение модульно-компетентного подхода при разработке учебника нового поколения по русскому языку, культуре речи и деловому общению. Подчеркивается необходимость формирования у будущих специалистов таких важнейших коммуникативных компетенций, как умение строить устную и письменную речь, корректно, ясно, понятно и аргументированно обосновывать выдвигаемые положения, владеть знаниями и навыками в сфере документной коммуникации, культурой профессионального общения.

Ключевые слова: *модульно-компетентный подход, компетентность, компетенции, речеведческие дисциплины, эффективность делового общения, унификация языка и стиля документа.*

Людмила Алексеевна Введенская – докт. филол. наук, заслуженный профессор ЮФУ, профессор-консультант кафедры языка СМИ и рекламы Южного федерального университета
Тел.: (863) 264-77-06

Людмила Григорьевна Павлова – канд. филол. наук, профессор Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Тел.: (863) 264-52-91
E-mail: lyudyurpav@gmail.com

Елена Юрьевна Кашаева – канд. филол. наук, доцент Донского государственного технического университета,
Тел.: (863) 292-37-26; 8-919-898-22-23
E-mail: kashaeva@u.edu.ru

© **Введенская Л.А., Павлова Л.Г.,
Кашаева Е.Ю., 2012.**

Вхождение России в мировое образовательное пространство, присоединение к Болонскому соглашению неизбежно привели к необходимости структурной модернизации образования в нашей стране, повышению его социальной и экономической эффективности.

Основу складывающейся сегодня парадигмы образования составляет компетентностный подход, акцентирующий внимание на результате образования, в качестве которого рассматривается не сумма усвоенной информации, а способность специалиста действовать в различных ситуациях.

Новые требования к выпускнику высшего учебного заведения обязывают его быть широко компетентным в своей сфере деятельности, т.е. умело сочетать профессиональную квалификацию с социальным поведением; быть инициативным, готовым эффективно работать в команде; уметь самостоятельно принимать решения и отвечать за их последствия и др.

Компетентность, актуализируемая в компетенциях, – готовность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области.

Для обеспечения компетентностного подхода в образовании весьма актуальна задача создания учебников нового типа, а также «возможностей их адаптации в условиях современных гуманистических идей и тенденций в образовании» [Бермус].

Достаточно продуктивным при разработке новых учебных посо-

бий на сегодняшний день считается модульно-компетентностный подход, при котором в пределах одного модуля (выступающего целостной единицей образовательного стандарта) у студента формируются ключевые компетенции, определяющие его успешную адаптацию в обществе [Фролова].

Именно этот подход был положен в основу при написании учебника «Русский язык. Культура речи. Деловое общение» (М.: КноРус, 2012), предназначенного для бакалавров нефилологических направлений подготовки, изучающих такие предметы, как «Русский язык и культура речи», «Деловые коммуникации и культура речи», «Культура речи и деловое общение», «Риторика». Все эти учебные дисциплины направлены на развитие у будущих специалистов коммуникативных компетенций: умения и готовности эффективно общаться; правильно строить устную и письменную речь; ясно и понятно выражать мысли; аргументированно обосновывать выдвигаемые положения; грамотно выстраивать межличностные отношения в процессе делового общения, используя вербальные и невербальные средства общения. Коммуникативные компетенции в значительной степени обеспечивают успешную социализацию личности, ее интеграцию в сферу профессиональной деятельности. Как отмечают, способность к осуществлению эффективного общения проявляется в ситуациях профессиональной коммуникации и служит удовлетворению потребностей специалиста в обмене информацией, мыслями, чувствами; в осуществлении взаимодействия, в построении отношений с коллегами и партнерами; в выработке общих позиций; в установлении духовного контакта [Куламихина]. Формированию указанных компетенций посвящено содержание учебника, отраженное в четырех разделах: «Современный русский язык», «Культура речи», «Устное деловое общение», «Письменное деловое общение».

Каждый раздел учебника представлен системой модулей, в рамках которых осваиваются основные темы раздела. В структуру модуля входят: аннотация содержания модуля; комплексная цель обучения как совокупность формируемых компетенций; перечень изучаемых тем; основные понятия темы (теоретический минимум); практикум (практические и проектные задания); тесты рубежного контроля; литература. В качестве формы самоконтроля в конце каждого раздела предлагаются контрольные тесты. Функцию приложения к теоретическому минимуму раздела выполняет глоссарий актуальных слов и терминов.

Логика расположения материала в разделах учебника позволяет наращивать формируемые компетенции по принципу «известное – знакомое – неизвестное». Благодаря этому соблюдается преемственность содержания разделов «Современный русский язык» (модули: «Национальный язык и формы его существования»; «Функциональные стили русского литературного языка») и «Культура речи» (модули: «Нормативный аспект культуры речи»; «Коммуникативные качества речи»; «Этический компонент культуры речи») элементам Обязательного минимума содержания среднего (полного) и основного общего образо-

вания¹. Эти разделы являются базовыми в системе речеведческих дисциплин, их освоение необходимо для формирования общекультурных компетенций, которые не привязаны жестко к объекту и предмету труда. Так, навыки ответственного отношения к национальному языку, его традициям и нормам гармонизируют личность, повышают самооценку, побуждают уважительно относиться к себе и другим людям, что соответствует таким общекультурным компетенциям, как готовность уважительно и бережно относиться к историческому наследию и культурным традициям, толерантно воспринимать социальные и культурные различия, руководствоваться ими в профессиональной деятельности; культура мышления, способность к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей её достижения, умение логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь.

При изучении этих разделов студенты должны проникнуться сознанием того, что язык является важнейшим средством общения и воздействия, оптимизации всех видов человеческой деятельности, механизмом получения и обработки информации, инструментом социального управления.

Необходимо расширить знания обучаемых о языке как знаковой системе, богатстве русского языка, его ресурсах, формах реализации, функциях и стилистических разновидностях. Это позволит будущим специалистам сознательно пользоваться языком в своей профессиональной деятельности, правильно выбирать речевые средства в соответствии с ситуацией общения и коммуникативными задачами, поможет грамотно создавать научные, публицистические, официально-деловые тексты и т.д.

Важно показать, что новые условия функционирования русского языка (многочисленность и разнообразие состава участников коммуникации, отсутствие официальной цензуры, преобладание спонтанной речи, заранее не подготовленных выступлений, разнообразие ситуаций общения и т.д.), тенденции его развития (демократизация, либерализация и даже вульгаризация литературного языка; «олитературивание» терминов; чрезмерные и не всегда оправданные заимствования из английского языка) привели к значительным сдвигам в современном русском литературном языке.

Как известно, для современного состояния русского языка характерны следующие особенности: размытость границ литературного языка, активное проникновение в него жаргонизмов, диалектизм, профессионализмов, просторечия; расшатывание норм литературного языка, интенсификация языковых изменений и т.д. В жизни языка и общества в настоящее время наблюдаются два противоположных процесса: один – разрушает традиции, нормы, стандарты (энтропизация), другой – упорядочивает явления, создает новые структуры, модели, образцы (деэнтропизация).

В этих условиях речевое поведение специалиста не должно выходить

за рамки культурного поля языкового существования, что, безусловно, требует повышения его языковой компетентности.

В процессе обучения особое внимание следует уделить повышению речевой культуры учащихся. Требуется тщательная работа, направленная на овладение бакалаврами действующих норм литературного языка. Многолетний опыт работы показывает, что наиболее типичными являются ошибки, связанные именно с нарушениями литературной нормы на всех уровнях языка – фонетическом, лексическом, грамматическом.

Важным показателем речевой культуры говорящего считается его словарный запас. Чем богаче тезаурус человека, чем шире база его речевой деятельности, тем точнее выражает он свои мысли, тем адекватнее восприятие им смысла получаемого сообщения, эффективнее речевое воздействие.

Устные и письменные опросы студентов, выступления с сообщениями свидетельствуют об ограниченности их лексикона, поэтому требуется целенаправленная работа по расширению словарного запаса, созданию основательной базы для речевой деятельности.

Серьезное внимание нужно уделить коммуникативному аспекту культуры речи. Студенты должны понимать, что культура речи не может быть сведена к перечню запретов и определений «правильно – неправильно». Культура речи вырабатывает навыки отбора и употребления языковых средств, необходимых для конкретной цели. В соответствии с требованиями коммуникативного аспекта носители языка должны владеть функциональными разновидностями языка, а также ориентироваться на прагматические условия общения, которые существенно влияют на оптимальный для данного случая выбор и организацию речевых средств. Учащиеся должны знать основные коммуникативные качества речи (логичность, правильность, точность, понятность, уместность, чистота, выразительность, эмоциональность); учитывать их в процессе речевого взаимодействия; понимать, что выбор речевых средств с учетом коммуникативной целесообразности повышает эффективность общения, усиливает действенность устного слова.

Работая над повышением речевой культуры обучаемых, нельзя упустить из виду и этический аспект, предписывающий знание и применение правил языкового поведения в реальной ситуации. Использование этикетных речевых оборотов помогает собеседникам устанавливать контакт и взаимопонимание, создавать благоприятную психологическую обстановку, поддерживать общение в определенной тональности в соответствии с социальными ролями участников. К сожалению, в последнее время нередко приходится сталкиваться с пренебрежительным отношением к этическим и этикетным нормам поведения даже в образованных кругах, в официальных и неофициальных сферах общения, что неизбежно приводит к вульгаризации речевой практики.

Разделы «Устное деловое общение» и «Письменное деловое общение» являются интегративными, т.е. дают представление о речи как об инструменте эффективного общения в сфере профессиональной ком-

муникации [Введенская, Павлова, Кашаева, с. 176]. Коммуникативные компетенции, формируемые при освоении этих разделов, в большей мере отражают профессиональную квалификацию. Они различаются для разных направлений подготовки.

В разделе «Устное деловое общение» (модули: «Основные жанры устного делового общения», «Мастерство публичного выступления», «Искусство делового спора») значительное внимание уделяется технологиям эффективной речевой коммуникации с учетом достижений таких наук, как психолингвистика, теория речевого воздействия, теория речевых актов, прагматика, нейролингвистическое программирование и др. Обучаемые должны понимать, что в процессе речевого взаимодействия недостаточно знать только язык. Собеседникам необходимо придерживаться определенных принципов, правил ведения разговора, которые позволяют координировать их действия и высказывания. Эти правила составляют конвенциональную основу вербального взаимодействия.

Как отмечают исследователи, «языковая данность речевое общение во многом формируется неязыковыми факторами и конструирует внеязыковые сущности: отношения, действия, состояния, эмоции, знания, убеждения и т.д. Поэтому и успешность речевого общения, и неудачи далеко не всегда зависят от выбора говорящими языковых форм» [Культура русской речи, с. 68]. Большое значение приобретает характер речевой ситуации, социальный статус собеседников, особенности их психологии и т.д. Целесообразно на занятиях проработать организационные принципы речевой коммуникации (принцип последовательности, принцип предпочитаемой структуры, принцип сотрудничества, принцип вежливости); рассмотреть условия, способствующие эффективному обмену информацией и осуществлению коммуникативной цели; проанализировать, какие межличностные барьеры препятствуют коммуникации, какую роль играют невербальные средства общения.

Специалист должен хорошо владеть навыками устного делового общения, знать его этические и психологические основы, особенности основных жанров (беседа, переговоры, совещание, разговор по телефону). Важно познакомить учащихся с основами ораторского искусства и полемического мастерства. В процессе обучения студенты должны научиться самостоятельно готовить публичную речь, выступать в аудитории, устанавливать контакт со слушателями, оказывать на них желаемое воздействие, а также вступать в диалог с оппонентами, убедительно и аргументированно отстаивать выдвигаемые положения.

Особое внимание в учебнике уделяется эффективности письменного делового общения. Развитие бизнеса и коммерции, появление новых коммуникативных технологий в значительной мере изменили не только форму, но и содержание письменного делового общения: появились новые виды деловой корреспонденции, речевые модели, уместные в новых ситуациях делового общения. Увеличилось и количество поводов для составления и отправления деловых писем, жанровое разнообразие

деловой корреспонденции. Расширение деловых контактов с зарубежными партнерами привело к использованию международных стандартов в составлении и оформлении деловых писем. Все это обуславливает необходимость изучения как отечественного, так и мирового опыта письменной деловой коммуникации. Сегодня знания и навыки в сфере документной коммуникации – неотъемлемая составляющая профессиональной компетентности специалиста.

Изучению письменного делового общения посвящен раздел «Письменное деловое общение». В структуру раздела входят модули: «Эффективность письменного делового общения», «Унификация языка и стиля документа», «Виды служебных документов и деловых писем».

Содержание модулей обеспечивает знание специфики документа как речевого жанра и разновидности текста; особенностей речевой ситуации письменного делового общения; факторов эффективности письменной деловой коммуникации; нормативного, коммуникативного и этического аспектов деловой письменной речи; правил составления и оформления служебных документов. Указанные знания формируют у будущих специалистов способность понимать сущность и значение информации в развитии современного информационного общества, владеть навыками ее документирования, использовать нормативные правовые, справочно-информационные и справочно-аналитические, а также другие виды документов в своей деятельности, что составляет основу профессиональных компетенций в любой области деятельности современного специалиста.

Подбор практического материала и методика его расположения в практикумах каждого модуля всех разделов данного учебника нацелены на формирование необходимых для профессиональной деятельности умений: например, строить коммуникативные высказывания в соответствии с современными нормами официально-делового стиля; создавать тексты документов различной видовой и жанровой принадлежности с учетом ситуации общения, требований культуры документной коммуникации.

Значительная часть заданий связана с анализом текстов, целью которых является определение коммуникативной эффективности высказывания; оценка стилистической уместности использованных языковых средств; выявление социокультурных особенностей изучаемых текстов, что позволяет студентам овладеть навыками лингвостилистического и социокультурологического анализа. Полученные навыки, безусловно, расширяют лингвистическую эрудицию будущих специалистов, совершенствуют их речевую компетентность.

Одной из важнейших задач речеведческих дисциплин является развитие творческой активности студентов. На ее решение нацелен комплекс проектных заданий, подытоживающих практикум к каждому модулю. Методика заданий этого типа основывается на актуализации умений и навыков, сформированных в ходе изучения модуля, в виде самостоятельных речевых произведений, продуцируемых в устной и пись-

менной формах. Речевые высказывания студенты строят в соответствии с заданной ситуацией общения и коммуникативным заданием.

В комплекс входят также задания, выполнение которых предполагает активизацию умений объяснять те или иные факты использования языка, оценивать эффективность речевых произведений, что не только способствует формированию творческой активности, но и позволяет продемонстрировать умение доказывать высказанную точку зрения.

Тестовая форма контроля знаний особенно эффективна в рейтинговой системе обучения, которая становится обязательной формой организации учебного процесса. В учебнике «Русский язык. Культура речи. Деловое общение» в качестве средств контроля знаний представлен комплекс тестов, включающий тесты рубежного контроля и контрольные тесты. Тесты рубежного контроля дают возможность студентам проверить, насколько успешно они усвоили материал модуля. В свою очередь контрольные тесты, имеющие обобщающий характер, помогают определить уровень усвоения содержания раздела.

Развитию общекультурных компетенций бакалавров (способность расширять кругозор, обновлять знания и т.п.) способствует оснащение содержательных модулей учебника рекомендуемой литературой, что дает возможность студентам получать углубленные знания по темам модулей, самостоятельно осваивать те или иные аспекты изучаемых тем, выполнять задания аналитического и творческого характера, создавать такие виды репродуктивных индивидуальных работ, как рефераты, обзоры на заданную тему, тексты докладов и выступлений. Достижению этой цели служит также глоссарий актуальных слов и терминов, который является не только источником справочной информации, но и представляет собой понятийный минимум изучаемых дисциплин. Практическую помощь бакалаврам окажут и приводимые в учебнике орфографический и орфоэпический минимумы.

Овладение коммуникативными компетенциями необходимо бакалаврам как в период обучения (выступления на семинарах и практических занятиях, прохождение практики, написание курсовых работ, выпускной квалификационной работы), так и в будущей профессиональной деятельности.

В заключение подчеркнем, что применение модульно-компетентного подхода при разработке учебников нового поколения дает возможность более эффективно развивать познавательную, коммуникативную и личностную активность будущих специалистов.

Примечание

¹ Кодификатор элементов содержания по русскому языку для составления контрольных измерительных материалов (КИМ) единого государственного экзамена. Кодификатор составлен на базе Обязательного минимума содержания среднего (полного) и основного общего образования (приложения к приказам Минобрнауки РФ от 19.05.98 №1236 и от 30.06.99 № 56).

Литература

Бермус А.Г. Проблемы и перспективы реализации компетентностного подхода в образовании // Интернет-журнал «Эйдос». 2005. 10 сент. URL:

<http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-12.htm>.

Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. «Русский язык и культура речи» в вузах нефилологического профиля: цели, задачи, содержательные модули // Записки Горного института. Т. 160. Ч. 1: Риторика в системе коммуникативных дисциплин / Санкт-Петербургский государственный горный институт (технический университет). СПб., 2005.

Куламухина И.В. О коммуникативной компетенции специалиста в условиях глобализации экономики // Закон и право. 2006. № 4.

Культура русской речи : учебник для вузов / под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. М., 1999.

Фролова С.В. Разработка государственных образовательных стандартов среднего профессионального образования на основе модульно-компетентностного подхода // Среднее профессиональное образование. 2007. № 2.

РЕЦЕНЗИИ

**МИЛЕВСКАЯ Т.В., МАЛАЩЕНКО В.П. РУССКИЙ СИНТАКСИС
В СИСТЕМНОМ ОПИСАНИИ. LAP LAMBERT Academic Publishing,
2011. 24 п.л.**

Монография состоит из семи глав, предисловия, заключения и библиографии. Цель монографии – формирование и углубление знаний о научно-теоретических основах современного русского синтаксиса. Причем акцент сделан, во-первых, на ономаσιологическом подходе к единицам языка, который противопоставляется семасиологическому принципу как более прогрессивный и рациональный путь анализа от содержания и семантики к форме. В работе последовательно рассматриваются и вопросы, касающиеся оппозиции динамический/статический синтаксис с учетом указанного подхода к анализу диктума и модуса предикативных единиц.

Каждая синтаксическая единица (синтаксема, словосочетание, предложение) содержит ответ на три вопроса: Что выражено? Как выражено? Зачем, с какой целью это выражается участником коммуникации? Материал, представляющий собой ответы на эти вопросы, авторы и стремились сделать содержанием соответствующих глав и разделов курса объяснительного синтаксиса русского языка, не исключая, однако, опоры и на традиционную классификацию единиц языка, их функциональное своеобразие. Авторы сочли необходимым подчеркнуть важность акцентирования внимания на аспектах, связанных с ролью синтаксических форм слова (синтаксем) в формировании предложения нераспространенного и особенно распространенного, образуемого при участии так называемых детерминантов, которые выражаются свободными синтаксемами.

Среди ученых-синтаксистов, авторов пособий по синтаксису для вузов нет единства в трактовке типологии синтаксических единиц. Большинство сторонников структурно-семантического подхода к выделению единиц синтаксиса, в том числе и авторы монографии, разделяют мнение В.В. Виноградова о двух единицах синтаксиса – предложении и словосочетании как образованиях различного назначения. Предложение – коммуникативная единица, а словосочетание – номинативная. Но при этом подчеркивается, что и предложение тоже «номинирует», обозначает, правда, не понятие, а ситуацию действительности как пропозицию, т.е. то, что служит содержанием сообщения и без чего не бывает речевого общения. В монографии учитывается также и то, что на номинативную функцию фразы «работает» не только словосочетание (кстати, формирующееся в процессе речи в структуре предложения), но и единица, за которой укрепилось название «синтаксема», называющая понятие – выразитель смысла высказывания.

Положительной оценки заслуживают материалы третьей главы монографии «Предложение как центральная единица синтаксиса». В центре внимания авторов монографии понятие предложения как основного средства формирования, выражения и сообщения мысли.

В монографии детально анализируются понятия простого и сложного предложения, семантическая структура, грамматическое значение и формальная структура в основном простого предложения, а также его коммуникативная организация. Нельзя не подчеркнуть, что в указанных аспектах подвергнуты анализу и предикативные части сложных предложений.

На наш взгляд, материал третьей главы может быть охарактеризован как своеобразный эталон для вузовских учебных пособий по синтаксису современного русского литературного языка.

Глава IV «Распространение и осложнение предложения» посвящена детальному анализу системы второстепенных членов, участвующих в распространении и осложнении семантической структуры простого предложения. Ценным и интересным представляется нам материал о так называемых присловных и неприсловных распространителях основы предложения. Но, на наш взгляд, оппозиции распространённые/нераспространённые, осложнённые/неосложнённые предложения рациональнее было бы рассмотреть в более тесной и органической связи с материалами главы второй и третьей.

Формирование предложения – это поэтапное преобразование семантического инварианта (пропозиции) в поверхностную структуру, а последнее в конкретное речевое произведение – высказывание. Его вербализованная модель, по мнению одного из авторов монографии – В.П. Малащенко – и может быть охарактеризована как образец для построения конкретных высказываний.

Необходимым условием при этом является то, что типовая семантическая модель должна представлять собой оптимальный минимум, т.е. конструкцию, не допускающую никаких сокращений и являющуюся автосемантической, самодостаточной для того, чтобы функционировать как равноправный компонент дискурса.

Завершается монография двумя главами, посвященными разным типам полипредикативных конструкций («Типология сложных предложений в современном русском языке», «Бессоюбие как способ объединения предикаций») и главой «Синтаксис речи и текста».

Сложное предложение (СП) определяется в монографии как коммуникативная синтаксическая единица, которая представляет собой целостное структурное и интонационно завершённое объединение двух и более предикативных частей на основе синтаксической связи определенного типа. СП всегда полипредикативны, и в большинстве случаев это полипропозитивные (т.е. полисобытийные) единицы, хотя встречаются (например, СП с присубстантивно-определятельной придаточной частью) и монопропозитивные единицы.

Глава, посвященная анализу речи и текста, включает разделы «Дискурс и речевая деятельность» «Высказывание как единица речи», «Система речевых актов», «Связный текст как продукт дискурса», «Сверхфразовое единство как структурный фрагмент связного текста» и «Текст в тексте».

Нельзя не согласиться с авторами монографии в том, что включение дискурса в основные понятия антропологической парадигмы современной науки приводит к необходимости изучения естественно протекающего речевого общения, что требует широкого междисциплинарного подхода к исследованию этой важнейшей формы человеческой деятельности.

Авторы монографии, выделив параграф «Высказывание как единица речи» подчеркивают, что язык как система «существует, функционирует в виде устных и письменных произведений речи, т.е. текста как продукта речевой деятельности человека, точнее, как результата дискурса – своеобразного потока речевого произведения в любой его форме – письменной или устной, жестовой или мимической. Параметры речевой ситуации могут быть представлены в виде формулы-схемы типа «кто – кому – зачем – о чем – где – когда сообщает, реализуемой в относительно законченной в смысловом и интонационном от-

ношении единице языковой коммуникации, которая характеризуется как высказывание» (с. 238 – 239).

Важно отметить значимость факторов, обуславливающих как процесс порождения указанного речевого произведения, т.е. высказывания, так и требования к участникам ситуации: 1) события, референтная ситуация; 2) способ представления события; 3) учет строения самой языковой схемы, ее потенциала для создания поверхностных (реальных) структур; 4) связность элементов текста; 5) коммуникативные установки говорящего; 6) учет стилистических ограничений, опыта адресанта, пресуппозиций, предметно-ситуативного фона, форм речи; 7) коммуникативные роли. Говорящий: кодирует пропозицию (путь: от ситуации действительности – к смыслу, тексту; называет, сообщает, передает свое отношение к сообщаемому, оценивает его (иллокуция), воздействует на собеседника (перлокуция)). Адресат: воспринимает, декодирует текст (путь: от текста – к смыслу и действительности), понимает /не понимает, познает, реагирует.

Таким образом, речевое произведение, т.е. высказывание как дискурсивная единица представлено комплексом составляющих, взаимодействие которых обеспечивает коммуникативный акт.

Не менее интересны и важны параграфы главы «Система речевых актов», «Связный текст как продукт дискурса», «Сверхфразовое единство как структурный фрагмент связного текста», «Текст в тексте».

Рецензируемая монография – своевременное издание, цель которого состоит в представлении русского синтаксиса как системы средств и правил создания речевых единиц. Нельзя не согласиться с ее авторами в том, что важнейшими этапами подобного описания являются характеристика сочетаемости и порядка следования слов в составе предложения как единицы языка и высказывания как части текста.

Создатели пособий по синтаксису русского языка для учебных заведений разного типа могут опираться на содержание всех разделов рецензируемой монографии, которая характеризуется глубоко научным подходом к трактовке основных положений современной синтаксической науки и отчетливо выраженными тенденциями развития семантического синтаксиса, а именно:

- а) от изучения формы к исследованию содержания синтаксических единиц;
- б) выход в области дискурса, текста ССЦ, ДЕ, абзаца;
- в) переход от описания языка к описанию речи.

Н.В.Мальчева

ХРОНИКА

III МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА» (Салоники, Греция)

Конференция, организованная Высшей школой перевода МГУ, прошла 25 – 29 апреля с участием представителей России, Греции, Грузии, Украины, Казахстана, Азербайджана, Сербии, Испании, Индии, Германии, Израиля, Франции, Судана (заочно – также Армении, Болгарии и Японии).

Пленарное заседание открылось докладом декана Высшей школы перевода Н.К. Гарбовского «Русский переводной дискурс», в котором было отмечено, что переводные тексты имеют особые признаки, отличающие их от текстов, изначально созданных на переводящем языке. Язык перевода рассматривается как промежуточный язык (по Н.К. Гарбовскому – «переводной дискурс»). Примечательно, что он может существовать и без оригинала – например, если русский автор пишет статью на английском языке или в случае стилизации под переводного автора. Доклад Ю.А. Вьюнова (Москва, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина) «Государство и менталитет, традиции русского народа в историческом контексте» не касался филологических аспектов и имел чисто публицистическую направленность, с цитированием Путина и Жириновского.

Насыщенными были заседания секции «Теория, история, методология перевода». В докладе О.И. Костиковой (МГУ) «XIX век – век переводческой критики в России» речь шла о выработке критериев оценки творчества переводчика; в докладе Ю.Н. Кольцовой (МГУ) «Разновременные переводы новеллы П. Мериме “Кармен” как отражение эволюции языка» сопоставлялись несколько переводов, в том числе новый, выполненный Н.К. Гарбовским и самой докладчицей. Переводчица Н.Д. Каджая (Кутаиси, Грузия) в докладе «Грузинские переводы поэтических текстов Николая Рубцова» проанализировала различные переводы, в том числе свои, уделив внимание строфике, которую переводчики, как правило, не соблюдают; проблема также заключается в коренных различиях русской и грузинской систем стихосложения, и приспособление одного к другому, с точки зрения докладчицы, не всегда корректно. Е.И. Панченко (Днепропетровск, Украина) в докладе «Текст-симулякр как проблема перевода» обратилась к текстам типа «глокой куздры» и предложила свой вариант перевода известного произведения Л. Петрушевской «Пуськи бятые» на английский язык. Ю.А. Тихомирова (Томск) в ярком докладе «Потенциал вокальной трансляции в переводах русской классической лирики» рассмотрела с точки зрения сохранения мелодики оригинала несколько переводов стихотворения Пушкина «Я помню чудное мгновенье» на английский язык и составила «искусственный», т.е. комбинированный из нескольких, вариант, наиболее соответствующий поставленной задаче. Доклад О.С. Жарковой (МГУ) «Механизмы памяти в устном последовательном переводе» вызвал дискуссию по вопросу, помогает ли переводческая скоропись или мешает. Методическому аспекту подготовки переводчиков также был посвящен доклад А.М. Макшанцевой (МГУ), в котором были представлены различные упражнения на типы перифраз и компрессии, и М.А. Куниловской (Тюмень) «Исследование, включающее самостоятельно выполненный перевод, как выпускная квалификационная работа бакалавра», в котором говорилось о необходимости такой формы, состоящей из собственно перевода и анализа использованных в нем трансформаций. Э.Ф. Керо Хервилья (Гранада, Испания) в докладе «Анализ частицы *как*

бы в тексте романа Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы”» говорил о значимости этой частицы для восприятия текста и о необходимости сохранения её в переводе, хотя переводчики этому следуют не всегда. Э.Н. Мишкурин (МГУ) в докладе «Переводческая интроспекция языковых игр в поливекторных дискурсах» рассматривал перевод как разновидность языковой игры. В.Н. Зарытовская (УДН, Москва), переводчица с арабского, в докладе «Перевод арабской литературы на русский язык: характеристика современного этапа» отметила, что современная арабская литература в целом не близка русскому читателю, и сопоставила принципы отбора произведений для перевода в советское время и сейчас. Л.Ю. Мирзоева и З.К. Ахметжанова (Алматы, Казахстан) в докладе «Отражение лексической многозначности в словарях и проблемы перевода» рассмотрели различия в семантической структуре полисемантов английского, русского и казахского языков; С.А. Мамалуй (Салоники, Греция) в докладе «Этические концепты достоинство, гордость и самолюбие в русском и греческом языках» пришла к выводу, что русская и греческая картины мира сходны.

Отдельная секция была посвящена творчеству В. Набокова; на неё были вынесены доклады Л.И. Раздобудько-Чович (Косовска-Митровица, Сербия) «Проблема оценки двух сербских переводов мемуаров В. Набокова с двух “оригиналов”: английского (“Speak, memoir”) и русского (“Другие берега”)», Н.В. Пасековой (Симферополь, Украина) «Автопереводческая деятельность В.В. Набокова как отражение идиостиля писателя», Б. Човича (Нови Сад, Сербия) «К вопросу о новом переводном жанре (на материале автобиографии Набокова)», Н.М. Нестеровой (Пермь) «Двуязычие автобиографической прозы В. Набокова: проблема эмотивного соответствия», Н.О. Степановой (Пермь) «Цвет как составляющая идиостиля В.В. Набокова: межъязыковые соответствия (на материале романов “Пнин” и “Лолита”)».

На секции «Культурно-антропологические аспекты межъязыковой коммуникации» А. Пурисман (Хайфа, Израиль) в докладе «Русский подтекст в современной ивритской литературе» говорил о влиянии русской литературы и русского языка на творчество израильских писателей и поэтов, пишущих на иврите, даже тех, кто не имеет русских корней и читает русскую литературу в переводе или специально выучил русский язык. О.А. Павловская (Иваново) в литературоведческом докладе «Поэтические картины А.Н. Майкова “Из славянского мира”: поиски национального самоопределения» обратилась к малоизвестному стихотворному циклу, состоящему полностью из переводных произведений. Доклад Э.К. Харацидиса (Комотини, Греция) «Этнографические и этнические реалии в произведении Н. Казандзакиса “Тода-раба”» был посвящен роману критского автора о России, написанному первоначально на французском языке и отражающему встречу представителей разных национально-культурных миров, с названием на иврите. П.С. Есенова (Кзыл-Орда, Казахстан) в докладе «Репрезентация концепта *успех* в русской языковой картине мира» представила фрагмент проекта «Двуязычного словаря наименований концептов». Интерес зарубежных участников вызвала презентация доклада С.А. Ганичевой (Вологда) «“Диалектный словарь строения слов” в контексте европейских диалектных словарей», в которой были продемонстрированы возможности разрабатываемого в Вологодском университете электронного ресурса. Е.Л. Григорьян (ЮФУ, Ростов-на-Дону) в докладе «Иноязычное слово как культурная реалья» рассмотрела примеры использования иноязычных вкраплений в современной русской речи, когда они служат приёмом соотнесения лингвокультур. М.А. Карпун (ЮФУ, Ростов-на-Дону) сопоставляла представления, связанные с элементом

растительного кода *огурец* в русской и греческой лингвокультурах: несмотря на то, что слово *огурец* заимствовано из греческого языка, где с ним связаны образы трудностей и опасности, в русском языке оно не имеет негативных коннотаций и ассоциируется с бодростью, свежестью, здоровьем. Представительница Института восточных языков и культур (InaLCO – Langues'O, Париж, Франция) С.Г. Крылосова в докладе «О межъязыковых омонимах» рассмотрела трансформацию французского *officieux* 'неофициальный' в русское *официозный*. Также прозвучали доклады С.А. Суатая, М.К. Накишевой и Е.Т. Нурмаганбета (Алматы, Казахстан) «Лексико-грамматическая природа юридических терминов» о становлении казахской юридической терминологии, М.Ш. Мусатаевой и О.П. Ташдемир (Алматы, Казахстан) «Фразеология с колоративным компонентом *белый*» на материале русского, турецкого, украинского и английского языков, Г.М. Сафаралиевой (Баку, Азербайджан) и Э.С. Мамедовой (Эрзурум, Турция) «Зообраз *кошка/pişik* в мифологии и фразеологических единицах русского и азербайджанского языков», И.А. Хромовой (Иваново) «Воспроизведение национально-культурных особенностей интермедий М. де Сервантеса в переводах А.Н. Островского», Р.Г. Кулиевой (Баку, Азербайджан) «Анна Ахматова: от восточных контекстов к восточным переводам». Живой интерес вызвал доклад О.В. Сергеева (Москва) «Культурологический аспект ослышек, или “мондегринов”, в истории отношений ливерпульской четверки The Beatles и России», в котором говорилось об отражении мотивов романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» в творчестве Beatles.

Наибольшее число докладчиков собрала секция, посвященная русскому языку как иностранному: почти все из 37 заявленных докладов состоялись, и организаторам пришлось отодвинуть на два часа время подведения итогов и официального закрытия конференции, чтобы все успели выступить.

Сборник материалов конференции вышел к её началу, правда, в него вошли не все доклады.

Е.Л. Григорьян, М.А. Карпун

XXIII ПЛЕНУМ СОВЕТА ПО ФИЛОЛОГИИ УМО ПО КЛАССИЧЕСКОМУ УНИВЕРСИТЕТСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ (Орёл, 3-4 мая 2012 г.)

Обновление современного российского образования, переход на новые ФГОС ВПО по направлению «Филология» находятся в центре внимания научно-педагогического сообщества филологов.

3 – 4 мая 2012 г. в Орловском государственном университете состоялся XXIII Пленум Совета по филологии УМО по классическому университетскому образованию, в работе которого участвовали представители классических университетов, а также ряда других высших учебных заведений: МГУ, Санкт-Петербургского ГУ, Российского гуманитарного ГУ (Москва), Алтайского ГУ (Барнаул), Башкирского ГУ (Уфа), Волгоградского ГУ, Воронежского ГУ, Иркутского ГУ, Кабардино-Балкарского ГУ (Нальчик), Казанского (Приволжского) федерального университета, Кемеровского ГУ, Костромского ГУ, Курганского ГУ, Мордовского ГУ (Саранск), Новгородского ГУ, Оренбургского ГУ, Орловского ГУ, Пермского ГУ, Петрозаводского ГУ, Поморского ГУ (Архангельск), Самарского ГУ, Саратовского ГУ, Сыктывкарского ГУ, Томского ГУ, Тюменского ГУ, Удмуртского ГУ (Ижевск), Уральского федерального универ-

ситета (Екатеринбург), Челябинского ГУ, Чувашского ГУ (Чебоксары), Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), Ярославского ГУ, а также Липецкого эколого-гуманитарного института и Смольного института РАО (Санкт-Петербург).

Всего в XXIII Пленуме приняли участие около 50 человек из 33 вузов и 31 города РФ. Южный федеральный университет на Пленуме представляли заместитель декана факультета филологии и журналистики по научно-методической работе Н.Н.Маевский и заведующая кафедрой русского языка, член Президиума Совета по филологии УМО Н.В.Изотова.

Программа Пленума включала пленарное заседание, посвященное рассмотрению процесса перехода филологических факультетов классических университетов РФ на новые ФГОС ВПО третьего поколения по направлению 032700 – Филология, проведение круглого стола «Новые образовательные программы: опыт реализации вузами ФГОС ВПО в 2011-2012 гг.», а также заседания секции Совета по филологии «Русский язык как иностранный».

3 мая состоялось заседание Президиума совета, на котором заместитель председателя Совета, заместитель декана филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова проф. Е.Н.Ковтун осветила основные направления деятельности Совета, его Президиума.

Была представлена информация о вопросах, рассмотренных на рабочих совещаниях, методических семинарах, проходивших на разных уровнях в январе – апреле 2012 г. и связанных с внедрением новых ФГОС ВПО, готовящимся проектом документа о «Мониторинге перехода вузов РФ на ФГОС ВПО – 3»; о результатах анкетирования студентов, преподавателей и заместителей деканов по учебной работе ряда вузов, посвященного организации учебного процесса в новых условиях его модернизации; о создании экспертной группы по изучению целесообразности реализации идеи о введении ЕГЭ в качестве новой формы проведения ИГА на уровне бакалавриата; о перспективах будущей деятельности профильных УМО и возможной их замене новыми органами в статусе государственно-общественных объединений с правом участия в оценочной, аккредитационной деятельности наряду с существующим Рособназором Минобрнауки РФ.

Была также представлена информация о новом европейском положении об ECTS и возможных способах пересчета кредитных (зачетных) единиц, а также методике создания (при необходимости) матрицы и паспортов компетенций.

Президиум рассмотрел и утвердил программу проведения XXIII Пленума Совета по филологии и обсудил ряд других вопросов.

Президиум принял решение о присвоении грифов УМО представленным вузами на экспертизу пособиям.

С приветствием к участникам Пленума, проходившего 4 мая, обратились ректор Орловского государственного университета проф. Ф.С.Авдеев и декан филологического факультета доц. Ж.А. Зубова.

Пленарное заседание Пленума открыла заместитель председателя Совета, заместитель декана филологического факультета МГУ проф. Е.Н.Ковтун, передавшая приветствие участникам от председателя Совета, декана факультета проф. М.Л.Ремневой. Е.Н.Ковтун охарактеризовала деятельность Совета и его Президиума за период после проведения XXII Пленума в Москве (МГУ) в мае 2011 г. (См. материалы Пленума, изданные в Информационном бюллетене №13

Совета по филологии УМО по классическому университетскому образованию, Москва, 2011).

Е.Н.Ковтун выступила с обширным докладом «УМО и вузы: текущие задачи и стратегические перспективы», осветив в нем новые подготавливаемые и находящиеся в состоянии обсуждения документы, связанные с реорганизацией (модернизацией) деятельности российской высшей школы, с всеобщим внедрением с 2011 – 2012 учебного года ФГОС ВПО-3, построенных на компетентностной основе, и введении двухступенчатой системы подготовки кадров (бакалавриат – магистратура), включая направление 032700 – Филология, с учетом реализации принципов Болонского процесса, в который Россия вступила в 2003 г. Рассмотрела существующие концепции предполагаемого реформирования УМО и создания государственно-общественных объединений с широким кругом полномочий в области образовательной политики в высшей школе (см. сайты ГОС ВПО (раздел «Проекты») и УМО по классическому университетскому образованию при МГУ); возможные проектные модели проведения ИГА в виде ЕГЭ при завершении обучения на ступени бакалавриата; некоторые вопросы, связанные с уточнением глоссария (ООП, ПООП, зачетная единица и др.) в проекте «Закона об образовании» (см. раздел «Проект нового «Закона об образовании» на сайте Минобрнауки); проект АКУР по отслеживанию процесса внедрения ФГОС ВПО-3 во всех типах вузов и проект документа по расчету трудоемкости учебной нагрузки студентов и преподавателей; новое европейское положение об ECTS и возможных способах пересчета кредитных (зачетных) единиц и некоторые другие вопросы.

В докладе члена Президиума Совета С.Е.Родионовой (Башкирский ГУ, Уфа) «Итоги экспертного анализа образовательных программ российских вузов (направление подготовки «Филология») на основе проведенного автором изучения 70 сайтов вузов, реализующих соответствующую подготовку по «Филологии», было отмечено, что ООП подготовки были обнаружены на 21 сайте, а полная их характеристика – только на 9 сайтах (43%), хотя по существующим требованиям все названные материалы должны быть представлены в открытом доступе на сайтах всех вузов (см. соответствующее постановление Правительства РФ № 343 от 19 апреля 2012 г.).

«Развитие гуманитарного образования и проблемы трудоустройства выпускников гуманитарных факультетов» было рассмотрено в докладе члена Президиума Совета Е.Г.Елиной (Саратовский ГУ) (см. презентацию доклада на сайте Совета <http://www.philol.msu.ru/~umo>).

Член Президиума Совета Н.С.Сергиева в своем докладе охарактеризовала «Магистратуру как качественно новый уровень высшего профессионального образования: проблемы становления», отметив необходимость и важность в настоящее время накопления, анализа и распространения информации о реализации филологическими факультетами вузов РФ основных образовательных программ подготовки магистра и создания для этого рабочей группы Совета.

С докладом «Филология в Орловском государственном университете» выступила декан факультета Ж.А.Зубова.

Филологический факультет является одним из ведущих и старейших в ОГУ: преподавание филологических дисциплин ведётся с 1932 г., как структурная единица факультет функционирует с 1934 г.

В настоящее время ведётся подготовка по следующим специальностям и направлениям:

Бакалавриат – Филология, профиль «Отечественная филология»; Педа-

гогическое образование, профили «Русский язык» (сокращенная форма обучения на базе СПО), «Русский язык и Литература»; Журналистика; «Реклама и связи с общественностью». По этим же направлениям проводится обучение в магистратуре.

Специалитет – Филология (с большим спектром специализаций: болгарский язык, чешский язык, церковнославянский язык, риторика, библеистика, сравнительное литературоведение, искусствознание, театроведение и др.); Русский язык и литература (полный и сокращённый сроки обучения), Русский язык и литература с дополнительной специальностью английский язык, история, культурология; Журналистика, Связи с общественностью.

Факультет имеет богатые научные и учебно-методические традиции. На филологическом факультете пять кафедр: русского языка (заведующий кафедрой кандидат филологических наук доцент Ж.А. Зубова), кафедра истории русской литературы XI – XIX вв. (заведующий кафедрой доктор филологических наук профессор М.В. Антонова), кафедра русской литературы XX – XXI вв. и истории зарубежной литературы (заведующий кафедрой доктор филологических наук профессор Е.А. Михеичева), кафедра теории и методики обучения русскому языку и литературе (заведующий кафедрой доктор педагогических наук профессор Е.Н. Пузанкова), кафедра журналистики и связей с общественностью (заведующий кафедрой кандидат филологических наук доцент А.А. Бельская).

На пяти кафедрах работают 15 профессоров (из них 10 докторов филологических и 2 доктора педагогических наук), 33 доцента, 6 старших преподавателей. Научные традиции были заложены известными российскими лингвистами и литературоведами С.И. Котковым, П.Г. Черемисиным, И.С. Торопцевым, Р.Н. Поповым, А.К. Федоровым, Г.Б. Курляндской.

На факультете функционируют два диссертационных совета по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по специальностям: 10.02.01 – русский язык, 13.00.02 – теория и методика обучения и воспитания (русский язык); 10.01.01 – русская литература, 10.01.03 – зарубежная литература.

На кафедрах факультета разрабатываются следующие научные проблемы:

- Региональная лексикология и лексикография (руководитель проф. Т.В. Бахвалова);
- Региональная фразеология и русская фразеология (руководитель доц. Г.В. Савчук);
- Лингвистическая география (руководитель проф. В.Н. Гришанова);
- Синтаксис языка русской прозы и поэзии XIX – XXI вв. (руководители проф. Л.Д. Беднарская, доц. Т.А. Глущенко);
- Актуальные проблемы неологии и теории словообразования (руководители проф. М.С. Зайченкова, проф. В.П. Изотов);
- Информатизация гуманитарного образования (руководитель доц. М.А. Минакова);
- Лингвистические и семиотические параметры типологии текста (руководитель проф. В.А. Лукин);
- Правовая лингвистика (руководитель доц. М.В. Костромичева);
- Язык, фольклор, этнография города и деревни (руководитель доц. М.В. Костромичева);
- Проблемы мировоззрения и творчества русских писателей в сравнительно-историческом, историко-генетическом и типологическом аспектах (руководи-

тель проф. Г.Б. Курляндская);

– Поэтика литературы Древней Руси (руководители проф. А.А.Шайкин, проф. М.В.Антонова);

– Фольклор и постфольклор города и деревни (руководители проф. М.В. Антонова, доц. Н.В. Кургузова);

– Русская поэзия: проблемы поэтики и стиховедения (руководитель проф. Т.В. Ковалева);

– Изучение творчества писателей-орловцев в историко-литературном, типологическом, сравнительно-историческом аспектах (руководитель проф. Е.А. Михеичева);

– Изучение малоисследованных проблем зарубежной литературы в историко-литературном, типологическом и сравнительно-историческом аспектах (руководитель проф. Е.М. Волков);

– Пути совершенствования преподавания литературы в школе и в вузе (руководитель доц. Т.М. Кривина);

– Актуальные проблемы русской литературы новейшего времени (руководитель доц. Ю.А. Драгунова);

– Теория и практика обучения русскому языку и литературе студентов-филологов (и нефилологов) и учащихся школ (руководитель проф. Е.Н. Пузанкова);

– Методологические проблемы журналистики (руководитель доц. А.Л. Дмитриевский);

– Связи с общественностью: общероссийские и региональные аспекты (руководители доц. Н.В. Мироненко, проф. В.П. Изотов);

– Филология в её отношении к коммуникации и РК-процессу (руководители проф. В.П. Изотов, доц. М.А. Шинков).

По этим направлениям регулярно проводятся научные и научно-практические конференции, семинары, в которых самое активное участие принимают не только преподаватели и аспиранты, но и студенты факультета.

Круглый стол был посвящен проблеме «Новые образовательные программы: опыт реализации вузами ФГОС ВПО в 2011-2012 гг.». Модераторами были: члены Президиума совета Д.В. Харитонов (Челябинский ГУ), Д.Ю. Ильин (Волгоградский ГУ), Т.П. Трошкина (Казанский (Приволжский) федеральный университет).

Программой Пленума были определены следующие темы для обсуждения:

– нужны ли вузам УМО и какова должна быть структура государственно-общественных объединений (ГОО) в сфере высшего образования?

– в чем состоят основные трудности работы по основным стандартам? Какое методическое обеспечение к ним необходимо разработать?

– произошла ли в вузах действительная перестройка образовательных технологий в соответствии с базовыми принципами Болонского процесса?

– как формировать компетенции и как их оценивать? Новые формы учебных занятий и контрольных мероприятий в условиях компетентностного подхода;

– как наладить сотрудничество с работодателями и где их искать?

– принципы создания диагностических средств для итоговой вузовской и предполагаемой независимой аттестации выпускников.

На круглом столе Д.В. Харитоновым (Челябинский ГУ) было представлено сообщение «Средства оценивания компетенций по ФГОС», в котором определены перспективные методы инновационного обучения и оценки (см. презента-

цию сообщения на вышеуказанном сайте Совета).

В работе круглого стола и обсуждении предложенных вопросов приняли активное участие И.И. Просвиркина (Оренбургский ГУ), И.С. Абрамовская (Новгородский ГУ), С.А. Мачульская (Петрозаводский ГУ), Ж.А. Зубова (Орловский ГУ), Т.П. Трошкина (Казанский (Приволжский) федеральный университет), Е.Л. Бархударова (МГУ), В.Ю. Копров (Воронежский ГУ), Н.Н. Маевский (ЮФУ, Ростов-на-Дону), С.А. Вишнякова (Смольный институт РАО, Санкт-Петербург), В.А. Гудов (Уральский федеральный университет), А.А. Харьковская (Самарский ГУ) и др.

Президиум и Пленум Совета по филологии приняли следующее решение:

1. Принять к сведению и опубликовать в очередном номере бюллетеня Совета по филологии итоги экспертизы вузовских основных образовательных программ (ООП) по направлению «Филология», проведенной в рамках проекта «Экспертно-аналитическое обеспечение повышения качества образовательных программ начального, среднего и высшего профессионального образования на основе мониторинга эффективности внедрения ФГОС в региональные системы профессионального образования» (Государственный контракт № 12.Р20.11.0019 от 28 октября 2011 г.). Рекомендовать филологическим подразделениям вузов РФ провести коррекцию ООП на основе высказанных экспертами замечаний и обеспечить соблюдение нормативных требований открытости и доступности ООП на информационных порталах вузов.

2. Одобрить опыт Саратовского университета по взаимодействию с работодателями; обратить внимание филологических подразделений вузов РФ на необходимость более активного привлечения работодателей к разработке и реализации ООП.

3. Создать в составе Президиума Совета по филологии рабочую группу по накоплению, анализу и распространению информации о реализации филологическими подразделениями вузов РФ основных образовательных программ подготовки магистра. Утвердить следующий состав рабочей группы: Сергиева Н.С. (Сыктывкарский государственный университет; координатор), Старовойтова О.А. (Санкт-Петербургский государственный университет), Трошкина Т.П. (Приволжский федеральный университет), Родионова С.Е. (Башкирский государственный университет). Организовать размещение собранных материалов в специальном разделе на сайте Совета по филологии. Рекомендовать вузам РФ представлять в Совет по филологии информацию о реализуемых ООП подготовки магистра в целях обмена опытом и повышения качества обучения. Продолжить практику освещения в бюллетене Совета по филологии опыта разработки различными вузами филологических магистерских программ.

4. Утвердить рекомендации секции «Русский язык как иностранный» относительно норм трудоемкости отдельных видов учебной работы при обучении иностранных граждан русскому языку в рамках освоения основных образовательных программ ВПО (информационное сообщение и принятые рекомендации см. на сайте Совета <http://www.philol.msu.ru/~umo>).

5. Считать возможным присвоение грифа УМО по классическому университетскому образованию учебникам и учебным пособиям (перечень см. на сайте Совета <http://www.philol.msu.ru/~umo>).

6. Опубликовать материалы заседаний Президиума и Пленума в очередном выпуске Бюллетеня Совета по филологии.

7. Провести очередное заседание Президиума Совета по филологии в де-

кабре 2012 г. в Москве. Провести очередное заседание Пленума Совета по филологии в мае или сентябре 2013 г., место проведения Пленума уточнить дополнительно.

8. Выразить благодарность руководству Орловского государственного университета и лично декану филологического факультета доц. Ж.А.Зубовой за организацию работы Президиума и Пленума Совета по филологии УМО по классическому университетскому образованию.

В период работы Пленума для его участников были организованы экскурсии по литературным музеям г. Орла и в музей-усадьбу И.С.Тургенева в Спасское-Лутовиново.

Н.Н.Маевский

XLI МЕЖДУНАРОДНАЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ (Санкт-Петербург)

Традиционная ежегодная конференция на филологическом факультете СПбГУ прошла 26 – 31 марта и объединила работу более 50 секций, многие из которых включали тематические подсекции и круглые столы. Новшеством этого года стало проведение пленарных заседаний. Работа конференции открылась таким заседанием с докладами Т.В. Черниговской (СПб.) «Нейрокогнитивные исследования языка», Б.С. Жарова (СПб.) «Уникальный общескандинавский словарный проект. Шестязычный электронный словарь исландского языка» и Н.В. Богдановой (СПб.) «Звуковой корпус русского языка: принципы формирования, структура и некоторые результаты исследования». На пленарном заседании 27 марта известный исследователь фразеологии В.М. Мокиенко (СПб.) обозначил источники проникновения библеизмов в русский язык – из старославянского, немецкого, голландского и др. языков; отметил, что в их наборе и адаптации существуют различия даже в близкородственных языках, что библейская фразеология использовалась даже политическими деятелями советской эпохи и что обогащение языка библеизмами продолжается и сейчас (например, армагеддон – после выхода одноименного фильма), а также предложил своё истолкование пословицы *Margaritas ante porcos*. Доклад А.В.Сушкова (СПбГУ) был посвящен проблемам перевода Библии на национальные языки. Изложив суть функционально-динамического подхода концепции Ю. Найды и Я. Де Ваарда, он указал на то, что стремление избежать формального соответствия, в результате которого может возникнуть семантическая пустота или двусмысленность, может привести к другой опасности – разрушению символики и метафизики: например, если приближать перевод к реалиям племён, не занимающихся овцеводством, но разводящих свиней, и заменить «жертвенного агнца» на «жертвенного поросёнка», то исключается сема ‘жертвенность’, ‘покорность’ и ассоциация с Христом. Программа пленарного заседания 28 марта, полностью посвященного 200-летию со дня рождения акад. И.И. Срезневского, включала 6 докладов. На заседании 29 марта В.Б. Касевич (СПб.) в докладе «Фонетика и семантика: знаки, фигуры, кварки» развил идею А.М. Пешковского о соотношении интонации и синтаксиса (чем больше выражается одним способом, тем меньше другим), применяя её к анализу китайского и бирманского языков, а также высказал соображения, что должны существовать фонетические примитивы, подобно семантическим. К.В. Бабаев (ИВ РАН, Москва) выступил с докладом «О типологии супплетивизма в языках мира». О.Я. Каза-

кевич (МГУ) в докладе «Многоязычие Таймыра и Ямала: фрагменты большой мозаики» представила работу экспедиций лаборатории по документированию исчезающих языков (начиная с 2001 г.), направленную прежде всего на селькупский, кетский и эвенкийский языки, но подхватывающей также долганский, энецкий и нганасанский материал.

Тематика секции «Классическая филология», работавшей 3 дня, была разнообразна. Д.С. Новокшенов (СПбГУ) предложил свою теорию происхождения латинского слова *marga* 'край, предел' от географического названия Маргиана, куда были отправлены пленные римляне. С такой точкой зрения согласились не все, и возникла бурная дискуссия. Е.Г. Филимонов (СПбГУ) предложил придерживаться поликаузального объяснения языковых фактов: например, в *cornibus* > *cornibus u* перешло в *i* в результате одновременного равноценного действия редукции и аналогии. А.А. Кормилина (СПбГУ) сделала обзор представлений о порядке слов в античной грамматической традиции. Е.Л. Ермолаева (СПбГУ) на примере одного из блюд пира (из морского ежа) провела параллели между гастрономической пародией Матрона (Matro Pitaneus) и поэмой Гомера, которую Матрон пародирует. Н.А. Алмазова (СПбГУ) осветила аргументы за и против подлинности строфы из «Ореста» Еврипида.

На секции «Русская диалектология» (29 и 30 марта) обсуждалась проблема выделения и определения жанров диалектной речи, актуальная для структурирования корпуса диалектных данных, а также отдельного жанра самопрезентации – Н.В. Большакова (Псков). Доклады Н.С. Ганцовой и Г.Д. Негановой (Кострома) были посвящены памяти А.В. Громова и ландшафтной лексике в его «Словаре мантуровских говоров». Сообщение Т.В. Степановой (Псков) затрагивало вопрос о приставочной негации в диалектных наречиях (приставка *не-* может и не нести отрицания). И.П. Верба (Ярославль) представила обзор лексики родства в пьесах А.Н. Островского и его «Материалах к словарю русского народного языка». М.А. Карпун (ЮФУ, Ростов-на-Дону) рассказала о донских диалектных фразеологизмах с фитонимом, имеющих особую значимость в традиционном донском свадебном обряде. О.В. Васильева (СПбГУ) классифицировала существительные, характеризующие человека, в псковских говорах: наиболее частотными оказались *лентяй* и *неряха*, а положительные характеристики маркируются не столь ярко.

Секция «Общее языкознание» работала в течение 4 дней. И.С. Иванова (Лозанна, Швейцария) в докладе «Биография и культура: опыт научной биографии Л.П. Якубинского» настаивала на том, что биография ученого – полноценный объект научного исследования. В ходе обсуждения докладчица отметила, что издание трудов Л.П. Якубинского, подготовленное А. Леонтьевым, неполно и во многом искажает позицию ученого, так как А. Леонтьев подредактировал текст, убрав значительную часть марксистской и марристской фразеологии. А.В. Шацков (ИЛИ РАН; СПбГУ) выступил с докладом «Выбор вспомогательных глаголов в хеттских перифрастических перфектах»; П.А. Кочаров (ИЛИ РАН; СПбГУ) в докладе «К вопросу о реконструкции и.-е. **-eh1-ske/o-*», привлекая материал древнеармянского языка, единственный древнегреческий глагол с данным суффиксом и многочисленные латинские глаголы на *-esc-* реконструировал первоначальное значение **-eh1-ske/o-* как обозначение срединной стадии предельного непереходного процесса. М.В. Зеликов (СПбГУ) в докладе «“Антипассив” в русле традиционных субъектно-объектных отношений» в наступательной полемической манере подверг критике ненужные (с его точки зрения) новые термины и модели, ничего не дающие по сравнению с традици-

онными, начиная от античности и вплоть до Потебни. Е.Л. Григорьян (ЮФУ, Ростов-на-Дону) рассмотрела синтаксические проявления семантической категории *affectedness* (не имеющей общепринятого русского названия, приблизительно «пациентивность»), в частности, в английских *be-passive* и особенно *get-passive*, в русских безличных конструкциях и др. Доклад А.М. Кыртепе (Саратов) «Семантическая наполненность словообразовательной категории женскости в русском языке» основывался на данных словарей, корпуса и опроса носителей. А.В. Андронов (СПбГУ) выступил с докладом «Новые элементы общей лингвистики во “Введении в языкознание” В. Б. Касевича», в котором сравнил только что вышедший учебник с изданием 1977 г. Аспирантка СПбГУ Ю. Коноума в докладе «Класс предикатов “положение (в пространстве)” в русском и японском языке» опиралась на аспектуальную классификацию С.Г. Татевосова. Л.А. Пиотровская (РГПУ им. А. И. Герцена, СПб.) в докладе «Эмотивные речевые акты vs экспрессивы vs восклицания: принципы классификации речевых актов» осветила проблемную область теории речевых актов и предложила своё решение; доклады О.Ю. Амурской (Казань) «Мотивы и потребности русскоязычного чат-коммуниканта» и Т.С. Остапенко (СПбГУ) «Причины возникновения тавтологических выражений в речи говорящего» отразили начальный этап исследования и вызвали немало критических замечаний и рекомендаций; Е.Н. Василенко (Могилев, Беларусь) в докладе «Реализация коммуникативной стратегии убеждения посредством грамматических категорий» обратилась к ежегодным посланиям президентов США Конгрессу.

Отдельное заседание было посвящено фонологии. Н.Д. Светозарова познакомила слушателей с неизданной рукописью Л.В. Зиндера «Фонема» (приблизительно начала 70-х годов), в которой некоторые аспекты учения о фонеме освещены более подробно и под иным углом зрения, чем в опубликованных работах автора. А.В. Андронов в докладе «О степенях релевантности фонологических единиц» отстаивал идею, что в фонемном языке может быть функционален и слог и что можно (и следует) альтернативно выбирать уровень сегментации речи для объяснения того или другого явления. Доклад Ю.А. Клейнера «Открытый слог» вызвал живое обсуждение, в результате которого был сделан вывод, что для русского языка открытость или закрытость слога никаких последствий не имеет, в отличие от германских языков. Вызвал интерес и доклад А.В. Швабской «Фонологический статус долгих гласных и согласных финского языка: состояние проблемы». М.Б. Попов в докладе «О причинах и фонологическом механизме перехода *ky, gy, xy* > *k'i, g'i, x'i* в древнерусском языке» представил обзор существующих в науке трактовок данного перехода, фонологических и фонетических, и предложил свою. После заседания под председательством В.Б. Касевича завязалась длительная дискуссия о морфемной границе в связи с определением моно- и бифонемности.

На заседании секции «История русского языка и культурная память народа» ряд докладов, посвященных истории русского языка, отличались глубоким анализом материала: Г.В. Смирновой (СПб.) «К идее полноты в русском языке: пустое множество и полное ничтожество», в котором рассматривалась история слова *нуль* и слова *полный*; О.П. Лопутько (Новосибирск) «Знакообразование в системе формульной культуры древнерусского языка и семантический синкретизм», З.И. Годизовой (Владикавказ) «Формирование конфиксального способа словопроизводства в русском языке XI – XVII вв.», Т.В. Козловой (Коломна) «О некоторых орфографических особенностях Александро-Невского списка Толковой палеи (XIV в.), связанных с отражением новгородского диа-

лекта». М. Цумштайн (Цюрих, Швейцария) в основательном и четко представленном докладе «Парадигматическая асимметрия старославянского пассива на материале Мариинского Евангелия» рассмотрела дистрибуцию аналитических и возвратных форм пассива и отметила, что уже намечается «разделение труда» этих форм. Преподаватель СПбГУ К. Ватанабе в докладе с ярким названием «Позиция Бога и позиция насекомого: характеристика инфинитивных предложений в типологическом ракурсе» использовал образ, заимствованный у другого автора, – «Бог смотрит свысока, а насекомое изнутри» и противопоставил с этой точки зрения европейский синтаксис с его стремлением к объективности (что докладчик связал общим характером европейской культуры) и японский. Далее провел параллель между японским типом и русскими инфинитивными предложениями – без подлежащего и без указания времени.

В этом году планируется публикация тезисов всех докладов, прозвучавших на конференции, с последующим отбором материалов для общего сборника статей; некоторые секции продолжат сложившуюся практику публикации собственных сборников.

Е.Л. Григорьян, М.А. Карпун

МАЛЫЧЕВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

Филологическая наука понесла тяжелую утрату – 16 августа скончалась Малычева Наталья Владимировна, видный ученый, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и культуры речи Педагогического института Южного федерального университета. Вся профессиональная жизнь Натальи Владимировны была связана с Ростовским педагогическим институтом, затем – университетом, Педагогическим институтом Южного федерального университета. Научную деятельность Наталья Владимировна начала еще в студенческие годы. В 1994 году она защитила кандидатскую диссертацию «Сложное синтаксическое целое с сочинительными союзами в современном русском литературном языке», а в 2003 году – докторскую диссертацию на тему: «Текст и сложное синтаксическое целое: системно-функциональный анализ», продолжив изучение сложного синтаксического целого и текста. Наталья Владимировна Малычева – автор многих значительных трудов в области синтаксиса: ее научная деятельность во многом определила развитие лингвистики текста. Профессор Н.В. Малычева известна лингвистической общественности как один из авторов теории изоморфизма синтаксических конструкций, как яркий стилист художественного текста, изучающий принципы сочетаемости союзных средств с конкретизаторами, как исследователь языковых средств передачи авторского видения изображаемого мира. В своих работах она убедительно доказывает, что текст следует относить к высшему уровню языковых единиц, имеющих свои особые грамматические средства связности, выделяемые в рамках когнитивного подхода как в монологической, так и в диалогической речи. В то же время Н.В. Малычева рассматривает полифоничность и модальность как особые категории художественного текста – продукта порождения языковой личности и адресованного языковой личности. Отсюда связь исследования текста с прагматикой, а также выделение основной структурной единицы текста – сложного синтаксического целого. Ею опубликовано более 150 научных работ, которые не исчерпывают всего богатства и многообразия ее идей. Многие сохранились только в текстах ее лекций.

Ею подготовлено целое поколение специалистов, работающих в различных профессиональных областях. Она активно руководила аспирантскими работами, создав свою синтаксическую школу (под ее руководством защищено 14 кандидатских и 1 докторская диссертация). В рамках этой школы были выполнены многочисленные научные проекты, работа над частью исследований продолжается на основе перспективных идей ее создателя.

Наталья Владимировна Малычева являлась экспертом по проведению аккредитационной экспертизы образовательных учреждений и научных организаций федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, членом двух специализированных диссертационных советов, а также членом редакционной коллегии журнала «Известия ЮФУ. Филологические науки». Плодотворная научная и педагогическая деятельность Натальи Владимировны Малычевой

была отмечена почетными грамотами, а также награждена знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ».

Наталью Владимировну отличали глубокая преданность науке, творческая энергия, завидная работоспособность. Она была разносторонне образованным и одарённым человеком. Отличительными чертами Натальи Владимировны были скромность, демократичность и внимательность к людям. Она пользовалась заслуженным авторитетом и большим уважением всех, кто ее знал, работал и общался с ней. Истинная интеллигентность, тактичность и чуткость – таковы жизненные принципы Натальи Владимировны.

В нашей памяти она останется талантливым, гармоничным, необычайно светлым человеком, неизменно внимательным к своим ученикам и коллегам, добрым, отзывчивым и надежным другом. Глубоко скорбим о невосполнимой утрате.

Коллеги и ученики

ABSTRACTS**Voronina E.B.****N. SARRAUTE'S WRITING: EXPRESSION OF THE "INEXPRESSIBLE"***Keywords: tropism, sensation, speech, word, metaphor, image*

The article considers the key aspects of Nathalie Sarraute's aesthetics, one of them is her concept of tropisms. A special attention is paid to the ways how these «inexpressible movements» are represented in the writer's late works.

Lutsenko X. V.**THE PROSE OF RUSSIAN SYMBOLISM AND PECULIARITIES OF THE DEVELOPMENT OF LITERARY PROCESS***Keywords: Russian symbolism, classical and non-classical art, synthetic character; writers-symbolists, human consciousness.*

The article studies the peculiarities of the prose of Russian symbolism. The literary process at the turn of the XIX-XX centuries receives adequate understanding due to a dialectical distinction between classical and non-classical art in their connection with the change of rationality types. Russian symbolism occupies the border line position between the classical art and the modernist artistic practice which has a synthetic character. The prose of writers-symbolists captures the changes which occur in human consciousness. It finds its expression, on the one hand, in a new concept of a character and, on the other hand, in a special literary position of an artist.

Cheryukina G.L.**WHEN AND WHY DOES DOSTOEVSKY'S HERO-IDEOLOGIST KEEP SILENCE?***Keywords: hero-ideologist, twin, trickster, psychological level, the range of types, dialogue, dialogue and monologue activity/inactivity, the speech contact.*

The article is devoted to one of the most recent problems in the contemporary literature studies about Dostoevsky. It comprises one of the general problems of literary anthropology in the writer's creative works. The author of the article uses new means and methods to analyze and perceive a literary text on the level of poetics. The article extends and intensifies the understanding of a specific content of Dostoevsky's works.

Dmitrova A.V.**THE LOST MOTHERLAND MOTIF IN BORIS POPLAVSKY'S NOVEL «APPOLO UNFORMED».***Keywords: the Russian immigration, Poplavsky, motif, lost motherland.*

The article is devoted to the consideration of the lost motherland motif in Boris Poplavsky's novel "Apollo Unformed" and its relation to the other motifs of the text. They are the existential phenomena of loneliness, abandonment of a person in the world, homelessness. Being connected to each other, they are interwoven into

the motivic structure of the novel. In this context, the motif of the lost homeland is the starting point for considering the structure of the novel unity as a whole.

Zhack E.S.

PEOPLE AND THINGS. THE IMAGE OF GENERATION IN MODERN MEMOIRS

Keywords: philological problem, memoirs, common and individual features, myth.

The article deals with the important philological problem: whether myths about different generations of the twentieth century are based on the memoirs of the people who lived at that time. To solve the problem, three texts are analyzed. The authors represent different generations, have different experience, different knowledge of the world. So they differently interpret the role of everyday objects in their life. Such approach allows analysing how the authors' individual features are transformed into a myth about their generation, representing it as a single unity.

Gaibaryan O.E.

THE PRINCIPLES OF COMPILING GAITO GASDANOV'S AUTHOR DICTIONARY

Keywords: Gazdanov studies, a dictionary of a writer's language, lexicography, concept, onomasticon, language person.

The article is devoted to the question of the Gazdanov studies and its importance in the contemporary science. This report analyses the possibility of compiling a dictionary of Gaito Gazdanov's language, who is one of the most original writers of the first wave of Russian literary emigration. The article studies the existing kinds of dictionaries and considers the possible approaches to the informational background of Gazdanov's dictionary. The author also outlines its educational and research functions.

Smirnova M.S.

THE MAIN CHANGES IN UNSTRESSED VOCALISM IN THE PROCESS OF ASSIMILATION OF RUSSIAN BORROWINGS IN ENGLISH

Keywords: Russian borrowings, reduction, degree of reduction, neutralization, assimilation.

The article presents the results of the research how Russian borrowings adapt to the phonetic system of the English language in the aspect of unstressed vocalism. The corpus of the analyzed words was chosen by an overall selection from 10 editions of D. Jones' English Pronouncing dictionary (1928, 1937, 1947, 1948, 1957, 1963, 1977, 1997, 2003, 2006). The synchronical-diachronical analysis shows the basic tendencies in changes of the phonetic structure of the Russian borrowings in the system of the English language.

Oks M.V.

PERIPHRAISIS: BETWEEN SYNONYMY AND PLEONAZM

Keywords: periphrasis, synonymy, amplification, pleonasm, perissology, political

discourse.

This article deals with some problems which arise from the definition of periphrasis, separating it from the similar notions of pleonasm and perissology. A special emphasis is placed on the double nature of periphrasis –synonymous and amplifying – which becomes obvious in the functions of periphrasis. The study is based on the language of modern political discourse.

Mirgorodskaya V.V.

THE BASIS OF COLLATION AND ITS CORRELATION TO COMPARISON

Keywords: collation, comparison, correlation, similarity, distinction, speech situation, cognitive processes.

This article is devoted to the particular features of semantics and the use of terms *collation* and *comparison*, the peculiarity of their functioning in the scientific style. The syntactic designs of comparative constructions are analyzed in the semantic, syntactic and pragmatic aspects. The realization of comparative relations in the syntax of a sentence and a text is specifically studied. The cognitive conditions stimulating the process of collocation and comparison are singled out and analysed.

Bobrysheva I. A.

THE CONNECTION OF SEMANTIC FIELDS “EMPTINESS” AND “CREATION” IN TSVETAeva’S IDIOLECT

Keywords: semantic fields, enantiosemy, ambivalence, absorbent absence, completeness.

The complex interaction of semantic fields «emptiness» and «creation» in Tsvetaeva’s idiolect is formed by enantiosemy of key words, which are the intersection points of the given fields in the text, and by the ambivalence of the concept «emptiness». On the one hand, this is an absorbing absence, which is opposed to creation as completeness, on the other hand – a free place, a potential possibility as a condition for creation.

Bulbenko E.S.

THE OBJECTIVIZATION OF THE EMOTIONAL CONCEPTS “INTRIGUE” AND “GUILE” IN FICTION COMMUNICATION (BASED ON THE MATERIAL OF THE DRAMA «INTRIGUE AND LOVE» BY F. SCHILLER)

Keywords: emotional concept, emotional dominant, emotionally categorical situation, communication in fiction.

The article is devoted to the method of analysing emotionally categorical situations of concepts objectivization based on the material of fiction communication. The author offers the algorithm of the analysis of similar situations. The analysis of linguistic means of the concepts representations allows differentiating basic characteristics of the concepts under study.

Zemlyanaya A.S.

IMPLICATURE AS THE INDIVIDUAL STYLE COMPONENT AND FORMS

OF ITS REPRESENTATION IN JANE AUSTEN'S WORKS

Keywords: implication, individual style, artistic perception, pragmatics, irony, linguistic device, stylistic device.

The article deals with the notion of implicature as a text category and implication as a key component of Jane Austen's individual style and artistic perception. For the analysis of the implicature pragmatics, materialized in the text through linguistic integument, it is essential to designate language characteristic qualities of the text. Irony is presented as a dominant linguistic device in Jane Austen's work, marked by implicature and pragmatics. Linguistic and stylistic devices of different language levels are studied in the article as the representation of the author's individual manner of speech from the point of view of implication pragmatics of the author's individual style.

Kozlova A.G.

THE PERSONIFICATION IN JOHN UPDIKE'S POETRY

Keywords: John Updike, poetry, stylistics, figures of speech, stylistic devices, tropes, personification.

The article focuses on various types of personifications employed by John Updike in his poetry, such as transcendental, submersive, conceptual, cognitive, extended, nominative and periphrastic. Their distinctive features, characteristics, and expressive, subjective, intensifying, and dramatic functions are singled out and illustrated by vivid examples in different contexts. Numerous cases of personifications combined with other expressive means, stylistic devices, figures of speech, and tropes, such as metaphors, metonymies, epithets, similes, oxymorons, periphrases, antitheses, grotesques, allegories, are classified and analyzed.

Kotelnikova I.V.

FREE INDIRECT STYLE AS A FORM OF COMMUNICATIVE INTERACTION BETWEEN AUTHOR, CHARACTER AND READER

Keywords: free Indirect Style, author, character, reader, point of view.

The article studies the peculiarities of the author's representation of the character's thoughts in the aspect of a variety of perspectives, including his own. Free Indirect Style proves to be relevant for the reader in the sense that it creates the mutuality with the character which is mediated by the presence of the author. This kind of style gives the author a possibility to show his own attitudes towards the character whose thoughts are being represented. Its communicative structure is accumulated on its formal and syntactic structure, i.e. is external, actualizing the speakers' images which interact with the reader who perceives the text.

Kravtsov S. M.

INTERLINGUISTIC PHRASEOLOGICAL QUASIEQUIVALENTS (ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGES)

Keywords: quasiequivalent phraseological units, inner form, source of origin, interlinguistic pairs.

Russian and French quasiequivalent phraseological units that are identical not

only semantically, by composition of genetically significant components, inner form, functional and stylistic features, the source of origin, but also by any grammatical difference in the expression aspect are examined in the article by interlinguistic pairs. Depending on the character of the difference that is predetermined by linguistic causes or national features of the Russian and French way of thinking quasiequivalents are divided into several groups.

Radchenko I.I.

THE PRAGMATIC POTENTIALS OF NEGATIVE CONSTRUCTIONS AND THEIR REALIZATION IN MASS MEDIA TEXTS

Keywords: negative constructions, mass media texts, intensification means, the category of negation.

The article is devoted to the study of the problems connected with the semantics of negative constructions and means of their expressions in mass media texts. The author pays attention to the usage of intensification means and figures based on the category of negation.

Yartsev S. A.

THE INFLUENCE OF ROLE CHARACTERISTICS OF THE APPLICANT ON THE SOLUTION OF THE COMMUNICATIVE TASK (ON THE EXAMPLE OF THE INFORMATION ABOUT THE APPLICANT'S EDUCATION)

Keywords: business communication, resume, communicative task, communicative situation, document, self presentation.

The article makes an attempt to define how much the information about education mentioned by the applicant in his résumé corresponds to the communicative task he needs to solve; in what degree the fullness and clearness of the information depends on such role features of the writer applicant as his age, gender and professional occupation. The profession of the applicant turns out to be the most influential factor. Moreover, the questions in the resume form are found to be too common and not helping the reader of the resume to form the true image of the applicant.

Polenova G.T.

THE CATEGORY OF TENSE – A HISTORICALLY BINARY OPPOSITION

Keywords: diachronic, the Yenisei languages, verbal binary opposition.

The article studies a diachronic development of the verb tense on the material of the Yenisei languages. The author starts from the opposition 'present / past tense', and follows the path of this opposition as the original in the system of the verb. It is concluded that the formal expression of the verbal binary opposition 'present / past tense' goes back to the opposition of state / action, active / inactive, durative / momentary, perfective / imperfective.

Sknar G.D.

THE PRINCIPLE OF CONCEPTUAL INCLUSIVENESS OF THE THE-

MATIC COMPONENTS AS THE AUTHOR'S STRATEGY IN A LITERARY TEXT

Keywords: thematic components, multiple theme, the relationships of inclusiveness, the discursive space of the text.

The article analyses the cases when the discursive space of the text possesses more than one theme. If there is a multiplicity of the themes, one of the themes is inclusive. The relationships of conceptual inclusiveness influence upon the representation order of the thematic components in the text. If the text possesses themes of different types, they are represented in a particular order. The structure of the order is determined both by the way of the theme correlation defined by the conceptual inclusiveness and the text genre where the thematic components are actualized.

Rumyantseva A. S.**METHODS OF IDENTIFYING THE SEMANTIC CORE OF THE POLYSEMANTIC ADJECTIVE "HARD" AND ITS FUNCTION**

Keywords: semantics, the meaning of the word, biology of cognition, lexical prototype, metaphorical transfer.

The article reviews the existing theories of lexical meaning and, in particular, focuses on the method of identifying the semantic core - the lexical prototype - of polysemantic words in modern English. The lexical prototype is a component of the language system and the source of actual meanings of the word. It includes two levels of abstraction: the "nearest" prototype which is the literal meaning and the "further" one - the semantic invariant of the lexical unit. Speakers use their knowledge of the lexical prototype for both the interpretation and generation of meaning according to the actual context.

Rudenko O. Yu.**THE CONCEPT OF A FOREIGN LANGUAGE**

Keywords: foreign language, the actual neologism, foreign language formants, graphoderivative, graphohybridization.

The article presents a broad approach to a foreign language. It covers such varieties as lexical (it presents actual foreign language vocabulary), word-formative (it presents the transformation of the components of foreign words in the derivatives), and graphic (it presents the combination of Cyrillic and Latin letters within a single word). A foreign language is also presented through the prism of a language game, which suggests the multifunction of a foreign language in the modern Russian language and, mainly, in the language of modern mass media.

Brusenskaya L.A.**WHAT IS THE ECOLOGICAL APPROACH TO A LANGUAGE?**

Keywords: ecology of language, linguistic ecology, standard and substandard, culture of speech, current language situation.

The work studies the concepts of "ecological approach to a language" and "linguistic ecology". The problems of the present state of the Russian language are

discussed as well as the comparison of standard and non-standard varieties of the language, the problem of cultivation of public communication space.

Kravchenko I.L.

TO THE PROBLEM OF THE EQUIVALENT TRANSLATION OF A LITERARY TEXT

Keywords: equivalence, literary translation, language of translation, creative identity, national language picture of the world.

The article studies various definitions of the concept of equivalence of the translation of a literary text. The author refers to the three main approaches, which describe the term «equivalent» in modern translation studies, defines the tasks of an interpreter. The article analyzes the original of the poem by the great German poet G.Geyne «Ein Fichtenbaum steht einsam» and its different translations into Russian from the point of view of equivalence. The author makes an attempt to distinguish the translation proper from imitations and parodies of G.Geyne' poetry.

Troshkina T.P.

LEXICAL THEMES OF SPACE AND TIME (ON THE EXAMPLE OF V.AKSENOV'S NOVEL "IN SEARCH OF THE SAD BABY")

Keywords: personal world perspective, time and space categories, lexical and theme groups.

The article is devoted to the problem of the lexical structure of the novel, time and space in the text. The analysis of the text-forming role of the space and time categories allows understanding the inseparable notions of space and time as one of the factors which determine the lexical structure of the novel.

Sergeeva A. D.

THE ROLE OF COLOR LEXICON IN THE OBJECTIVIZATION OF THE LOST HOMELAND MOTIF (ON THE MATERIAL OF I.A. BUNIN'S WORKS)

Keywords: prepotent emotions, color lexicon, lyrical hero, personal senses, motif.

This article is devoted to the consideration of the role of color lexicon in the objectivization of the lost Homeland motif in the works by I. Bunin written from 1918 to 1925. With the support of the semantic analysis of poetic and prose texts the author reveals the features of the color designation used in Bunin's work during the period of his emigration.

Nasilevich K.A.

PRAGMATIC AND GRAMMATICAL CONDITIONS FOR THE STRUCTURES OF CONTEXT-CONNECTED INDIRECT REQUESTIVE ACTS.

Keywords: indirect requestive act, dialogical replicas, symmetry, substitution, representation, ellipsis.

The article shows that anaphoric substitutes on the level of indirect requestive dialogical utterances which are patterned on the principles of substitution, representation and ellipsis demonstrate the manifestation of the symmetry law. Conformity to symmetry laws, to the rules of reducing the non-actual communicative compo-

ment proves to be a universal for indirect expression of a requestive meaning in dialogical communication.

Stan'ko A.I.

THE DON PRESS HISTORY: UNKNOWN PAGES

Keywords: Don Region journalism, history, printed editions.

The article analyses the causes and circumstances of insufficient research of the history of the Don Region journalism and determines the direction of future research by scientists. The author studies the first printed editions of the Don Region in the 19-th century.

Vvedenskaya L.A., Pavlova L.G., Kashaeva E.U.

THE TEXTBOOK "THE RUSSIAN LANGUAGE. CULTURE OF SPEECH. BUSINESS COMMUNICATION": MODULE AND COMPETENCE APPROACH

Keywords: module and competence approach, general culture values competences, professional, communicative competences, public speech disciplines, efficiency of business communication, unification of the language and style of documents.

The issues of application the module and competence approach to the compiling of a new type textbook on the Russian language, culture of speech and business communication are considered in the article. The special focus is laid on the development of such essential communicative competences as the skill of generating oral and written speech correctly, precisely and concisely, giving sound arguments in favour of the proposed statements as well as the knowledge and skills referring to written paper communication and the culture of professional socializing. The content of all the units of the textbook and the structure of modules, aimed at the development of the creative competences of students and the problem of building up definite competences, are discussed by the authors.

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ

Журнал «Известия Южного федерального университета. Филологические науки» является научно-прикладным, рецензируемым; выходит на русском языке (4 номера в год); имеет подписной индекс в каталоге «Почта России».

С 2010 г. журнал включен в Перечень основных периодических изданий, публикации в которых учитываются Высшей аттестационной комиссией при защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук.

В журнале получают отражение фундаментальные и прикладные исследования по филологии (языкознанию и литературоведению), методике преподавания русского (в том числе как иностранного) и иностранных языков, литературы и журналистики.

В журнале публикуются научные статьи, материалы конференций, симпозиумов, круглых столов, информация о научных мероприятиях, рецензии, отчёты об исследованиях, переводы трудов зарубежных авторов и другие научные работы.

Издание информирует читателей о состоянии и перспективах развития филологических наук в России и за рубежом. Журнал адресован ученым, преподавателям вузов, колледжей и средних учебных заведений, аспирантам и докторантам. Издание направляется в ведущие научные и образовательные учреждения РФ и зарубежных стран, крупнейшие национальные библиотеки, научные фонды и иные структуры и учреждения, работающие в сфере науки и образования.

Высокий научный уровень журнала обеспечивается не только учёными Южного федерального округа, но и ведущими учёными вузов и научных организаций других регионов РФ, а также ряда стран ближнего и дальнего зарубежья.

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

В предлагаемых для публикации научных статьях должны содержаться обоснование актуальности темы, четкая постановка цели и задач исследования, научная аргументация, обобщения и выводы, представляющие интерес своей научной новизной, теоретической и практической значимостью.

Статья должна быть тщательно вычитана. Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, подвергать их редакционной правке и отсылать авторам на доработку.

Для публикации в журнале необходимо отправить на адрес издательства печатный вариант статьи (2 экземпляра) и регистрационной формы автора, а также их электронный вариант по e-mail. Предлагаемые к публикации материалы должны быть оформлены согласно указанным ниже требованиям.

Материалы, присланные в редакцию, не возвращаются.

Требования к оформлению статьи

Объем научной статьи – 0,4 – 0,7 п.л. (16000-28000 печ. зн.). В случае превышения указанного объема условия публикации статьи оговариваются в индивидуальном порядке. Объем сообщения, рецензии, хроники научной жизни и т.п. определяются в индивидуальном порядке.

Структура и публикации

- инициалы и фамилия автора (-ов) в правом верхнем углу строчными буквами;
- название (посередине строки прописными буквами);
- аннотация статьи на русском языке (объемом 10 – 12 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- текст статьи;
- список литературы и источников в алфавитном порядке;
- на английском языке: Ф.И.О. автора (-ов), название статьи и аннотация (объемом 10 – 12 строк);
- сведения об авторе (-ах): фамилия, имя, отчество; место работы (вуз, факультет, кафедра и т.п.); учёная степень, ученое звание, должность; дом. адрес, телефон, e-mail.

Технические установки

- редактор MS WORD 6/0 и выше;
- формат бумаги – А4, шрифт Times New Roman, стиль Normal, кегль – 14;
- междустрочный интервал – 1,5;
- поля – 2,5 см;
- примеры в тексте выделяются курсивом;
- ссылки на литературу даются в квадратных скобках с указанием автора (-ов) или (если это коллективный труд) названия работы и страницы через запятую: [Иванов, с. 4]; [Философия культуры..., с.176]. В необходимых случаях после фамилии указывают год (при цитировании нескольких работ одного автора);
- цитаты тщательно сверяются и заверяются подписью автора (-ов) на последней странице статьи следующим образом: «Цитаты, приведенные в тексте статьи, верны»;
- иллюстрации должны включать объяснения значений всех компонентов, порядковый номер, подрисуночную подпись. Таблицы должны иметь порядковый номер и заголовок, расположенные над ней. В головке таблицы текст пишется с прописной буквы, сокращения слов не допускаются. На иллюстрации и таблицы должны быть ссылки в тексте. Данные иллюстраций и таблиц не должны дублировать текст;
- статья должна быть подписана автором (-ами) на последней странице.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И ССЫЛОК НА НЕЁ

Список использованной литературы оформляется под заголовком «Литература», или «Литература и источники». Примечания лучше оформлять в виде затекстовых ссылок, используя для них общепринятую индексную нумерацию, и помещать их перед списком литературы. Например:

В тексте:

«...лучшей книги о Сахалине до сих пор не было и нет»².

В примечаниях:

² См.: Комментарии к «Острову Сахалину», составленные М.Л. Семановой. С. 580.

Описание источника приводят в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка». Источник описывают в следующем порядке:

- фамилия и инициалы автора курсивом, название работы, место и год издания, количество страниц, например:

Гусев А.Ф. Граф Л.Н.Толстой, его «Исповедь» и мнимо-новая вера. Ч. 1. М., 1890. 460 с.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. 384 с.;

- если это статья, то после двойного слэша (//) указывается журнал (допустимы при этом стандартные сокращения) или выходные данные сборника, например:

Апресян Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // *Апресян Ю.Д.* Избр. тр. Т. 2. М., 1995.

Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // ВЯ. 1990. № 2, 3;

- если ссылка дается на сборник или иное аналогичное издание, то его описывают либо под фамилией научного редактора (-ов) с указанием «ред.» (для других языков – ed., и т.п.); либо под заглавием книги, например:

Greenberg J. (ed.). Universals of human language. Vol. I. Method and theory. Stanford (California), 1978.

Или:

Universals of human language. Vol. I. Method and theory. Stanford (California), 1978.

Для электронных ресурсов допускается вместо слов «Режим доступа» (или их эквивалента на другом языке) использовать для обозначения электронного адреса аббревиатуру «URL» (Uniform Resource Locator— унифицированный указатель ресурса). После электронного адреса в круглых скобках приводят сведения о дате обращения к электронному сетевому ресурсу, после слов «дата обращения» указывают число, месяц и год:

Непомнящий В.С. Пушкин и судьба России [Электронный ресурс]. // Глагол. – Электрон. дан. М., 2001. URL: <http://www.glagol-online.ru/n5/115/> (дата обращения: 3 сент. 2009).

**Статьи, оформленные без соблюдения указанных требований,
редакцией не рассматриваются.**

Сдано в набор 26.07.2012 Подписано в печать 22.09.2012.
Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Гарнитура «PetersburgC»
Печать цифровая. Усл. печ. л.17,89. Уч.-изд. л. 14,90. Тираж 500 экз.
Заказ №

Адрес редакции: 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Б.Садовая 33,
редакция журнала «Известия ЮФУ. Филологические науки», ауд. 413.
Телефон: 8 (863) 264-47-88, 8-960-464-33-21
E-mail: igornef@yandex.ru
Ответственный секретарь: Нефёдов Игорь Владиславович

Типография ЗАО «Центр Универсальной Полиграфии»
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140, офис 201
тел. 8-918-570-30-30